

ЛЕНИН

Сергей Кремлев

Ленин. Спаситель и создатель

«Алисторус»

2016

УДК 316.77:004

ББК 65.9

Кремлев С.

Ленин. Спаситель и создатель / С. Кремлев — «Алисторус»,
2016

ISBN 978-5-906817-05-1

Россия заново открывает для себя Сталина, но пора открывать заново и Ленина. Возглавив Россию в тяжелейшее время, Ленин оказался её Спасителем, пролив и кровь «за други своя»... Затем он стал Творцом новой России, новых социальных законов и отношений, новых чувств, новых идей и новых людей. Умением провидеть и создавать умное будущее он важен для нас и сейчас. Сегодня Украина в приступе социальной паранойи свергает памятники Ленину и тем программирует свою грозную трагедию. Но Ленин не просто достоин всех тех пьедесталов, на которых он стоит на тысячах площадей, он достоин и большего – понимания. И для того, чтобы понять Ленина, не требуется копаться в закрытых архивах – достаточно его читать. Ленинские письма, а также записки и телеграммы послереволюционных лет занимают десяток томов, и это – наиболее точная информация о Ленине, как и сорок пять томов его трудов. Они сами по себе развенчивают миф о пресловутом plombированном вагоне и прочие подлые мифы. Со страниц книги Сергея Кремлёва, широко предоставляющего слово самому Владимиру Ильичу, встаёт неожиданный и многогранный Ленин: мыслитель-гуманист и остроумный политик, вождь и романтик, жёсткий менеджер и блестящий спортсмен... Но, прежде всего – гениальный инициатор движения России к мощи и расцвету. После Октября 1917 года Ленин стал неудобным для большевистской элиты – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина... Лишь Сталин был предан ему, видел в Ленине вождя – гаранта новых успехов. И Сергей Кремлёв отдельно останавливается на тайне последних дней Ленина, так рано и странно ушедшего из жизни. Эта книга, прочесть которую полезно всем, кому не безразлична судьба России, – подлинный прорыв в освещении ленинской темы.

УДК 316.77:004

ББК 65.9

ISBN 978-5-906817-05-1

© Кремлев С., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

От автора	7
Глава 1. Апрельские тезисы	20
Глава 2. «Спецоперация» Николая Старикова против «Николая» Ленина	34
Глава 3. «Клондайки» большевиков: от Эриванской площади до издательства Малых	45
Глава 4. «Золото партии» на груди у Инессы Арманд	54
Глава 5. «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв...»	64
Глава 6. Кто развалил Россию – «Николай» Ленин или Николай Романов?	72
Глава 7. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?»	79
Глава 8. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?»	88
Глава 9. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?»	97
Глава 10. «Германо-английский» «агент» Ленин против германского агента Боргбьёрга	104
Глава 11. Российский Февраль и американский Апрель 1917 года	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Сергей Кремлев

Ленин. Спаситель и создатель

© Кремлёв С., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Автор сердечно благодарит руководство и Центральный Комитет Коммунистической партии Российской Федерации за поддержку в издании этой книги

*Должность честных вождей народа нечеловечески трудна...
Из очерка Максима Горького
«Владимир Ильич Ленин»*

*На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи...
Из мемуаров великого князя
Александра Михайловича,
Париж. Июнь 1932 г.*

*Социализм уже теперь не есть вопрос отдалённого будущего, или какой-нибудь отвлечённой картины, или какой-либо иконы... Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться... Вот что составляет задачу нашей эпохи... Все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая.
Из последней публичной речи В. И. Ленина, произнесённой на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 года и опубликованной в газете «Правда» 21.11.1922*

Посвящается 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и 100-летию Октябрьской революции, которая заложила базу всех будущих побед России

От автора

В наше подлое и несуразное время – самое подлое и несуразное в истории России – в общественном сознании усилиями негодяев и глупцов установилось два политиканских клише, два псевдоисторических шаблона...

Сталин в глазах многих – это кровавый палач, уничтоживший в ГУЛАГе всех лучших людей России.

Ленин же – это германский шпион, на немецкое золото разрушивший Россию, которая вот-вот готовилась в составе Антанты победить Германию и процветать.

Тот факт, что Россия – не элитарная, а народная Россия, по Сталину не то что плакала, а *выла*, негодьями в расчёт не берётся.

Не берётся негодьями в расчёт и то, что так же массово Россия простых людей скорбела по Ленину.

Ленин...

Вряд ли есть более врезанное в мировую историю имя?.. И это звучное имя, несмотря на фонетическую схожесть со словом «лень», полно энергии... Но какой? Разрушительной или созидательной?

В январе 2014 года исполнилось 90 лет с того дня, как Россия и мир начали жить без Ленина – как конкретного человека, безвозвратно ушедшего в физическое небытие 21 января 1924 года.

А 7 ноября 2017 года исполнится 100 лет с того дня, как Россия и мир начали жить с Лениным, как вождём Октябрьской революции. С тех пор он стал символом надежды и предметом горячей любви для одних и не менее горячей ненависти для других. И этот Ленин, Ленин как историческая фигура, – по сей день наш современник.

А ещё более прочно он будет входить в наше будущее – по мере того, как оно будет становиться настоящим.

Одни называли Ленина «самым человечным человеком» – как поэт Владимир Маяковский, другие – безжалостным диктатором, как эмигрантский историк Георгий Вернадский... Так кто он – Ленин? И чего он достоин – любви или ненависти?

Пожалуй, Ленин достоин правды.

Самый верный способ оценить человека, а тем более политика – это знать полную правду о нём.

И такая правда – острая штука!

Правда об одних политиках быстро низводит их на законно положенное им место – не политиков, а политиканов, мелкой, грязной дряни, исторических карликов.

А правда о Ленине?

Скажу сразу, что полная правда о нём неопровержимо и непоколебимо делает его титаном духа и мысли, вечным спутником и собеседником всех людей с горячим сердцем, холодным умом и чистыми руками. Недаром та главная газета, которую основали два великих большевика Ленин и Сталин, была названа «Правдой».

В приступе социальной паранойи Украина свергает памятники Ленину и тем программирует свою всё более грозную трагедию. Но Ленин достоин всех тех пьедесталов, на которых он стоит и сегодня на сотнях площадей в больших и малых городах.

Ленин достоин и большего – он достоин *понимания*. Поняв Ленина, суть его природы и его судьбы, мы лучше поймём себя... Поэт Владимир Маяковский написал о нём: «Он – как вы и я, совсем такой же... Только, может быть, у самых глаз мысли больше нашего морщият кожей, да насмешливей и твёрже губы, чем у нас...» Но как много людей сегодня не согласятся с этой оценкой! Они уверены, что они намного лучше, человечнее и даже умнее Ленина – ведь такая

высокоучёная организация, как Российская академия наук, сообщила «дорогим россиянам», что Ленин повёл-де Россию по ошибочному пути, и завёл её в тупик.

Дай Бог такого «тупика» нынешней России!

Тот, кто решит, что название этой книги – намёк на библейскую символику, не будет совсем неправ... Но если библейский бог, единый в трёх лицах, предстаёт на страницах Библии вначале как бог Саваоф – Творец мира, а затем как богочеловек Иисус Христос – Спаситель человечества, то человек Ленин сыграл двуединую роль в истории России и мира в обратном порядке.

Вначале Ленин стал Спасителем России. В начале XX века Ленин спас Россию от хаоса, в который она погружалась после всех провалов царизма и Временного правительства. Спас Ленин Россию и тем, что увёл её от раздробления и судьбы полуколонии, то есть – от того, что получила Россия в конце XX века, отказавшись от Ленина и от продолжателя его дела Сталина.

Эту спасительную роль Ленина – пусть и с опозданием, пусть и сквозь зубы, признал даже великий князь Александр Михайлович, дядя императора Николая Второго («дядя Сандро»). В июне 1932 года, в Париже, он написал:

«Весною 1919 года в России последовал целый ряд авантюр наших бывших союзников, которые способствовали тому, что большевики были возведены на пьедестал борцов за независимость России... Главы союзных государств вели политику, которая заставила русских офицеров и солдат испытать величайшие разочарования в наших бывших союзниках и даже признать, что Красная армия защищает целостность России от поползновений иностранцев.

Англичане появились в Баку и создали независимое государство Азербайджан с целью овладения русской нефтью...

Итальянцы появились почему-то в Тифлисе и помогли образовать самостоятельную Грузию в южной части Кавказа, которая была известна своими марганцевыми месторождениями.

Французы заняли Одессу, главный пункт южнорусского экспорта, и стали благосклонно прислушиваться к предложениям лидеров „самостийной“ Украины, которые ещё месяц тому назад исполняли роли тайных и явных агентов германского командования...

Вершители европейских судеб (Антанта. – С.К.)... надеялись одним ударом уничтожить и большевиков, и возможность возрождения сильной России.

Положение вождей белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что не замечают интриг союзников, они призывали... к священной борьбе против Советов, с другой стороны – на страже русских национальных интересов стоял ни кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи, апеллируя к трудящимся всего мира...»¹

Под «союзниками» обычно понимали тогда англо-французскую Антанту, так что к перечню «дяди Сандро» следует прибавить ещё и янки, вознамерившихся контролировать русский Север и Дальний Восток... И японских интервентов, убравшихся из России последними – даже позже Врангеля... И белочехов, чьими руками на золото США была развязана гражданская война...

Это – не считая воронья помельче, типа турок, канадцев, румын, поляков и прочих.

Плюс – собственно белогвардейцы...

А ведь кроме интервентов и белогвардейцев были ещё и националисты-сепаратисты!

Однако Антанта и США оказались, конечно, главными стервятниками, нацелившимися клевать Россию после 1917 года... «То, что мы наблюдаем в России, является началом великой борьбы за её неизмеримые ресурсы сырья», – сообщал в мае 1918 года журнал англо-русских финансовых кругов «Россия». А вот что писала «London financial news»: в ноябре 1918 года:

¹ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 302–305.

«События все более принимают характер, свидетельствующий о тенденции к установлению над Россией международного протектората по образу и подобию британского плана для Египта. Такой поворот событий сразу превратил бы русские ценные бумаги в сливки международного рынка».

Вот как закручивалась тогда судьба России, и позднее тот же великий князь Александр Михайлович вспоминал:

«Инспирируемое сэром Генри Детердингом, всеильным председателем компании „Ройял Датч Шелл“... британское министерство иностранных дел обнаруживало дерзкое намерение нанести России смертельный удар путём раздачи русских областей союзникам и их вассалам...»²

Но вышла осечка. «Сливки» скисли, «русские» акции по причине чересчур хорошего качества плотной бумаги нельзя было использовать даже для целей специфически утилитарных, а дерзкие намерения англосаксов были пресечены самым решительным образом! Великую, единую и неделимую Россию, которой клялись белые «вожди», оказавшиеся в одной упряжке с детердингами, спасли не они, а большевик Ленин, автор блестящего политического эссе «О национальной гордости великороссов», написанного ещё в конце 1914 года!

Такова правда о Ленине: встав в тяжелейшее, кризисное время во главе России, Ленин стал её *Спасителем*. При этом он и кровь пролил за Россию, «за други своя»...

А затем Ленин стал создателем новой России, *Творцом* целого нового мира – мира новых социальных законов и отношений, новых чувств и чувствований, мира новых идей и новых людей.

Тёзка Ленина – Владимир Маяковский, названный Сталиным лучшим поэтом пролетарской эпохи, точно уловил нерв происходящего, написав: «Довольно жить законом, данным Адамом и Евой...»

То есть библейские аллюзии тогда носились, что называется, в воздухе! В знаменитой поэме «Двенадцать» Александра Блока Иисус Христос прямо предводительствует красным патрулём из двенадцати человек. К слову: число «двенадцать» – это тоже прямая блоковская отсылка к Библии с её двенадцатью апостолами Христа. Но красногвардейцы из революционных патрулей если и были апостолами, то – Ленина, народного вождя. Блок в своей поэме поставил во главе солдат революции Иисуса, однако в исторической реальности к новому миру Россию повёл Ленин.

А обветшавшей романовской России – сказки о её бурном дореволюционном развитии не более, чем сказки – было необходимо именно преобразование, а не косметические реформы.

Даже некоторые «старые большевики» вроде Каменева и Зиновьева в 1917 году желали скорее структурных реформ на почве буржуазной республики с «социалистическим» правительством, и только Ленин понимал, что необходима коренная *ломка*...

В своём месте я буду ссылаться на Николая Дмитриевича Кондратьева (1892–1938), крупного русского и советского экономиста, члена Учредительного собрания от партии правых эсеров. Кондратьев был политически сложной фигурой: несмотря на немалый вклад в создание теоретических основ плановой экономики СССР, он оказался внутренне враждебен планам форсированной индустриализации, запутался в заговорах... В 1930 году был впервые арестован, в 1938 году расстрелян. А в первые годы Советской власти Кондратьев стал известен книгой «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции», изданной в 1922 году. Ленин ценил эту книгу, и она входила у него в число настольных.

Кондратьев, как уже сказано, был не большевиком, а эсером, да ещё и правым, видным эсеровским публицистом с мощной научной базой фактов в своих статьях. Так вот, 7 сентября

² Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 304.

1917 года в правозасерофской газете «Воля народа» в статье «Снабжение населения необходимыми предметами промышленности» Кондратьев писал:

«Благодаря своей бедности, хозяйственной и духовной отсталости, русский человек потреблял до войны очень незначительное количество различных продуктов по сравнению с развитыми европейскими странами. Это ясно из следующих цифр о среднем потреблении русским человеком в 1904 г.:

	Хлеб, пуд	Сахар, фунт	Хлопок, фунт	Чугун, пуд
Англия	28,99	90,5	41,2	11,3
Франция	23,24	36,1	12,5	4,1
Германия	28,06	42,0	15,3	10,0
США	54,34	78,0	20,4	14,3
Россия	18,34	13,2	5,3	1,6

Эти цифры определённо говорят о действительно нищенском потреблении предметов русским человеком. Столь же незначительно было его потребление и других предметов. Так потребление мыла равнялось в среднем 4,8 фунт., керосина – 14 фунт., свечей – 0,4 фунт., спичек – 2,29 на человека...

Такое низкое потребление различных предметов показывает, что в сущности русский человек едва-едва удовлетворял самую неотложную человеческую нужду... Русская экономическая жизнь не давала нашему населению никакой возможности для большей „роскоши“...»³

Один русский фунт – это 409,5 грамм. То есть мыла в России за десять лет до «пикового» для старой России 1913 года (мало что здесь изменившего) приходилось на душу населения один кусочек в месяц. А ведь стиральных порошков тогда не было, мылом не только мылись, но и *стирали*.

Долго же пришлось бы отмываться старой России при таком расходе мыла...

А 0,4 фунта свечей в год – это пара свечей.

В год!

И плюс две спички в год, чтобы их зажечь.

Не очень-то была, выходит, и освещена та Россия, по которой плачут говорухины и михалковы? Это тебе не знаменитая «лампочка Ильича», пришедшая в быт русской деревни после Октябрьской революции!

И ведь Кондратьев приводил цифры довоенного потребления. Через три года после начала войны даже эти *нищенские* цифры резко *упали*!

К 1917 году царская Россия становилась не просто отсталой, но и всё более отстающей от лидеров страной. Достаточно знать, что в 1917 году в России было всего два специальных государственных медицинских высших учебных заведения: Петроградская военно-медицинская академия и Петроградский женский медицинский институт, плюс – медицинские факультеты университетов, которых тоже было не в избытке: одиннадцать, включая Варшавский и Дерптский. Было всего десять – на всю страну, государственных политехнических и технологических вузов (включая Варшавский и Рижский политехнические), из которых три политехнических института – в Томске, Новочеркасске и Петрограде были открыты уже в XX веке.

Прогресс «бурный», что и говорить!

Имело царское Российское государство два горных института, два – инженеров путей сообщения, один электротехнический институт – в Петрограде. К слову, государственных

³ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции: 2-е изд. М.: Наука, 1991. С. 468–469.

духовных высших учебных заведений в России 1917 года насчитывалось семь: шесть православных духовных академий и одна римско-католическая⁴.

Вот с чем вошла старая Россия в век машин и электричества...

В *реальном* масштабе времени, 14 марта 1913 года, в статье «Наши „успехи“», опубликованной в № 61 «Правды», Ленин с цифрами в руках разоблачил всю лживость заявлений министра финансов Коковцова о якобы «подъёме» за последние годы:

«Наша промышленность, как и всё народное хозяйство России, развивалась и развивается... Это нечего и доказывать. Но ограничиваться данными о „развитии“ и самодовольно хвастливыми указаниями, ...значит *закрывать глаза на невероятную* отсталость и нищету России, обнаруживаемые этими данными.

Стоимость продуктов нашей фабрично-заводской промышленности была 4307 млн. руб. в 1908 г., а в 1911 г. – около 4895 млн. руб., восторгается министр финансов.

Посмотрите же, *какое значение* имеют эти цифры. В Америке каждое десятилетие производятся переписи. Чтобы найти цифру, *похожую* на нашу, надо вернуться к 1860 году, когда в Америке было ещё *рабство* негров.

В 1860 году стоимость продуктов обрабатывающей промышленности определялась в Америке в 3771 млн. руб., а в 1870 г. уже в 8464 млн. руб. В 1910 г. мы имеем там уже сумму в 41 344 млн. руб., то есть почти *вдвукратно* больше, чем в России. Население России – 160 млн., а Америки – 92 млн. в 1910 г., и 31 млн. в 1860 году!

Средний заработок русского фабрично-заводского рабочего в 1911 г. – 251 руб. в год...

В Америке в 1910 г. средний заработок промышленного рабочего – *1036 рублей*, то есть больше чем *вчетверо* выше русского. В 1860 году этот заработок равнялся *576 рублям*, то есть вдвое больше *теперешнего* русского.

Россия XX века *стоит ниже рабской Америки...*⁵

Это ведь не политическая пропаганда, это – промышленная статистика! Причём – официальная царская. Но эта статистика была царизм наотмашь и наповал. И поэтому повторю ещё раз – *все утверждения о том, что царская Россия динамично развивалась и быстро догоняла мировых лидеров – сказки!*

Она-то развивалась, но так, как это надо было не России, а иностранному капиталу!

В 1914 году в Берлине на немецком языке вышла книга немецкого мелкобуржуазного экономиста Е. Агада с длинным названием «Крупные банки и всемирный рынок. Экономическое и политическое значение крупных банков на всемирном рынке с точки зрения их влияния на народное хозяйство России и германо-русские отношения». Автор 15 лет прослужил в Русско-китайском банке, так что предмет знал, почему Ленин широко и использовал его данные в своей капитальной дореволюционной работе «Империализм как высшая стадия капитализма».

Так вот, Агад сообщал, что на конец 1913 года из 19 крупнейших банков России 11 были основаны фактически на иностранные капиталы, из них 4 – на германские, 2 – на английские и 5 – на французские⁶. И это ведь имеются в виду только «чисто» чужие банки, но в остальных оставшихся восьми якобы «русских» банках иностранных капиталов тоже хватало...

В 1914 году Ленин, ссылаясь на данные Е. Агада писал:

«Из почти 4-х миллиардов составляющих „работающий“ капитал крупных банков, свыше 3/4, более 3-х миллиардов, приходится на долю банков, которые представляют из себя, в сущности, „общества-дочери“ заграничных банков, в первую голову парижских (знаменитое банковское трио: „Парижский союз“; „Парижский и Нидерландский“; „Генеральное общество“) и берлинских (особенно „Немецкий“ и „Учётное общество“)... И, разумеется, страна, вывозя-

⁴ Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. Т. 4, с. 689–690.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. (далее – ПСС). Т. 23, с. 20–21.

⁶ Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 15.

щая капитал, снимает сливки: например, берлинский „Немецкий банк“, вводя в Берлине акции Сибирского торгового банка, продержал их год у себя в портфеле, а затем продал по курсу 193 за 100, т. е. почти вдвое „заработав“ около 6 млн. рублей барыша...»⁷

А государственные иностранные займы старой России?! Первый внешний заём был сделан в царствование Екатерины II в 1769 году у голландских банкиров на сумму 5,5 миллиона гульденов. С тех пор, как писал Ленин по другому поводу, всё пошло по русской поговорке: «Первая – колум, вторая – соколум, остальные – мелкими пташечками»... Вот только то иностранное финансово-промышленное вороньё, которое всё наглее терзало российскую экономику, было отнюдь не мелкого пошиба: Нобели, Ротшильды, Томпсоны, Беринги, Зингеры, Лазары, Детердинг, Сименс, Юз и так далее...

На горную, горнозаводскую и металлообрабатывающую отрасли приходилось более 70 % всех иностранных капиталовложений в промышленность, при этом командные высоты иностранцы осваивали прежде всего в важнейшей группе «А», то есть – в производстве средств производства, где доля иностранного капитала составляла 60 процентов, в то время как в группе «Б» – производство средств потребления, всего 18 процентов⁸.

Могла ли преодолеть эту губительную для экономической (а, значит, и для политической!) независимости тенденцию Россия, даже свергнувшая самодержавие, но оставшаяся буржуазной?

Нет, конечно!

И если бы не Ленин, начавший строить новую – социалистическую, Россию, то после даже самого победоносного окончания Первой мировой войны, буржуазной России – и до войны на две трети принадлежавшей не себе, а Западу – пришлось бы расплачиваться по огромным военным внешним долгам.

А их, только краткосрочных, накопилось к 1917 году на три довоенных годовых бюджета Российской империи.

Именно Ленин смело порвал паутину внешних долгов и снял иностранные оковы с экономики России, именно Ленин увёл Россию от бездарной, зависимой, незавидной судьбы. А затем он показал стране перспективу судьбы великой и увлекательной.

Так Спаситель он России, Создатель, Творец он могучей России, или нет!?

Окрашенное как в трезвые – с политико-экономическим анализом, так и в эмоциональные – почти библейские тона предчувствие конца старого мира и нового, небывалого Акта Творения охватывало тогда многих остро и тонко чувствующих русских людей. Достаточно перелистать страницы сборников поэзии такого оригинального, хотя и не глубокого ума, как поэт и художник Максимилиан Волошин, чтобы убедиться в этом лишний раз. Вот названия некоторых его стихов предреволюционных и революционных лет: «Армагеддон», «Неопалимая Купина», «Видение Иезекииля», «Иуда Апостол», «Россия распятая»...

В 1918 году Сергей Есенин написал стихотворение с показательным названием «Небесный барабанщик», где Иисус Христос выведен в виде глашатая революции:

«Мы идём, а там, за чашей,
Сквозь белёсость и туман,
Наш небесный барабанщик
Лупит в солнце-барабан».

Чуть позже он же напишет стихотворение «Пантократор» («Всемогущий»), где, обращаясь к Иисусу, заявит:

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 349.

⁸ Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. С. 21.

«За седины твои кудрявые,
За копейки с золотых осин
Я кричу тебе: „К чёрту старое!“,
Непокорный, разбойный сын».

И далее:

«Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей...»

Это ведь не средней руки партийный пропагандист написал... Это написал в реальном масштабе исторического времени великий русский поэт!

Приведу оценку, исходящую и из другого пласта мыслей и чувств, – мнение крупнейшего русского учёного-металлурга Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло, высказанное им в 1924 году, в частном письме за границу:

«... Я потерял во время революции буквально всё, что имел. В войсках Колчака я потерял сына и племянника. Тем не менее я ни на минуту не сомневаюсь, что победа красных и провал Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и проч., и проч. есть благо. Больна была вся нация, от подёнщика до министра, от нищего до миллионера, – и, пожалуй, интеллигенция была в большей мере заражена, чем простой народ...»

Я считаю современный строй исторически необходимым для России... Современное правительство медленно, но неуклонно ведёт русский народ к выздоровлению».

Это было сказано о правительстве Ленина.

Да, к 1917 году Россия была, что называется, беременна революцией, причём революцией именно народной, пролетарской, о чём даже Ленин не очень-то догадывался даже в начале 1917 года – будет у нас о том разговор позже.

Сегодня негодяи и разного рода глупцы попугайски повторяют истёртые временем басни о том, что якобы германский агент Ленин приехал в Россию в запломбированном вагоне и взбулгачил-де несчастную Расею-матушку на радость германскому генштабу.

Доберёмся мы и до «пломбированного вагона», и много до чего ещё... Но сразу скажу, что Ленин за всю свою политическую жизнь никогда и ни у кого не брал ни копейки, если это обязывало бы его перед жертвователями в политическом плане. Тем или иным образом продавались другие – меньшевики, эсеры, кадеты и т. д., и вот им-то потом приходилось отработывать авансы.

Что они и делали.

В том числе и поэтому они сваливали с больной головы на здоровую, клеветца на Ленина. А поскольку: 1) «немецкое золото», якобы полученное Лениным, и 2) якобы ангажированность Ленина германским генштабом, сегодня оказываются наиболее популярными обвинениями Ленина, на этих двух моментах придётся остановиться подробно, вписав реабилитацию Ленина в общий контекст той эпохи. И тогда станет ясно, что Россия ждала именно Ленина, сама о том до поры, до времени, не зная. Но когда он оказался востребован эпохой, мало нашлось в России людей, которые не поняли бы – пусть и не все сразу, что именно Ленин России и нужен.

Написать книгу о Ленине мне хотелось давно, и написать её я давно считал своим долгом. И вот почему...

Ленин – безусловно, первая и самая крупная фигура в истории России и мира, если иметь в виду хронологическую последовательность появления в мировой истории её великих творцов. Сталин стал позднее второй первой и самой крупной фигурой в истории России и мира, и в сказанном нет ни парадокса, ни противоречия. Ленин и Сталин – люди по рисунку натуры разные, в историческом плане оказались политическими близнецами, фигурами равноценными.

У Сталина – с учётом его ошибок – можно учиться тому, как надо строить новый мир.

У Ленина – тому, как создавать условия для начала его строительства... Впрочем, тому, как строить новое общество, у Ленина тоже можно поучиться.

Если обратиться к аналогии из спорта, можно сказать, что Ленин и Сталин навсегда разделили высшую ступеньку на пьедестале почёта Истории человечества. Однако сейчас фигура Ленина оказалась в исторической тени, из которой, правда, он уже начинает выходить. Общественные взоры сегодня больше обращены к Сталину, чему есть свои причины. Но, не поняв сути Ленина, мы не поймём в полной мере и сути Сталина.

Между прочим, не случайно уже на протяжении десятилетий Ленина пытаются оторвать от Сталина и даже противопоставить одного другому. Сам же процесс официального чуть ли не обожествления Ленина в СССР и уж, во всяком случае, – нанесения на его живую мысль тщательного глянца, надо относить не к сталинской эпохе. Для Сталина и в эпоху Сталина Ленин был не иконой, а знаменем. Иначе всё повернулось во времена «верного ленинца» Хрущёва, якобы возвратившего Россию и партию к «ленинским нормам жизни и руководства» после якобы сталинского их «извращения».

Хрущёву, хрущёвцам-шкурникам и всё более густо окружающим Хрущёва агентам влияния Запада было важно принизить Сталина, заслонить его гигантскую фигуру. А сделать это можно было, лишь задвинув Сталина за единственную равновеликую ему фигуру русской истории – Ленина. Начало этому было положено в середине хрущёвских 50-х годов, и всё продолжилось в брежневские годы. В изображении официальной пропаганды Ленин стал походить на китчевые раскрашенные фигуры девы Марии в католических храмах.

Владимир Маяковский в стихотворении «Юбилейное» написал о Пушкине: «Я люблю вас, но – живого, а не мумию». Всё верно – мумию любить нельзя, а глупцы-начётчики из брежневского Политбюро ЦК КПСС типа Михаила Сулова позволяли скрытым агентам влияния Запада типа будущего ренегата «Александра Н.» Яковлева усиленно наводить на Ленина «хрестоматийный глянец» и делать из него мумию.

К слову, Яковлев уже после убийства СССР открыто признался, что это был давний план: ударить Лениным по Сталину, а потом ударить и по Ленину, и идеям Ленина. Мы это ещё увидим в своём месте.

В итоге вместо объективного исторического анализа феномена Ленина, феномена Ленина – Сталина общество к началу «катастрофки» имело два схематизированных муляжа – предельно глянцевый «хрестоматийный» муляж Ленина и скупно раскрашенный муляж Сталина.

С приводом к власти Горбачёва хрущёвско-брежневский период скрытого разложения социализма сменился его открытым внутренним демонтажом, и оба муляжа густо залили грязью. По мере крепчания ельцинизма-путинизма к грязи стали всё более подливать красной – под цвет крови, дешёвой краски.

И всё ещё подливают.

Но может ли дискредитация Ленина и Сталина продолжаться бесконечно?

Думаю – нет! Задыхаясь от лжи, общество почти инстинктивно стремится глотнуть чистого, свежего воздуха. Сейчас это и происходит – в тирана Сталина и в злодея Ленина верят уже далеко не все. Причём первым началось восстановление в исторической памяти России подлинного облика Сталина, и это вполне объяснимо. Сегодня самым актуальным историческим вопросом оказался вопрос – то ли общество мы строили? Строительство социализма

связано прежде всего с именем Сталина, вот на Сталина больше всего и ополчились «реформаторы»-капитализаторы. По закону исторического противодействия имя Сталина начало очищаться поэтому раньше, чем имя Ленина.

Но пора очистить от грязи и Ленина. Лишь проведя и полностью завершив этот процесс и затем вновь встав под знамя Ленина – Сталина, мы сможем преодолеть самый страшный и самый опасный кризис в своей истории и начать подлинное возрождение России.

При этом серьёзных книг о Ленине даже заинтересованный читатель не найдёт ни в библиотеках, ни на книжных прилавках. Несмотря на обилие советской литературы о Ленине, внимания достойны прежде всего воспоминания о нём... Антисоветская литература о Ленине, особенно зарубежная, тоже не бедна, но это в основном макулатура. И лично я могу рекомендовать читателю лишь увидевшие свет в 2000-е годы книги о Ленине доктора исторических наук Владлена Терентьевича Логинова. Увы, ими объективная и *умная* «лениниана», пожалуй и исчерпывается, если не считать небольшого эссе «Сталин и Ленин» Ричарда Ивановича Косолапова... Как видим, негусто, и моя книга, надеюсь, станет в строй борьбы за Ленина вполне боевой единицей!

Сегодня сложилась парадоксальная ситуация... Те же люди, которые уже *взахлёб* готовы принять и оценить Сталина, искренне и справедливо считавшего себя учеником Ленина, к Ленину по сей день относятся прохладно.

Даже многие люди из, как говорится, «старшего поколения», просто-таки преклоняющиеся перед Сталиным, имя Ленина произносят, пожав плечами: мол, «фигура неоднозначная»... Я могу найти этому лишь одно объяснение: за двадцать с лишним лет два клише: «немецкое золото» и «пломбированный вагон», были особенно прочно вбиты убийцами Советского Союза в общественное восприятие Ленина.

Сталин – ГУЛАГ.

Ленин – «пломбированный» вагон.

Ну что ж, разберёмся мы и с «немецкими миллионами», и с «пломбированным вагоном»! Причём к этим двум темам придётся по ходу книги возвращаться не раз, и не два, но в итоге обе эти темы можно будет закрыть раз и навсегда.

Именно так!

Соблазнительно написать о молодом Ленине, о его дооктябрьской революционной работе в России и в эмиграции, и мы эти темы затронем – как же иначе? Ленин не знал – когда точно в России станет возможна социальная революция, но он был готов к ней в любой момент, он готовил себя к ней каждый день с самого начала своей самостоятельной жизни. Он создавал и создал сыгранный партийный «оркестр», он писал «партитуру» партийной программы, и всегда был готов сыграть «симфонию революции»...

Соблазнительно написать о Ленине не политике, а человеке. Ведь Ленин был чертовски незауряден и ярок – не как киногерой из Голливуда, а как редкостно здоровая натура, здоровая и духовно, и, между прочим, физически. Он был неутомимым ходяком, велосипедистом, лыжником, на коньках стоял как фигурист, прекрасно плавал, и в холодных швейцарских озёрах заплывал так далеко, что жена начинала беспокоиться.

Впрочем, человек в Ленине был неотделим от политика, причём – политика совершенно нового типа – гениального и успешного политика большинства... И Маркс, и Энгельс тоже были политическими гениями и лично большими натурами, однако их сферой была, в основном, теория. Ленин же смог заняться не только теорией, но и практикой социализма. До него почти все великие практические политики прошлого, исключая, разве что, Марата, Робеспьера и ещё двух-трёх, были политиками меньшинства... Юлий Цезарь и Людовик XI, Лютер, Кромвель и Кольбер, Потёмкин, Мирабо и Карно, Наполеон, Франклин и Меттерних, Питт, Дизраэли и Линкольн, Бисмарк – все они стояли на стороне имущей Элиты, а Ленин уже в ранней молодости стал на сторону пролетариата, и всю жизнь отдал борьбе за власть Труда.

Чем больше в ходе работы над этой книгой я узнавал Ленина – казалось бы и до этого знакомого мне неплохо, тем лучше понимал, что он ещё значительнее, чем это представлялось. Однако его величие оказалось несколько иным, чем представлялось ранее – более человеческим, более уникальным, более романтическим, более трагическим, но и более счастливым.

Да – счастливым!

В истории мира мало найдётся фигур, о которых можно сказать – как о Ленине: он был очень счастливым человеком и сам это знал!

Никого и никогда Ленин не оставлял равнодушным к себе, это видно даже из того, как писали о нём враги и недруги. Восхищение самобытностью и цельностью Ленина невольно просвечивало даже сквозь самую отчаянную ругань о нём. Что уж говорить о соратниках и друзьях! И только из одних оценок Ленина, накопившихся с 1917 года, можно составить отдельную интересную книгу.

Однако я буду в описании Ленина-человека чаще всего вынужденно краток, потому что сегодня нужна не просто биографическая книга о Ленине, но капитальное исследование о нём – на фоне его биографии, конечно...

Ёмкая, но небольшая книга, осмысляющая Ленина и очищающая Ленина, тоже необходима – особенно для молодых. Пока что интерес молодёжи к нему не так велик, как, скажем, интерес к Сталину, к соратнику Сталина Берии... Но Ленин до конца своей политической жизни, закончившейся весной 1923 года, был натурой молодой, порывистой, и умная молодёжь это рано или поздно оценит.

Между прочим, Ленин был и на редкость жизнерадостным, неунывающим человеком, весёлым, умеющим заразительно не то что смеяться, а до слёз хохотать.

Он был очень разным, но никогда и ни в чём не был тривиальным и мелким – ни в общественном, ни в повседневном житейском своём обличье. Кроме всего прочего, он был философом в точном, изначальном смысле этого слова: он был мастером и любителем познающей мысли. Между прочим, в том числе и поэтому Владимир Ильич, как философ, не мог быть властолюбцем.

И не был им.

Бывший товарищ Ленина по революционной работе, ставший позднее ренегатом, Николай Вольский (Валентинов), претендующий на звание философа, пренебрежительно отозвался о единственном «чисто» философском труде Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». А ведь это говорит лишь об ограниченности Валентинова...

Сегодня научные познания о материальном мире качественно глубже, чем то было во времена Ленина. Однако даже сегодня актуальны вопросы: «Что есть мир? Познаваем ли он? И как человек познаёт мир?»... Ленин отвечал на них просто и внятно: «Мир есть объективная реальность. Он познаваем, однако сам процесс познания бесконечен, как бесконечен мир – „электрон неисчерпаем так же, как и атом, природа бесконечна...“. А познаёт человек мир, исследуя его». По сути, философские идеи Ленина полностью не освоены по сей день.

Всё тот же Валентинов предпослал своей книге о Ленине «Недорисованный портрет» эпиграф из стихотворения о Ленине советского поэта Н. Полетаева:

Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Что ж, пора портрет и дорисовать. Однако я старался дать не только портрет, а широкое историческое полотно, ибо объём книги, повествующей более-менее полно о жизни и исторической деятельности Ленина, не может не быть огромным! Так что эта книга – *дорисованный* портрет гения-гуманиста в интерьере эпохи...

Хотя, предупреждаю сразу, это – весьма своеобразный портрет.

Как надо давать крупную фигуру, тем более – политика, тем более – социального реформатора? Вне сомнений – через достоверные документы, раскрывающие его деятельность, и через конкретные общественные результаты его деятельности. Житейские привычки, склонности, воспоминания друзей и недругов – всё это, в конечном счёте, не так уж и существенно. Точнее – не первостепенно, не основополагающе...

Важно то, что человек делал и сделал, как влиял и повлиял на то общество, проблемами которого он был занят.

Ниже приведены слова, которые при всём желании даже самый подлый антикоммунист не сможет назвать коммунистической пропагандой:

«По плодам их узнбете вы их... Так, всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые».

Это – Евангелие от Матфея, глава 7, стихи 16–18. И это же – вполне точная формулировка *единственно верного и вполне достаточного* критерия для оценки деятельности *любого* общественного деятеля, *любого* политика в *любой* исторический период!

Какие «плоды» принесла деятельность Горбачева?

Ельцина?

Какие «плоды» приносит деятельность Медведева, Чубайса, Путина?

А?

Владимир Маяковский написал о себе: «Я – поэт, этим и интересен...»

Это сказал *поэт*, то есть такой член человеческого сообщества, чья общественная работа тесно и неизбежно сплетена с его личной жизнью. И для духовно развитого и здорового человека действительно должно быть интересно прежде всего то, что *написал* поэт, а не то, были ли у него любовницы и любил ли он сырую, или кипячёную воду...

Такой подход верен даже для портрета *поэта*, и уж, тем более, именно такой подход верен для описания политика! Политик интересен не тем, любил ли он цветы или детей, а тем, что он *сделал* – работал ли он для того, чтобы в мире цвели цветы и были счастливы дети, или его действия были направлены на противоположное...

Скажем, Уинстон Черчилль обладал шармом, был интересным художником – отнюдь не дилетантом, однако нам должно быть важно и интересно в нём прежде всего то, что он был жестоким, бесчеловечным колонизатором, стал одним из второстепенных творцов Первой мировой, одним из первостепенных творцов Второй мировой войны, затем много поработал для начала третьей мировой войны – уже «холодной», а в итоге стал одним из тех, кто своими действиями, сам того не желая, обрушил мощь Британии.

Вот общественные «плоды» политика Черчилля.

И вот что важно для нас в Черчилле.

А что важно для нас в Ленине?

Каковы его общественные «плоды»?

Владимир Ильич Ленин родился 22 апреля 1870 года и умер 21 января 1924 года, то есть не прожил и пятидесяти четырёх лет. Свою жизнь как человек, пришедший в политику – не официальную, а нелегальную, революционную, он начал в двадцать три года, арестовывался, более года сидел в Петербургском доме предварительного заключения, с февраля 1897 года по январь 1900 года отбывал ссылку в сибирском селе Шушенском...

Затем – первая эмиграция, первая общерусская политическая газета «Искра», первая – неудачная, революция 1905 года, подпольные скитания между Петербургом и Москвой, недолгая жизнь в Финляндии...

Затем – вторая эмиграция, уже до февраля 1917 года...

Профессиональный революционер Ульянов, список партийных и литературных псевдонимов которого («Базиль», «В. Ильин», «Вильям Фрей», «Ильич», «Карпов», «Карич», «Дядя», «Тулин», «Не-депутат», «Мирянин», «Старик», «Статистик», «Якоб Рихтер», «Petroff» и так далее) «зашкаливает» за сотню, успел сделать за дореволюционные годы немало. Была создана партия, написан ряд серьёзных политико-экономических исследований, получена известность в социал-демократических и социалистических кругах Европы... Однако если бы Ленин умер, скажем, в январе 1917 года, то сколько-нибудь значительного места не то что в мировой, но даже в русской истории для него не нашлось бы.

Роль Ленина в период с Февраля по Октябрь 1917 года уже намного общественно значимее, она уже крупна и публична. Если бы Ленин умер в сентябре 1917 года, то по крайней мере среди историков его имя не затерялось бы, даже если бы Россия не стала советской.

Но тот Ленин, которого весь мир узнал и знает как ЛЕНИНА – это Октябрь 1917 года и шесть последующих советских лет. Всё это время Ленин стоял во главе созданной им России.

То есть, для верного исторического портрета Ленина важен прежде всего период с начала второй – февральско-мартовской, русской революции и до последних дней активной политической жизни Ленина, то есть – до весны 1923 года. И на этом периоде мы, конечно, остановимся подробно, захватив и очень важные последние два-три года перед февралём 17-го... В целом же портрет Ленина – это, как уже сказано, портрет Спасителя единой и неделимой России от козней её внешних врагов, а затем – Творца новой России. Вот чем Ленин интересен нам, вот каковы *его* общественные «плоды»!

Этим он может и должен быть полезен и для нашего будущего.

А для того, чтобы показать Ленина правдиво, вовсе не требуется копаться в закрытых архивах. В нашем распоряжении есть огромный массив источников, который, как ни странно, толковым образом до сих пор не использовался, несмотря на его широкую распространённость. Это – 5-е издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина в 55 томах.

Только письма с 1893 по 1923 годы, записки и телеграммы послереволюционных лет занимают десяток томов, и уже это – ценнейшая *точная* информация о Ленине. Вот почему в книге активно используются ленинские письма при обширном их цитировании. Зачем играть в испорченные телефоны? Лучше предоставить Ленину возможность *прямого* разговора с читателем, *прямого* рассказа о себе...

А взять ленинские работы – начиная с капитального труда «Развитие капитализма в России» и заканчивая короткими, в страничку, статьями на злобу дня! Многие из этих работ написаны как будто сегодня, а многие – и как будто *завтра*...

Одна «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», относящаяся к ранней, дореволюционной, осени 1917 года чего стоит! Конечно же, мы познакомимся и с ней.

И – не только с ней.

Пожалуй, впервые в литературе о Ленине так широко будет предоставлено слово самому герою книги!

Один из московских журналистов, узнав о том, что я пишу книгу о Ленине и намерен широко его цитировать, предостерег от увлечения этим, поскольку-де, стиль ленинских работ скучноват. Уверен, что, прочтя эту книгу, он спросит: «А где вы нашли *такого* Ленина?»

Ответ прост: «В Полном собрании его сочинений».

Почему-то наименее часто используются наиболее доступные и наиболее достоверные сведения, а ведь сведения, отыскивающиеся в томах ленинских трудов, не только доступны, они ещё и полностью достоверны! Они дают богатейшие возможности для объективного анализа как человеческой и исторической сути Ленина, так и сути той эпохи, главным нервом которой он стал.

С одной из ленинских работ – с его знаменитых «Апрельских тезисов», мы и начнём... С этих тезисов, введённых Лениным в общественный оборот сразу после его возвращения

в Россию весной 1917 года, начинается Ленин как общенациональная фигура, известная не узким общественным кругам, а всему обществу.

С этих же тезисов начинается и широкая общенациональная борьба Ленина за новую Россию, чья история неотделима от истории ленинской жизни, с которой предстоит познакомиться читателю.

Глава 1. Апрельские тезисы

Уже из названия этой главы ясно, что события, о которых пойдёт речь, относятся к апрелю, конкретно – к апрелю 1917 года. Но для того, чтобы лучше понимать ситуацию, которая возникла в России к весне 1917 года, надо хотя бы кратко окинуть взглядом период с момента образования партии большевиков до февраля (марта) 1917 года.

Напомню, что двойные даты объясняются тем, что в дореволюционной России был принят юлианский календарь, разработанный Юлием Цезарем, в то время как Европа давно перешла на григорианский календарь папы Григория XIII, «убежавший» к XX веку по сравнению с юлианским на 13 дней вперёд.

Сегодня мы тоже живём по григорианскому календарю – как весь мир. И это – один из результатов прихода в жизнь России партии Ленина.

Итак, немного – об истории партии...

Российские марксисты – социал-демократы создали реально работающую партию на II съезде в 1903 году. Первый съезд 1898 года в Минске, провозгласивший создание Российской социал-демократической рабочей партии – РСДРП, собрал всего 9 делегатов. На открывшемся же 17(30) июля 1903 года в Брюсселе, а затем переехавшем в Лондон II съезде РСДРП уже 43 делегата представляли 26 региональных организаций.

II съезду предшествовала большая работа Ленина и других тогдашних лидеров социал-демократов по организации выпуска нелегальной газеты, которая позволила объединить разрозненные силы, и такой газетой стала нелегальная «Искра».

На первых порах РСДРП была единой партией, но поскольку на II съезде наметился раскол, а ленинская линия по ряду вопросов получила поддержку большинства, сторонников Ленина стали с тех пор называть большевиками, а оппонентов Ленина в РСДРП – меньшевиками. И хотя потом Ленин и его соратники нередко оказывались в меньшинстве, название оказалось «знаковым» – убедительным и точным.

В конце концов большинство шло за Лениным.

Зимой 1905 года началась первая русская революция... В апреле 1905 года в Лондоне собрался III съезд РСДРП, а 17 октября 1905 года царь вынужден был издать манифест о «свободах»...

В декабре 1905 года в Москве вспыхнуло рабочее восстание, жестоко подавленное. Террор и уступки царя несколько снизили накал страстей: если в 1905 году в стачках приняло участие 2 миллиона 863 тысячи человек (для тогдашней России – цифра огромная), то в 1906 году – 1 миллион 108 тысяч, а в 1907 году – и вовсе 740 тысяч⁹.

В апреле 1906 года в Стокгольме собрался IV съезд РСДРП – так называемый Объединительный. 111 делегатов представляли 57 региональных организаций, но большинство имели меньшевики. В Центральный Комитет, избранный съездом, вошли 3 большевика и 6 меньшевиков, а в редакцию центрального партийного печатного органа – газеты «Искра», только меньшевики (Мартов-Цедербаум, Мартынов-Пикер, Маслов, Дан и Потресов).

Боевитость, напор партии сразу пошли на убыль, и в этих условиях Ленин настаивал на проведении нового партийного съезда, а меньшевики во главе с Плехановым и Мартовым выступали против. Однако в мае 1907 года в Лондоне собрался V съезд РСДРП и длился почти две недели.

На V съезде чётко проявилось противостояние Ленина с одной стороны и Плеханова с Мартовым и Даном с другой стороны. Троцкий выдавал себя за «внефракционного» «центри-

⁹ Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М.: Политиздат, 1963. С. VI.

ста», но фактически поддерживал меньшевиков и бундовцев (членов отдельного еврейского Бунда).

Делегаты съезда представляли 150 (!) тысяч членов партии – вроде бы, немалая сила. Однако тогда это была весьма разношёрстная партия, вскоре начался спад революционного движения, наступила реакция... Нестойкие впадали в уныние и отходили от революции. И Ленин с большевиками полностью разошлись с меньшевиками.

Об этом ещё будет сказано в своё время.

В 1912 году Троцкий создал так называемый «Августовский» блок – антибольшевистский, то есть антиленинский. Ещё раньше, в январе 1912 года большевики провели в Праге VI Всероссийскую партийную конференцию – практически отдельный съезд большевиков. На Пражской конференции был образован особый центр для оперативного руководства партийной работой в России – Русское бюро ЦК во главе со Сталиным, который был избран заочно, поскольку отбывал ссылку в Вологде.

В России начиналось общественное оживление – в восторг от царя приходило всё меньшее число его подданных, и чтобы быть поближе к России, Ленин в июне 1912 года переехал из Парижа в австрийский тогда Краков. Ещё раньше по инициативе Ленина и Сталина с 22 апреля (5 мая) 1912 года, в Петербурге стала выходить легальная ежедневная рабочая газета «Правда», первый номер которой открывала передовая «Наши цели», написанная Сталиным.

Вскоре Сталин был в очередной раз арестован и в июле 1912 года выслан в Нарымский край под гласный надзор полиции на три года. Но уже в сентябре Сталин бежит из ссылки, а в ноябре приезжает к Ленину в Краков в первый раз (вернувшись нелегально в Петербург, Сталин вновь побывал потом у Ленина в конце 1912 года).

В конце февраля 1913 года Сталина арестовывают в последний раз и в июле высылают в Туруханск, откуда убежать было уже невозможно. А в Европе дело шло к войне, которая 1 августа 1914 года и началась.

Ленин тогда переехал из Кракова в деревню Поронин – там было спокойнее и здоровее для заболевшей базедовой болезнью Крупской. В Поронине австрийские власти по ложному доносу арестовывают Ленина – как «русского шпиона». В результате он оказался в галицийской тюрьме в Новом Тарге, но быстро выяснилось, что Ленин и русский царизм – понятия несовместные, и Ленина освободили. Однако, пока австрияки и немцы не поняли, что он является врагом не только царизма, но и вообще всей имущей элитарной сволочи – как коронованной, так и некоронованной, Ленин и Крупская уехали от греха подальше в Швейцарскую республику.

На другой же день после приезда из Поронина в Берн Ленин выступил на собрании бернской группы большевиков с докладом об отношении к войне. Запись этого доклада получила позднее известность как «Тезисы о войне», и вот как смотрел Ленин на положение дел уже в сентябре 1914 года:

«Европейская и всемирная война имеет ярко определённый характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабёж чужих стран, ... стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев, натравив наёмных рабов одной нации против наёмных рабов другой на пользу буржуазии – таково единственное реальное содержание и значение войны...»

Обе воюющие группы наций ничуть не уступают друг другу в жестокостях и варварстве войны.

...Задачей социал-демократии России является в особенности, и в первую голову, беспощадная и безусловная борьба с великорусским и царско-монархическим шовинизмом... С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и её войск (заметим – монархии, а не России, – С.К.)...

Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть:

...всесторонняя, распространяющаяся и на войско, и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наёмных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств...; пропаганда республики немецкой, польской, русской и т. д., наряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединённые Штаты Европы;

...борьба с царской монархией и проповедь революции в России, а равно освобождения и самоопределения угнетённых Россией народов, с ближайшими лозунгами демократической республики, конфискации помещичьих земель и 8-часового рабочего дня»¹⁰.

Социалисты европейских воюющих стран – все, за исключением единиц вроде Карла Либкнехта, поддержали войну и заняли «патриотическую» позицию. Ленин же сразу возвысил свой голос против войны. Причём это была позиция не пацифиста, а революционера: превратим войну империалистическую в войну классовую...

Задумаемся на минуту: если бы народы Европы и России в 1914 году *дружно* прислушались к Ленину и *реально* совершили то, к чему он призывал? Что это означало бы?

А вот примерно что...

Не погибло бы более 20 миллионов человек – военнотружущих и гражданских лиц, и не было бы ранено ещё 20 миллионов.

Не пропало бы без вести 3 миллиона человек.

Не осталось бы 5 миллионов вдов и 9 миллионов сирот.

Не было бы впустую – на разрушения и смерти, израсходовано 50 миллиардов тогдашних фунтов стерлингов. Это умопомрачительная цифра – по нынешним оценкам где-то пять, если не десять триллионов долларов. Только США, вступившие в войну весной 1917 года, истратили на войну в ценах 2001 года полтриллиона долларов!

И все эти деньги могли пойти на развитие Европы и России – на развитие мирной экономики, на жильё, школы, больницы, санатории, на украшение умной и весёлой жизни народов.

Не были бы уничтожены многие города и деревни во Франции, в Бельгии, в Германии, в России, Сербии, Польше...

Не было бы военной разрухи в России, не было бы гражданской войны, не было бы голода 1921 года в Поволжье...

Зато уже к 1915 году была бы единая братская Европа – не буржуазная, а социалистическая!

И для этого надо было всего-то не стрелять Джонам, Жанам и Иванам в Гансов, а Гансам – в Джонов, Жанов и Иванов, а коль уж лондонские, парижские и венские Ротшильды и российские Рябушинские сами вручили им винтовки, направить оружие, как предлагал Ленин, не против друг друга, а против развязавших бойню правительств.

Реально вышло иначе – глупо и кроваво, потому что уже тогда Золотая Элита научилась превращать информационную «лапшу» на ушах простых людей в бриллианты в ушах светских дам! С тех пор элита это умение лишь оттачивала, доведя его в XXI веке до совершенства.

Ленинские же «Тезисы о войне» вскоре были переправлены в Россию и широко обсуждались там в партийных организациях – нелегальных, естественно. Стали они известны и в Европе, и резко антивоенная позиция Ленина в ходе войны лишь укреплялась.

Итак, начавшаяся в 1914 году Первая мировая война застала Ленина в эмиграции, выезд в Россию для лидера большевиков, к тому же – убеждённого противника войны, был невозможен. Так что, когда в России в 1917 году произошла Февральская революция Ленин по-прежнему жил в Швейцарии.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 1–7.

В России же сразу создалась ситуация двоевластия. С одной стороны, образовался Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов – весьма, впрочем, вялый. С другой стороны возник Временный комитет царской Государственной думы во главе с председателем IV Думы, помещиком Родзянко и сформировал первое Временное правительство князя Львова, в которое вошли профессор Милюков – лидер кадетов (партии крупной буржуазии), октябрист Гучков и прочие...

Начинались бурные события, надо было как можно скорее возвращаться домой, однако путь в Россию оказался непрост, о чём будет рассказано позже. Сейчас же, пропуская несколько недель начавшегося 1917 года, просто сообщу, что поздно вечером 3 апреля (16 апреля по новому стилю) 1917 года Ленин приехал в Петроград.

На Финляндском вокзале ему была устроена восторженная встреча, был выстроен почётный караул. По пути в дворец Кшесинской, где разместился штаб большевиков, Владимир Ильич несколько раз обращался с броневика к толпам встречающих с краткими речами. Это были, естественно, просто агитационные призывы, однако наутро 17 апреля Ленин дважды выступал деловым образом. Вначале на хорах Таврического дворца он сделал доклад для большевиков – делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, а потом повторил свою речь уже на объединённом собрании большевиков и меньшевиков, участвовавших во Всероссийском совещании Советов¹¹.

Совещание было созвано Исполнительным комитетом Петроградского Совета и проходило в Петрограде с 11 по 16 апреля н. ст.

Состав Петроградского Совета был тогда преимущественно эсеровско-меньшевистским. Председателем Петроградского Совета первого созыва стал лидер меньшевиков Карло Чхеидзе, другой лидер меньшевиков – Ираклий Церетели, был членом Исполкома Петросовета... Заместителем председателя состоял центрист Матвей Скобелев, в первое руководство Петросовета входили также лидеры эсеров Виктор Чернов и Александр Фёдорович Керенский... Последний, правда, быстро перескочил из кресла зампреда Совета в кресло министра юстиции первого состава Временного правительства, но и без «Александры Фёдоровны» в первом Петроградском Совете претенциозных политических уродов хватало. Скажем, Церетели вернулся из ссылки 19 марта 1917 года и сразу же вошёл не только в состав Исполкома Петроградского Совета, но и в контактную комиссию по координации деятельности с Временным правительством для подготовки вхождения меньшевиков и эсеров в правительство, которое произошло 5 мая 1917 года¹².

Поэтому не исключаю, что срок окончания совещания Советов эсеры и меньшевики из Петросовета намеренно подгадали так, чтобы Ленин не успел на нём выступить, и, во всяком случае, не смог активно в нём участвовать. Зная взгляды и умение Ленина убеждать аудиторию, можно было предполагать всякое, в том числе – если и не немедленный, то достаточно быстрый переход влияния на народную массу к большевикам.

Собственно, так оно дальше и происходило, хотя и не в том темпе, в каком бы следовало.

Между прочим, на Финляндском вокзале Чхеидзе и Скобелев, приветствуя Ленина от имени Петросовета, выразили надежду, что он-де найдёт с ними общий язык. Однако Ленин прошёл к броневикам и бросил в массы призыв: «Да здравствует социалистическая революция!»

Впрочем, от апреля 1917 года до Октября 1917 года должно было пройти не полгода, а целая историческая эпоха – века, спрессованные в шесть месяцев. Пока массы шли не за большевиками.

На Всероссийском совещании Советов были представлены Петроградский и 82 местных Совета, а также Советы армейских частей фронта и тыла. Главные вопросы: о войне, об отно-

¹¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 103–112.

¹² Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Современник, 1990. Т. 2, с. 374.

шении к Временному правительству, об Учредительном собрании, а также – аграрный вопрос, продовольственный и другие. Тон задавали меньшевики и эсеры, дважды витийствовал «патриарх российского марксизма» меньшевик Георгий Плеханов, и Совещание заняло позицию «революционного оборончества». За продолжение войны было подано 325 голосов, против – 57. Было вынесено решение о поддержке Временного правительства, а большевика Старостина, призвавшего к окончанию войны, дружно освистали под не менее дружный социал-патриотический топот делегатов¹³.

Не успел Ленин ступить на русскую землю, а газета группы Плеханова «Единство» уже написала, что Лениным-де «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии»¹⁴.

Конечно, это была чепуха – я ещё к этому вернусь, но Ленин действительно сразу же взял быка за рога, и уже 4(17) апреля на собрании большевиков и меньшевиков заявил:

– Мы – вовсе не пацифисты. Но основной вопрос: какой класс ведёт войну? Класс капиталистов, связанный с банками, никакой другой войны кроме империалистической, вести не может. Стеклов, Чхеидзе всё забыли. Когда читаешь резолюцию Совета рабочих депутатов, поражаешься, как люди, заявляющие себя социалистами, могли вынести такую резолюцию. Воззвание Совета рабочих депутатов – там нет ни одного слова, проникнутого классовым сознанием. Там сплошная фраза! Единственное, что губило все революции, это фраза, это лезть революционному народу...

Как часто потом Ильича обвиняли в том, что он якобы потакает низменным страстям толпы, соблазняет народ красивыми речами, а вот она – правда о Ленине. Только приехав в Россию, он сразу же заявил, что льстить народу большевики не должны. Потому что обман народа – гибель революции...

Ленин был категоричен и в другом:

– Войну можно кончить лишь при полном разрыве с международным капиталом. Войну породили не отдельные лица, а международный финансовый капитал... Революционное оборончество – измена социализму. Что делать? Разъяснить, что такое социализм. Мы не шарлатаны. Мы должны базироваться только на сознательности масс. Если даже придётся остаться в меньшинстве – пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве...

Что показательно! Ленин, *впервые в своей жизни* легально получивший в России обширную аудиторию, сразу же повёл себя как лидер, приверженный правде и только правде, и говорящий с народом языком, понятным народу. Он предупреждал:

– К народу надо подходить без латинских слов, просто, понятно... Что своеобразно в России, это гигантски быстрый переход от дикого насилия к самому тонкому обману... Мы не хотим, чтобы массы верили нам на слово... Мы хотим, чтобы массы *опытом* избавились от своих ошибок... Когда массы заявляют, что не хотят завоеваний, – я им верю. Когда Гучков и Львов говорят, что не хотят завоеваний, они – обманщики. Когда рабочий говорит, что хочет обороны страны. – в нём говорит инстинкт угнетённого человека...

Ленин был, конечно, прав. Он был не против обороны Отечества, он всего лишь призывал народ вначале обрести это Отечество, обрести в нём права человека, а уж потом его защищать.

И то, что было сказано им 17 апреля 1917 года в устном докладе, он немедленно изложил в статье «О задачах пролетариата в данной революции»¹⁵.

Статья была опубликована в № 26 «Правды» 20 апреля (7 апреля по старому стилю) 1917 года и содержала знаменитые тезисы, которые назвали «Апрельскими». Ленин начал писать

¹³ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 531.

¹⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 531.

¹⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 113–118.

их ещё в пути, по дороге в Россию, и 17 апреля передал одному из членов редакции «Правды» с настоятельной просьбой напечатать в ближайшем номере, однако реально статья с тезисами была опубликована чуть позже.

Политическая шепетильность Ленина (как часто его обвиняли в противоположном!) проявилась в том, что он сразу же предупредил читателей «Правды»: «Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, *лишь от своего имени* (жирный курсив мой. – С.К.) и с оговорками относительно недостаточной подготовленности, выступить на собрании 4 апреля...» Иными словами, признанный лидер большевиков, Ленин до одобрения его тезисов Центральным Комитетом РСДРП(б) не считал возможным подавать их как партийную программу! При этом он далее писал, что изготовление *письменных* (здесь и далее везде курсив Ленина, – С.К.) тезисов он предпринял для облегчения работы не только себе, но и «добросовестным оппонентам», и что он «передал их текст тов. Церетели»...

Как видим, Ленин ещё рассматривал Акакия Церетели как товарища по борьбе за новую Россию. Так о какой «гражданской войне в среде революционной демократии» тут можно было говорить? Да, Ленин критиковал Петросовет, но это была пока что *товарищеская* критика, и не вина Ленина, что меньшевики и эсеры к ней не прислушались.

Ленин был в своих основных мыслях твёрд и категоричен, но он всегда был твёрд и категоричен, потому что за его твёрдой позицией всегда стояли долгие размышления. Тем не менее, в первый момент категоричностью Ленина были смущены даже некоторые большевики, особенно Каменев, который никогда особенно «твердокаменным» не был. На следующий день после публикации в «Правде» статьи Ленина с «Апрельскими тезисами», та же «Правда» писала: «Схема т. Ленина представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное пере рождение этой революции в социалистическую»¹⁶?

Впрочем, подобные мнения в массовой части большевистской партии погоды уже не делали – Ленин как никто умел разгонять тучи любых сомнений!

Что же до непосредственно «Апрельских тезисов», то их было десять. И все они были политически безупречны и исторически актуальны. Актуальны по сей день! А точнее – актуальны не столько для нынешнего реального – тупого и подлого, нашего дня, сколько для возможного завтрашнего – умного и весёлого, дня.

Вот эти тезисы, данные ниже в частичном сокращении, с небольшими моими комментариями...

«1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К⁰ остаётся грабительской, империалистической войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки „революционному оборончеству“.

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать своё согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве со всеми интересами капитала...»

Что здесь неясного или неверного?

Россию защищать от внешнего врага надо, но вначале надо установить в России народную власть, которая будет вести войну в целях изгнания оккупантов со своей территории, а не в целях захвата черноморских проливов, и не в целях военных прибылей капитала.

Это ведь и сейчас злободневно: не Чечню надо было усмирять, а выборным путём изгнать из власти в Кремле тот капитал, который породил Чечню, который поощряет националистов и на ровном месте разжигает национальную вражду между народами России.

¹⁶ Милоков П. Н. Указ. соч. Т. 2-й, с. 308.

«2. Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму её этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоёв крестьянства...»

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни. масс пролетариата...»

И тут всё ясно! Как мог иначе мыслить политик, исходящий из интересов трудящихся? В России пало самодержавие, и это – хорошо! Плохо то, что власть осталась у привилегированных. Однако если народная масса пришла в движение, если она стремительно политизируется и сдвигается «влево», то необходимо довести её сознание до понимания того, что революцию надо довести до конца, создав власть, кровно связанную не с помещиками, капиталистами и финансовыми олигархами, а с людьми труда – промышленного и сельского.

Ленин был прав в 1917 году, но его правота сохраняется и спустя почти сто лет! В 1991 году в силу недостаточной трезвости ума и дезорганизации горбачёвцами народов СССР, эти народы утратили Советскую власть, и теперь необходимо вернуть власть в России трудящимся.

«3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний...»

Обещания Временного правительства в 1917 году были действительно пустым звуком, а точнее – намеренным, наглым обманом народа. Но разве не то же самое надо сказать о современном правительстве «Единой России», единолично правящей Россией вопреки интересам народа и во имя интересов двух-трёх процентов населения?

«4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед блоком всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих её влияние на пролетариат элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до... Чхеидзе, Церетели... и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С.Р.Д. (*Советы рабочих депутатов*. – С.К.) есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддаётся влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведём работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам...»

Этот тезис прямо обращён и к современным коммунистам. Терпеливое, систематическое, настойчивое, учитывающее практические потребности масс разъяснение их ошибок, разъяснение иллюзорности надежд на капиталистический строй в России – вот разумная линия КПРФ...

Вернёмся, однако к ленинским тезисам:

«5. Не парламентарная республика – возвращение к ней от С.Р.Д было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии (т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа), чиновничества...»

Если хорошо подумать, то должно быть ясно, что для широких народных масс, живущих своим трудом, Советская власть есть наилучшая форма обеспечения интересов трудящихся, о чём Ленин сразу по возвращении в Россию и сказал. И мысль Ленина не устарела! После двадцати лет существования бездарной и антинародной Государственной Думы РФ это видно вполне отчётливо.

Идея замена постоянной армии всеобщим вооружением народа была для того момента тоже абсолютно верной. И не только для того времени: в современной Швейцарии при наличии небольших кадрированных вооружённых сил эффективный армейский резерв – это, практически, весь народ! Всё мужское население, имея на руках личное оружие, регулярно проходит переподготовку, так что нейтралитет Швейцарии гарантируют не только швейцарские банки, но и автомат мужа и отца в чулане рядовой швейцарской семьи.

Особенно же здорово выглядело окончание пятого ленинского «апрельского» тезиса. Я его даже выделю жирным шрифтом:

«Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего».

Вот уж тут Ильич бил прямо в лоб всей и тогдашней и нынешней продажной, коррумпированной чиновной сволочи! **Если народы России хотят иметь будущее, то они рано или поздно обеспечат в своём Отечестве именно тот порядок вещей, который Владимир Ильич Ленин предлагал ещё в 1917 году**, и который Сталин реализовал в виде партмаксимума – ограничения зарплаты для профессиональных партийных работников. Это хрущёвцы стали жить жирно – убив и оболгав Сталина и Берию, а брежневщина разврат элиты закрепила.

Следующий, шестой тезис Ленина также даёт пищу для современных размышлений российских масс над ним:

«6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы батрацких депутатов. Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землёю местными Советами батрацких и крестьянских депутатов... Создание из каждого крупного имения... образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счёт».

Этого тезиса ждало от политиков всё крестьянство России, и особые разъяснения тут не требуются, но обращу внимание на то, что Ленин ещё весной 1917 года высказал плодотворную идею сохранения сельскохозяйственных латифундий в виде советских хозяйств – совхозов. Если знать, что основную часть товарного (то есть – на продажу) зерна в царской России производили именно крупные капиталистические хозяйства, то точностью мысли Ленина можно лишь восхищаться!

Уже на собрании большевиков 4(17) апреля 1917 года Ленин пояснял:

– Есть богатый мужик, есть батрак. Ему если даже дать землю, – он всё равно хозяйства не создаст. Нужно создать из крупных имений образцовые хозяйства, с хозяйством на общих началах...

Сегодня возврат к совхозам – тоже задача дня, как и следующая задача, поставленная Лениным перед Россией в 1917 году и вновь ставшая насущной через сто лет:

«7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д.»

Это – самый краткий из «апрельских» тезисов, и понятно – почему! Если исходить из интересов огромного большинства народа, а не привилегированной имущей кучки, то здесь всё бесспорно как для 1917-го, так и для 201n-го года.

Потому седьмой тезис и был краток, что стоит ли вокруг очевидного долгие речи разводить?!

На собрании 4(17) апреля Ленин, напомнив о формуле Маркса, что **банк – это**, вообще-то, **«форма общественного счетоводства»**, сказал:

– Война учит экономии, все знают, что банки расхищают народные силы. Банки – нерв, фокус народного хозяйства. Мы не можем взять банки в свои руки, но мы проповедуем объединение их под контролем Совета рабочих депутатов...

Ленин был, как видим, вначале весьма умерен, требуя не национализации, а контроля, и повторил эту мысль в восьмом тезисе:

«8. Не „введение“ социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь *к контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов».

К тому времени, когда Ленин выдвинул этот тезис, в России – при сильном товарном голоде, простаивали немалые производственные мощности. Капиталисты начинали сворачивать и имеющееся производство, чтобы иметь рычаг для давления на рабочих, то есть проводили политику локаута (от английского «lock-out» – «запирать дверь перед кем-либо»). С другой стороны, в стране развилась бешеная спекуляция, поэтому для трудящихся России в 1917 году и этот ленинский тезис в особых комментариях не нуждался.

Если учесть, что путинский режим наплевательски относится к сохранению и развитию важнейших отечественных отраслей промышленности – например, авиапрома, если учесть, что сегодня мы в любом магазине переплачиваем за товар вдвое, втрое, а то и вчетверо по сравнению с *экономически обоснованной* ценой, то...

То и здесь к Ленину не мешало бы прислушаться уже нам, потомкам тех, кто под руководством Ленина совершил Октябрьскую революцию.

Девятый «апрельский» тезис касался вопросов чисто партийных: необходимости немедленного съезда партии [VI съезд РСДРП(б) прошёл с 26 июля по 3 августа 1917 года]; перемены и исправления программы партии по ряду пунктов и изменения названия партии.

Остановлюсь на последнем... Февральскую революцию большевики встретили как отдельная партия – Российская социал-демократическая партия (большевиков), РСДРП(б), но в России были и «просто» социал-демократы, то есть – меньшевики разного рода оттенков. Поэтому на собрании большевиков 4(17) апреля Ленин предложил:

– Лично от себя... Предлагаю переменить название партии, назвать Коммунистической партией. Название «коммунистическая» народ поймёт. Большинство официальных социал-демократов изменили, предали социализм...

С этим предложением Ленина соглашались туго, и он резко бросил:

– Вы боитесь изменить старым воспоминаниям. Но чтобы переменить бельё, надо снять грязную рубашку и надеть чистую... Слово «социал-демократия» неточно. Не цепляйтесь за старое слово, которое насквозь прогнило. Хотите строить новую партию, и к вам придут все угнетённые...

Увы, не все в партии были тогда готовы расстаться со старыми воспоминаниями, да и за «единство» с меньшевиками кое-кто цеплялся... Так что РСДРП(б) была переименована в РКП(б) – Российскую Коммунистическую партию (большевиков), лишь в марте 1918 года, на VII съезде партии.

Наконец, выдвинутый Лениным десятый «апрельский» тезис предлагал обновление Интернационала путём «создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против центра».

К тому времени II-й Интернационал во главе с ренегатами Бернштейном и Каутским стал, фактически, «троянским конём» Капитала в среде международного рабочего движения, почему Ленин и сказал о необходимости нового Интернационала. Он был создан уже после Октябрьской революции как III-й Коммунистический Интернационал, Коминтерн...

Вот что публично предложил Ленин партии большевиков **и всей России** в апреле 1917 года.

Но как эти его предложения были восприняты руководством РСДРП(б), партийным активом и вообще всей политически активной частью российского общества?

А вот то-то и оно, что далеко не всегда и не всеми очевидное воспринимается как очевидное. Не сразу и не все даже в партии согласились с Лениным в том, что надо рвать со старыми воспоминаниями, с соглашателями, с либералами и вести активную агитацию в целях скорой социалистической революции. Даже Сталин несколько колебался, хотя быстро с сомнениями покончил.

Если в каком-то историческом моменте содержится элемент неоднозначности, то возникает почва для политических спекуляций. Спекуляций вокруг Ленина и его дела хватало в России весной, летом и осенью 1917 года, хватало и в наше время. Ведь в начале XXI века Ленин мешает врагам России не меньше, чем он мешал им в начале XX века. Недаром бандеровцы начали с уничтожения памятников Ленину.

Начало же клеветы на Ленина уходит в 1917 год...

Как только Ленин включился в активную политическую жизнь России после Февральской революции, на него тут же стали клеветать с разных политических «этажей» – от «временных» правителей, которые обвинили Ленина в «шпионаже в пользу Германии» до плехановцев, которые обвинили его в развязывании гражданской войны в среде «революционной» (ха!) демократии...

Оно и понятно: Ленин, даже находясь вне России, стал главной головной болью и самой острой проблемой всей российской политической сволочи, что называется – гвоздём в сапоге, и даже – чем-то вроде шила в известном месте...

По этой сволочи прицельно било уже первое, тогда ещё заочное, после-февральское политическое обращение Ленина к партии и России – его «Письма из далека». Ленин начал писать их в Швейцарии сразу после известия о революции в России...

Большевик В. А. Карпинский (1880–1965) пригласил Ильича приехать из Цюриха в Женеву, чтобы выступить перед русскими эмигрантами и швейцарскими социалистами с рефератом о задачах партии в революции и принять участие в митинге интернационалистов. Ленин – к таким просьбам всегда чуткий, на этот раз ограничился коротким письмом: *«Дорогой товарищ! Очень и очень благодарен за информацию. Ни на реферат, ни на митинг я теперь не поеду, ибо надо писать ежедневно в „Правду“, в Питер.*

Лучшие приветы!

*Информируйте меня и впредь о новостях и речах разных направлений»*¹⁷

Тогда же он написал Александре Коллонтай: «Главное теперь – печать».

Вот «Письма из далека» и стали той первой ленинской политической «ласточкой», которая, как известно, весны не делает, но весну возвещает.

Ленин написал четыре письма, однако опубликовано было в реальном масштабе времени лишь первое – в № 14 и 15 «Правды» от 21 и 22 марта (3 и 4 апреля нового стиля), причём – со значительными сокращениями. В «Правде» тогда заправлял Каменев. Вернувшийся из сибирской ссылки Сталин тоже входил в состав редакции, но в первые дни ещё не имел права решающего голоса, а Каменев с самого начала занял отнюдь не «твердокаменную» позицию, и решительность Ленина его смущала.

Так или иначе, первое ленинское «Письмо из далека» до массового российского читателя дошло, а в нём Ленин не только дал толковый анализ происходящего, но и чувствительно наступил на больной мозоль тех правых буржуазных кругов, которые и организовали Февраль 1917 года под чутким руководством английского посла Джорджа Бьюкенена и английской спецслужбы...

«Англичанке», которая «завсегда гадит», свергать русских царей во славу Британии было не впервой – 1 марта 1801 года инспирируемые английским послом Чарльзом Уитвортом заговорщики решили проблему неудобного англичанам Павла I просто – золотой табакеркой в висок.

Павел был натурой сильной, поэтому для его устранения и средства потребовались «сильные». А для слабого духом и умом Николая II хватило вовремя подsunутого акта отречения...

Тогда, в 1917 году, в реальном масштабе времени, это (то есть сговор российских и западных буржуазных «верхов») мало кто осознавал и признавал даже в Петрограде. А Ленин, всего

¹⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 406.

лишь имея газетные материалы, сумел установить точную картину событий Февраля и назвать его западных инициаторов. Он писал о «чудовищной» дезорганизации в царской России, о том, что поражения «расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок»¹⁸.

И это было сущей правдой. Первая мировая война быстро добивала Россию. Вот каким было положение к началу 1917 года, причём ниже дана далеко не вся удручающая картина экономического развала: «Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28 ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44 и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов... Правительственная власть полностью бездействует и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок...»

Эти данные взяты из телеграммы от 26 февраля (старого стиля) 1917 года, направленной председателем Государственной думы Родзянко в адрес генерала Алексеева, начальника штаба Верховного главнокомандующего. Верховным тогда был сам царь¹⁹.

Выход из кризиса родзянки, гучковы, шульгины, милюковы и т. д. увидели в смещении царя, что они и проделали. Но это подавалось, как деяние, спасительное для России и совершенное исключительно в интересах России. А Ленин всё это разоблачил – тут же, сразу же после совершения российской элитой государственной измены.

Конечно, то, что элита изменила царю, Ленина трогало мало, а точнее – не трогало вовсе. Но то, что элита намерена править Россией уже без царя не в интересах народа, активно включившегося в революцию, а в интересах элиты и международного капитала, Ленин разоблачил со всей страстью великого гуманиста и со всей силой убийственной (для негодаев) ленинской логики.

Ниже дан большой отрывок из опубликованного в «Правде» весной 1917 года первого ленинского «Письма из далека». То, что написал Ленин в марте 1917 года, настолько важно и так убедительно разоблачает – само по себе – ложь о якобы сотрудничестве Ленина с Людендорфом, и т. д., что ограничиться просто цитатой невозможно...

Надеюсь, читатель познакомится с анализом Лениным сути Февраля 1917 года с тем же нетерпеливым, захватывающим интересом, с каким перечитывал давно знакомые строки я, работая над этой книгой (выделение текста жирным шрифтом везде моё, курсив везде – ленинский, большинство отточий для удобства чтения снято).

* * *

«...Прямо лакействующие перед буржуазией или просто бесхарактерные люди, которые кричали и вопили против „пораженчества“, поставлены теперь перед фактом исторической связи поражения самой отсталой монархии и *начала* революционного пожара.

Но если поражения в начале войны играли роль отрицательного фактора, то **связь англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России является фактором, ускорившим этот кризис путём прямо-таки организации заговора против Николая Романова.**

Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчёркивает немецкая. Мы, марксисты, должны трезво смотреть правде в глаза, не смущаясь ни ложью, казённой, слащаво-дипломатической ложью первой воюющей группы империалистов (Антанты. – С.К.), ни подмигиванием и хихиканием их

¹⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 31, с. 15.

¹⁹ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2004, С. 572–573.

финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы (Германии и Австро-Венгрии, – С.К.). Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что **английское и французское посольства с их агентами и „связями“**, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом II, **непосредственно организовали заговор вместе с октябристами** (члены праволиберальной партии „Союз 17 октября“ – в честь царского Манифеста от 17.10.1905 г. – С.К.) **и кадетами** (партия крупной буржуазии. – С.К.), **вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для смещения Николая Романова.**

Не будем делать себе иллюзий. Не будем впадать в ошибку тех, кто готов воспевать теперь, подобно „меньшевикам“, „соглашение“ рабочей партии с кадетами. Эти люди в угоду своей старой заученной (и совсем не марксистской) доктрине набрасывают флёр на заговор англо-французских империалистов с Гучковыми и Милюковыми с целью смещения „главного вояки“ Николая Романова и замены его *вояками* более энергичными, свежими, более способными.

Если революция победила так скоро и так – по внешности, на первый поверхностный взгляд – радикально, то лишь потому, что **в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно „дружно“ слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные устремления.** Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти *в интересах продолжения империалистической войны*, в интересах *избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя Гучковыми, Сирии французскими, Месопотамии английскими капиталистами и т. д.* Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное движение революционного характера *за хлеб, за мир, за настоящую свободу.*

Питерские рабочие, как и рабочие всей России, самоотверженно боролись против царской монархии за свободу, за землю для крестьян, за мир, против империалистической бойни. Англо-французский империалистический капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор с гвардейскими офицерами, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть...

Это новое правительство, в котором <...> „трудовик“ Керенский играет роль балалайки для обмана рабочих и крестьян, – это правительство не случайное сборище лиц.

Это – представители нового класса капиталистических помещиков и буржуазии, которая давно *правит* нашей страной экономически... Рядом с этим правительством, – в сущности, простым приказчиком миллиардных „фирм“: „Англия и Франция“, – возникло главное, неофициальное, неразвитое ещё, сравнительно *слабое рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это – *Совет рабочих депутатов* в Питере...

Таково *действительное* политическое положение...

Царская монархия разбита, но ещё не добита... Кто говорит, что рабочие должны *поддерживать* новое правительство в интересах борьбы с реакцией царизма, тот изменник рабочих, изменник делу пролетариата, делу мира и свободы. Ибо на деле *именно* это новое правительство уже связано по рукам и ногам империалистическим капиталом...

Нет, для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в посулах краснобаев Милюкова и Керенского, не рабочие должны поддерживать новое правительство, а это правительство должно „поддержать“ рабочих! Ибо единственная *гарантия* свободы и разру-

шения царизма до конца есть *вооружение пролетариата*, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих депутатов.

Всё остальное – фраза и ложь, самообман политиканов либерального и радикального лагеря, мошенническая проделка.

Помогите вооружению рабочих или хотя бы не мешайте этому делу – и свобода в России будет непобедима, монархия невосстановима, республика обеспечена...»²⁰

* * *

Блестящий, надо сказать анализ! Как говорится, все пуговицы пришиты. Что сказал Ленин?

А вот что...

Кризис царизма стал результатом войны, которая выявила полную неспособность царизма управлять ситуацией. Назревала угроза сепаратного мира России с Германией или полного поражения России, а Антанта крайне нуждалась в русском «пушечном мясе»... Поэтому буржуазная элита, инспирируемая из-за рубежа, свергла царя, однако народ был настолько сыт войной и царём, что активно включился в борьбу, и вместо дворцового переворота Россия получила революцию и двоевластие: Временное правительство министров-капиталистов и Советы... Поддерживать «Временных» пролетариату нет никакого расчёта, и пора народу «играть в свою игру».

Но более того!

Ленин сразу же – ещё в Швейцарии, оказал развивающейся русской революции, её демократическому в точном смысле этого слова (*demos* народ + *kratos* власть) процессу великую услугу! В широких общественных кругах России – даже среди рабочих, по отношению к Временному правительству царил тогда ещё эйфория, а Ленин прямо предупредил ликующий народ России, что это правительство – простой приказчик миллиардной «фирмы» «Англия и Франция», и приведено оно к власти в результате дворцового заговора, инициированного спецслужбами «союзников».

Вот что сказал Ленин России уже в первом своём легальном публичном обращении к ней – пока ещё не очном, а заочном.

И разве Ленин был неправ?

Причём это было сказано на расстоянии, из вынужденного европейского далека, когда Владимир Ильич лишь осваивал ту информацию, которая до Швейцарии доходила по «испорченному телефону».

И сразу – попадание в «десятку»!

Это, знаете ли, не так просто – быть зрячим не задним числом, а в реальном масштабе времени...

«Письма из далека» – это своего рода черновик «Апрельских тезисов». А «Апрельские тезисы» – это черновой набросок уже Октябрьской революции...

К сожалению, читать ленинские труды в первоисточнике в России давно не принято, да и не всегда их сегодня так сразу найдёшь, почему я и был вынужден дать здесь такое обширное извлечение из ленинского письма, а не отсылать читателя в библиотеку.

Однако самое прискорбное, что Ленина не читают (или читают, но замалчивают) современные историки, из чего возникают самые глупые или подлые версии и толкования позиции Ленина после Февраля 1917 года. А ведь знакомство уже с вышеприведённым отрывком сразу многое ставит на свои места и позволяет заявить: с учётом одного лишь ленинского «Письма из далека» только откровенный политический идиот или злонамеренный негодяй могут обви-

²⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 15–20.

нять Ленина в нелояльности к интересам России – трудовой, конечно, и в пренебрежении ими в угоду интересам Германии.

Но, поскольку Ленин разоблачил проантантовский и антироссийский заговор элиты царизма против царя, то он сразу же стал для заговорщиков – а именно они и составили Временное правительство и его аппарат, самой серьёзной политической угрозой. Ленина надо было публично дискредитировать во что бы то ни стало, но настоящего-то «компромата» на него не было и быть не могло! Ещё в начале 90-х годов XIX века Ленин пришёл в политику не за дивидендами, а для освобождения рабочего класса, и поймать его было просто не на чем...

Вот «Временные» и запустили в политический процесс весны 1917 года басню о «пломбированном» вагоне. Ей и сегодня в России не гнушаются многие, и эта старая басня прямо связана с уже новейшей басней о том, что якобы Ленин и Керенский действовали заодно, выражая антироссийские интересы внешних антироссийских сил.

Так, имеющий практически официальный «пиар» Николай Стариков опубликовал ряд книг по теме, которые вернее было бы назвать сборниками даже не политических басен, а политиканских побасёнок, рассчитанных на любителей политической «клубнички»... Одна из его книг называется «Февраль 1917 Революция или спецоперация?» Там Н. Стариков утверждает, что «все будущие катаклизмы, все будущие проблемы России фактически упираются в одного человека – Ленина».

Не в Николая II, не в Керенского с Гучковым, не в Черчилля с Вильсоном и Клемансо, не в Колчака с Деникиным и Врангелем, не в Троцкого, Гитлера, Хрущёва, Горбачёва, Ельцина, Чубайса, не в Медведева и Путина, а в Ленина!

Выбрав эту удивительную книгу из многих ей подобных, я далее на ней и остановлюсь, как контрастный чёрный фон ленинского портрета в интерьере эпохи стариковский опус подойдёт вполне, а знакомство читателя с ним будет небесполезным.

Будет это знакомство небесполезно и для того, чтобы лучше понять, как мастерятся сегодня провокации и спецоперации против исторической правды о прошлом России во имя лишения её исторического будущего.

Глава 2. «Спецоперация» Николая Старикова против «Николая» Ленина

У английского писателя Гилберта Кийта Честертона в серии о патере-детективе Брауне есть рассказ под названием «Сломанная шпага». Там знаменитый криминалист в сутане восстанавливает истину при помощи прежде всего психологического анализа, не опровергая давно известные факты. А в результате выясняется, что якобы героически павший в борьбе с врагами генерал Сент-Клер на самом деле был предателем и его повесили собственные солдаты.

К известным фактам патер Браун присоединил искреннее желание отыскать истину и пару неизвестных фактов, и все изменилось принципиально: на место лжи встала правда.

Николай Стариков в книге «Февраль 1917: Революция или спецоперация?» поступает противоположным образом – к известным фактам он присоединяет желание замутить истину, прибавляет к этому ряд домыслов, выдавая их за факты, и картина Февраля и Октября 1917 года, а также периода между ними, меняется тоже принципиально: на место правды становится ложь.

Надо заметить, что в самом начале книги Стариков сообщает-таки читателю один важнейший *подлинный* факт – тот, который Ленин, правда, сообщил России ещё весной 1917 года. Стариков пишет: «Именно наши „союзники“ по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка»²¹.

Ну, кто бы с этим спорил! Многоумные бритты настолько плотно отслеживали российскую ситуацию, что, например, известный как мастер острого сюжета и психологизма английский писатель Уильям Сомерсет Моэм (1874–1965) с начала Первой мировой войны был привлечён к работе в британской разведке и целый год пробыл в Швейцарии.

Зачем же находился там будущий автор Луны и гроша? Не будет особой натяжкой предположить, что он там занимался изучением русской эмиграции – на всякий случай... Англичане ведь задолго до Февраля 1917 года поняли, что царская Россия в войне надрывается, и не исключено, что – при всей сложности такого дела – придётся в России «менять лошадей на переправе», ещё в ходе войны. Значит, надо было заблаговременно изучить всех возможных фигурантов будущих бурных событий – и «справа», и «центристов», и «слева»...

«Справа» – для того, чтобы наметить потенциальных лидеров дворцового переворота... «Центр» мог пригодиться как подмога «правым»... А «слева» требовалось понять: кого можно прикормить и использовать, а кого надо опасаться ввиду явной угрозы планам бриттов.

«Твердокаменный» Ленин был в эмиграции фигурой заметной, и искушённые в политике бритты не могли не отдавать себе отчёт в том, что в случае революционных событий в России он выйдет на первый план, играя роль значительную.

Похоже, Моэм, как талантливый «инженер человеческих душ», понял, что Ленин – это серьёзно, но купить его невозможно. Причём версия, что Моэм изучал в Швейцарии и Ленина, подтверждается тем, что летом 1917 года писатель-разведчик был направлен с секретной миссией в Петроград с целью воспрепятствовать приходу большевиков к власти²².

Позднее, в книге «Подводя итоги», Моэм писал: «... Я не прошу мне верить, что если бы меня послали в Россию на полгода раньше, я бы, может быть, имел шансы добиться успеха. Через три месяца после моего приезда в Петроград грянул гром, и все мои планы пошли прахом...»

²¹ Стариков Н. Февраль 1917: Революция или спецоперация? М.: Яуза; ЭКСМО, 2007. С. 6.

²² Зарубежные писатели. Библиографический словарь: в 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 1997. С. 94.

«На полгода раньше...» – значит, за три месяца до Февраля 1917 года. Что ж, если бы Моэм оказался в Петрограде в конце 1916 года, то он, с его «швейцарским» опытом, мог бы оказаться ценным консультантом для английского посла Бьюкенена, но в общем ходе событий это и впрямь изменило бы мало что... Российскую империю заклала на алтарь мирового Капитала сама элита России, а фактор Ленина можно было устранить лишь пулей, на что бритты тогда не решались.

У Старикова же всё изображено иначе, он всё ставит с ног на голову, и подлинные преступники оказываются у него героями или жертвами, а великие борцы за Россию, и прежде всего – Ленин, жалкими наёмниками внешних врагов России, двойными и даже тройными агентами.

Для полного анализа книги-побасёнки Николая Старикова надо написать отдельную книгу, где каждое бездоказательное утверждение Старикова опровергалось бы документально, но этим я заниматься, конечно, не буду, а остановлюсь на том, как Н. Стариков описывает – переврав её по всем пунктам – ситуацию с «апрельскими» тезисами, которые были опубликованы в «Правде» под псевдонимом «Н. Ленин» (этот псевдоним, к слову, и стал причиной того, что газеты в Европе начали писать о «Николае Ленине»).

Стариков утверждает:

«Впервые свои новые идеи Ленин высказал в работе „Апрельские тезисы“, появившейся 7(20) апреля в „Правде“. Последующая советская мифология представила идею Ленина о дальнейшем развитии революции как разумную и вытекающую из марксизма. В 17-м году „Апрельские тезисы“ всех поразили, и их оценка была совершенно иной. „Тезисы Ленина были опубликованы от его собственного, и только его имени (но это Ленин сам же и подчеркнул. – С.К.), – напишет позднее Троцкий в своей „Истории русской революции“, – Центральные учреждения партии встретили их с враждебностью, которая смягчалась только недоумением. Никто – ни организация, ни группа, ни лицо – не присоединил к ним своей подписи“...»²³

Здесь подложно и подло всё, и мы это сейчас увидим!

Начнём с того, что, во-первых, свои новые идеи Ленин публично высказал впервые не в работе «Апрельские тезисы», а в более раннем первом «Письме из далека»... Во-вторых, у Ленина нет работы «Апрельские тезисы», у него есть, как мы уже знаем, статья «О задачах пролетариата в данной революции»... В-третьих, ссылаться в данном случае на свидетельство Троцкого может лишь непроходимый невежда в вопросах русской истории! Троцкий и в Россию-то вернулся в мае 1917 года, и большевиком отродясь не был – его приняли в РСДРП(б) вместе с группой «межрайонцев» в августе 1917 года на VI съезде партии.

Но это лишь цветочки в букете элементарных подтасовок Стариковым очевидных, легко устанавливаемых исторических фактов. Далее идут уже ягодки! Так, со слов Троцкого Стариков уверяет, что якобы ни одна партийная организация, ни одно лицо не присоединили к апрельским идеям Ленина своей подписи. В действительности же «правдинская» статья «О задачах пролетариата в данной революции», содержащая «Апрельские тезисы», была тут же перепечатана большевистскими газетами «Социал-Демократ» (Москва), «Пролетарий» (Харьков), «Красноярский рабочий», «Вперёд» (Уфа), «Бакинский рабочий», «Кавказский рабочий» (Тифлис) и другими²⁴.

Собственно, сама публикация статьи Ленина в печатном органе ЦК партии уже делала её не личным мнением одного человека, а точкой зрения основного руководства РСДРП(б), не так ли?

Но и это не всё! Было в тогдашней России и некое «лицо», которое не только сразу пошло за Лениным, но даже предвосхитило его идеи, опубликовав 18 марта 1917 года в № 12

²³ Стариков Н. Указ. соч. С. 216.

²⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 532.

«Правды» статью, даже название которой было схоже с названием ленинской статьи, – «Об условиях победы русской революции»!

Это «лицо» обнародовало свои идеи даже раньше, чем в «Правде» было опубликовано ленинское «Письмо из далека», а подписало свою статью от 18 марта просто: «К. Сталин». И, открыв том 3-й Собрания сочинений И. В. Сталина на странице 11, мы со всей неумолимостью убедимся, что все основные положения сталинской статьи совпадают с ленинскими тезисами – лишь порядок их формулирования иной²⁵.

Вот как это выглядело у Сталина – я лишь переставил для удобства цитаты в том порядке, в каком сходные идеи содержатся в тезисах Ленина.

«Всё... необходимо осуществить при общем условии скорейшего открытия мирных переговоров, при условии прекращения бесчеловечной войны...»

Нетрудно, сравнивая тексты, убедиться, что это соответствует первому апрельскому тезису Ленина.

Пойдём дальше:

«...Отражением этого... явилось то двоевластие, тот фактический раздел власти между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов... Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, как орган революционной борьбы... и Временное правительство как орган напуганной „крайностями“ революции буржуазии... – такова картина... Но с углублением революции революционизируется и провинция... Тем самым колеблется почва под ногами Временного правительства.

Необходим общероссийский орган революционной борьбы, ... достаточно авторитетный для того, чтобы... превратиться в нужный момент в орган революционной **власти**...

Таким органом может быть лишь Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

Это созвучно второму, четвёртому и пятому апрельским тезисам Ленина.

А вот сталинская мартовская иллюстрация к третьему апрельскому тезису Ленина:

«...Временное правительство возникло у нас не на баррикадах, а возле баррикад. Поэтому оно и не революционно – оно только плетётся за революцией, упираясь и путаясь в ногах...»

Отыскивается у Сталина в марте сходство и с пятым ленинским апрельским тезисом:

«...нужна другая вооружённая сила, армия вооружённых рабочих, естественно связанных с центрами революционного движения...»

И с шестым:

«...шаг за шагом углубляется революция, выдвигая социальные вопросы о 8-часовом рабочем дне и конфискации земель и революционизируя провинцию...»

В целом, ещё ни разу не поговорив с Лениным (мобильников тогда не было, Ленин находился в Цюрихе, Сталин – в Питере) Сталин мыслил сходно с Ильичом. Так, Сталин писал 18 марта 1917 года: «Немедленное вооружение рабочих, рабочая гвардия – таково второе условие победы революции...»

Наблюдались, правда, и некоторые расхождения...

Третьим условием победы революции Сталин считал в марте скорый созыв Учредительного собрания, а Ленин шёл дальше – к идее верховенства Советов. Но, во-первых, Сталин и в марте 1917 года видел именно во Всероссийском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов будущий орган революционной власти, во-вторых, не так всё просто оказалось и у Ленина с идеей Учредительного собрания, о чём позже будет сказано... А, в-третьих, Сталин после приезда Ленина быстро понял правоту последнего и встал на его сторону, что видно как

²⁵ Сталин И. В. Собрание сочинений. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 3, с. 11–15.

из последующих статей Сталина весны и лета 1917 года, так и из более поздних публичных свидетельств Сталина.

19 ноября 1924 года в речи на пленуме коммунистической фракции Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС) Сталин говорил:

«Партия (её большинство) шла к новой ориентировке ощупью. Она приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сделать сразу шаг вперёд от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти Советов...

Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от неё лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам товарища Ленина...»²⁶

Как всё же тогда спрессовывалось время! Сталин вернулся в Петроград 12 марта 1917 года, Ленин – 17 апреля 1917 года... Без личного руководства Ленина большевики, находившиеся в России, оставались всего месяц, но Сталин говорит: «...лишь в середине апреля» так, как будто в вопросе об отношении к Временному правительству он колебался невесть сколько если не лет, то – месяцев!

Что ж, тогда историческое время действительно исчислялось даже не как на фронте – год за три, а ещё плотнее – год за век...

Вернёмся, впрочем, к сталинской речи 1924 года:

«Нужна была новая ориентировка. Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах. Я не распространяюсь об этих тезисах, так как они известны всем и каждому. Были ли тогда у партии разногласия с Лениным? Да, были. Как долго длились эти разногласия? Не более двух недель. Общегородская конференция Петроградской организации (вторая половина апреля), принявшая тезисы Ленина, была поворотным пунктом в развитии нашей партии. Всероссийская апрельская конференция (конец апреля) лишь довершила в общероссийском масштабе дело Петроградской конференции, сплотив вокруг единой партийной позиции девять десятых партии...»²⁷

Сказал тогда Сталин и о Троцком:

«Теперь, спустя семь лет, Троцкий злорадствует по поводу былых разногласий большевиков, изображая эти разногласия как борьбу чуть ли не двух партий внутри большевизма. Но, во-первых, Троцкий тут безбожно преувеличивает и раздувает дело... Во-вторых, наша партия была бы кастой, а не революционной партией, если бы она не допускала в своей среде оттенков мысли... В третьих, нелишне будет спросить, какова была тогда позиция самого Троцкого?.. Так называемый редактор сочинений Троцкого (Сочинения Сталина начали издавать лишь после войны. – С.К.) Ленцнер уверяет, что „американские письма“ Троцкого (март) „целиком предвосхитили“ ленинские „Письма из далека“, легшие в основу Апрельских тезисов Ленина. Так и сказано: „целиком предвосхитили“. Троцкий не возражает против такой аналогии... Но... письма Троцкого „совсем не похожи“ на письма Ленина ни по духу, ни по выводам...»²⁸

Интересно, знал ли Николай Стариков обо всём этом, сочиняя свою побасёнку? Ведь источник сведений здесь не очень-то редкий – Собрание сочинений Сталина сегодня найти не так уж и сложно, хоть в «комиссионке», хоть в Интернете...

Подобным образом можно проанализировать всю книгу Старикова, однако, надеюсь, уже приведённого выше достаточно для того, чтобы читатель более недоверчиво относился к подобного рода «откровениям». В некотором смысле книгу «Февраль 1917: Революция или спецоперация?» можно считать классическим собранием всех прошлых сплетен, клевет,

²⁶ Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 6, с. 333.

²⁷ Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 6, с. 333–334.

²⁸ Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 6, с. 334–335.

инсинуаций и предвзятых «воспоминаний» о тех днях, густо одобренных «сенсационными» «открытиями» уже самого Старикова.

Ответ же на надуманный вопрос Старикова: «Февраль 1917: революция или спецоперация?» дал в марте 1917 года сам Ленин. Со стороны правых заговорщиков, курируемых англичанами, это была спецоперация, а со стороны народных масс России и большевиков – революция!

Заканчивая книгу моментом открытия и роспуска Учредительного собрания в середине января 1918 года, Стариков утверждает, что «Ленин разогнал бы „учредилку“ даже имея подавляющее большинство депутатов-большевиков!»²⁹

Это уж вообще в огороде бузина, а в Киеве дядька...

Во-первых, вопреки распространённому заблуждению, выборы в Учредительное Собрание прошли через неделю *после* штурма Зимнего дворца, то есть, после совершения Октябрьской революции. Прошли под эгидой уже Советского, только что образовавшегося, государства. По «логике» Старикова было бы проще вообще не проводить этих выборов, чтобы потом нечего было разгонять.

Во-вторых, сразу же после выборов в Петрограде, которые проходили в столичном избирательном округе с 12(25) по 14(27) ноября 1917 года, Ленин дал 15 (28) ноября 1917 года интервью корреспонденту агентства «Associated Press» Гуннару Ярросу. Начиналось оно так:

«В связи с результатами выборов в Петрограде, на которых большевики получили шесть мест, корреспондент „Associated Press“ интервьюировал Председателя Совета Народных Комиссаров, который был окрылён крупной победой своей партии.

– Что Вы думаете о результатах выборов в Учредительное собрание? – спросил корреспондент.

Я думаю, что эти выборы являются доказательством большой победы большевистской партии. Число голосов, отданных ей на выборах в мае, августе и сентябре постоянно росло. Получить шесть мест из двенадцати в городе, где буржуазия (кадеты) очень сильна, значит победить в России...»³⁰

В Учредительном собрании Петрограду было предоставлено 12 мест, половину получили большевики и ещё одно место – их тогдашние союзники, левые эсеры. То есть, в столице «левые» имели большинство, и Ленин, избранный депутатом Учредительного собрания, надеялся на большинство также общероссийское...

Вышло иначе: партия эсеров получила 59 % голосов, большевики – 25 %, кадеты – 5 %, меньшевики – 3 %. Впрочем, с учётом того, что выборы проходили в стране, уже охваченной кризисом, и в голосовании приняла участие примерно половина избирателей, в литературе отыскиваются и иные цифры: 40 % за эсеров, 23,9 % за большевиков, 4,7 % за кадетов, 2,3 % за меньшевиков и остальные – за другие мелкобуржуазные партии и группы³¹.

Так или иначе, формальная победа в общенациональном масштабе достигнута Лениным не была, однако темп роста влияния большевиков был огромным. При этом в обеих столицах они к началу 1918 года уже пользовались решающей поддержкой, что Ленин в интервью Ярросу и отметил.

К слову, Г. М. Яррос (1882–1965) в 1924 году переехал в Советский Союз, занимался журналистикой и преподавательской деятельностью³².

²⁹ Стариков Н. Указ. соч. С. 216.

³⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 381.

³¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 624.

³² Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 811.

Пожалуй, здесь – забегая далеко вперёд, стуйт сказать кое-что и об Учредительном собрании...

Первое и последнее заседание Учредительного собрания состоялось в Таврическом дворце 5(18) января 1918 года. Это заседание «смачно» и лживо описано в мемуарах правого эсера Виктора Чернова, который «скромно» умолчал при этом, что «правое» антибольшевистское большинство отказалось обсуждать предложенную Председателем ВЦИКа Свердловым «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и признать декреты Советской власти, в том числе – тот знаменитый Декрет о земле, в основу которого Ленин положил указы поддерживавших эсеров крестьян.

«Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которую большевики предлагали обсудить и принять «черновскому» Учредительному собранию, написал Ленин, а за день до открытия Учредительного собрания – 17 января 1918 года, она была опубликована в «Правде» и в «Известиях ЦИК»³³.

Статья I «Декларации...» объявляла Россию республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Статья II «Декларации...» гласила:

«Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, Учредительное собрание постановляет далее:

1. Частная собственность на землю отменяется. Вся земля со всеми постройками, инвентарём и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства объявляется достоянием всего трудящегося народа.

2. Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства...

3. Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства...

4. В целях уничтожения паразитических слоёв общества вводится всеобщая трудовая повинность.

5. В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися... декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии...»

Ну, и что здесь могло не устраивать подлинных народных представителей, за которых выдавали себя Чернов и К⁰?

И разве разжигала гражданскую войну или не отвечала интересам народов Статья III «Декларации...», утверждавшая разрыв тайных царских договоров, отвергавшая колониализм и аннулировавшая царские внешние долги, давно оплаченные русской кровью на полях войны?

Статья IV «Декларации...» содержала формулу признания Учредительным собранием Советской власти и её декретов.

Всё это «правым» большинством, обеспеченным правыми эсерами, было отвергнуто и оживлено.

После совещания большевистской фракции была оглашена написанная тут же Лениным энергичная «Декларация фракции РСДРП(б)...»³⁴

Затем большевики и кое-кто ещё покинули зал, полный пустопорожних речей. А под утро 19 января 1918 года начальник караула Таврического дворца, балтийский матрос Анатолий Железняков распустил «Учредилку», произнеся при этом историческую фразу: «Караул устал».

³³ Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 221–223.

³⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 227–228.

В ночь на 7(20) января 1918 года ВЦИК по докладу Ленина принял уже официальный декрет о роспуске «Учредилки»... А накануне – 6 января по старому стилю, Владимир Ильич начал писать блестящую статью «Люди с того света», которая почему-то тогда так и не была опубликована (возможно потому, что автор оборвал её на полуслове – дни-то были горячие!)...

Ленин писал в ней:

«„Я потерял понапрасну день, мои друзья“. Так гласит одно старое латинское изречение. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о потере дня 5-го января.

После живой, настоящей советской работы, среди рабочих и крестьян, которые заняты делом, рубкой леса и корчеванием пней помещичьей и капиталистической эксплуатации, – вдруг пришлось перенестись в чужой мир, к каким-то пришельцам с того света... Из мира борьбы трудящихся масс, и их советской организации... в мир сладеньких фраз, прилизанных, пустейших декламаций, посулов и посулов, основанных по-прежнему на соглашательстве с капиталистами.

Точно история нечаянно или по ошибке повернула часы свои назад, и перед нами вместо января 1918 года на день оказался май или июнь 1917 года!

Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех самых мумий „социального“ фразёрства, Чернова и Церетели, это нечто нестерпимое...

...Потоки гладеньких-гладеньких фраз Чернова и Церетели, обходящих заботливо только (только!) один вопрос, вопрос о Советской власти, об Октябрьской революции... И правые эсеры, проспавшие, точно покойники в гробу, полгода – с июня 1917 по январь 1918, встают с мест и хлопают с ожесточением, с упрямством. Это так легко и так приятно, в самом деле: решать вопросы революции заклинаниями... Ни капли мысли у Церетели и Чернова, ни малейшего желания признать факт классовый борьбы...

Тяжёлый, скучный и нудный день в изящных помещениях Таврического дворца, который и видом своим отличается от Смольного приблизительно так, как изящный, но мёртвый буржуазный парламентаризм отличается от пролетарского, простого, во многом ещё беспорядочного и недоделанного, но живого и жизненного советского аппарата...»^{35?}

С каким молодым задором, с какой весёлой убеждённости в своей правоте это написано! С каким желанием работать для новой России! Николай же Стариков, ссылаясь на некие мемуары Бухарина (тот ещё «кадр»!) уверяет нас, что «когда наступил реальный момент разгона парламента, ночью, то с Лениным случился тяжёлый истерический приступ...»

Это с Лениным-то, которого Сталин назвал «горным орлом», и «истерический приступ»?!

Ну-ну...

В своей книге о «спецоперации» Февраля 1917 года Н. Стариков цитирует воспоминания старого большевика В. Д. Бонч-Бруевича, однако цитирует своеобразно. Вначале приведу «цитату», данную Н. Стариковым, а затем – полную цитату из воспоминаний Бонч-Бруевича.

Вот как цитирует Бонч-Бруевича Стариков: «В. Д. Бонч-Бруевич указывает нам, что в момент открытия Учредительного собрания Ленин „волновался и был мертвенно бледен, как никогда... и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными, глазами всю залу (обращая внимание – „залу“! – С.К.)“...»^{36?}

А вот Бонч-Бруевич «по Бонч-Бруевичу»:

«Владимир Ильич сел в кресло. Он волновался и был так бледен, как никогда; глаза расширились и горели стальным огнём. Он сжал руки и стал обводить пылающими глазами весь зал (обращая внимание – „зал“! – С.К.) от края до края его, медленно поворачивая голову.

³⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 229–231.

³⁶ Стариков Н. Указ. соч. С. 312–313.

Матросы, стоявшие внизу в проходе, с благоговением, не сводя глаз, смотрели на него, точно лоя его взгляд, точно ожидая приказа...

Владимир Ильич продолжал всё так же обводить глазами собрание, точно укрощая взглядом разбушевавшегося зверя...»³⁷

Картина, нарисованная подлинным Бонч-Бруевичем, психологически отличается от варианта Старикова принципиально, не так ли?

Во 2-м издании воспоминаний Бонч-Бруевича нет слов «мертвенно [бледен]» и «сделавшимися громадными [глазами]»... Возможно они есть в 1-м издании книги 1930 года «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций», но вряд ли. Нет во 2-м издании и приводимого Стариковым «свидетельства» якобы Бонч-Бруевича о том, что Ленин потом «взял себя в руки, немного успокоился и „просто полулежал на ступеньках то со скучающим видом, то весело смеясь“...»

В воспоминаниях Бонч-Бруевича Ленин сидит в первом ряду в кресле, «четвёртом налево от трибуны председателя, если стать лицом к залу заседания». Это, между прочим, зафиксировано *на фото*, помещённом в томе 1-м собрания фотографий и кинокадров, изданных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к 100-летию В. И. Ленина в 1970 году (см. с. 47, фото № 26 по порядку в книге и № 382 по архивному учёту). Там приведена и соответствующая цитата из воспоминаний Бонч-Бруевича (по т. III «Избранных сочинений» издания 1963 г., с. 134–135) с редакционным уточнением, что сидел Ленин не слева, а справа от трибуны.

Мелочь?

Ну, как сказать! Дьявол, как известно, кроется в мелочах, и читатель сможет сейчасшний раз убедиться в этом.

Фотодокумент – *наиболее* достоверное из всех возможных исторических свидетельств. Недаром говорят, что лучше раз увидеть, чем сто раз услышать (или – прочитать). И фотодокумент показывает нам Ленина, сидящим в кресле. Но вот старый большевик Михаил Кедров в своей «Красной тетради об Ильиче», опубликованной в 1927 году в журнале «Пролетарская революция» (№ 1, с. 36–69), сообщает иное:

«Ильич тотчас по приходе примостился на покатых, покрытых ковром ступеньках, недалеко от трибуны, и в таком положении остаётся до конца собрания. Депутатам он не виден, так как от них отделяет его дощатая перегородка между рядами...»

Однако на упомянутом выше фото Ленин сидит лицом к залу в кресле и хорошо всем виден. Можно предполагать, что мемуарист Кедров подсознательно соединил два эпизода: открытие Учредительного собрания и III конгресс Коминтерна, проходивший в июне-июле 1921 года. Там запоздавший к открытию Ленин действительно сидел на ступеньках, невидимый делегатами, и делал записи (есть знаменитое фото, зафиксировавшее это).

Далее Кедров пишет: «В наиболее интересные моменты, особенно во время речи выбранного председателя собрания Чернова, ...Ильич неудержимо хохочет»³⁸

И после этого – по Бухарину – с Лениным якобы случился тяжёлый истерический приступ?

Ой ли?

Впрочем, ближе к концу книги мы получим возможность присмотреться к Бухарину и его «свидетельствам» внимательнее.

Я так подробно всё это разобрал, чтобы читателю стало яснее – насколько ненадёжны мемуары как источник точных сведений. Недаром у юристов есть присказка: «Лжёт, как очевидец». Люди, да ещё в момент волнения, видят далеко не всегда то, что было на самом деле.

³⁷ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1969. С. 167.

³⁸ Цит. по: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 5 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 3, с. 129.

Тем более, когда они вспоминают о событии через несколько лет. Вот почему я так часто опираюсь на прямую цитату из точного ленинского *документа* – она бьёт антиленинцев наповал!

А теперь предлагаю поохотаться (хотя тут надо скорее плакать!) уже читателю. Откуда берёт происхождение «Бонч-Бруевич» Старикова? Точно это знает, естественно, лишь сам Н. Стариков, но кое-что предположить можно, если открыть на 360-й странице «воспоминания» незадачливого – на одни неполные сутки – председателя Учредительного собрания Виктора Чернова. Они были переизданы в 2004 году минским издательством «Харвест».

Там мы и прочтём:

«Когда наступил, наконец, момент открытия Учредительного собрания, Ленин, по свидетельству верного Бонч-Бруевича, „волновался и был мертвенно бледен, как никогда... сжал судорожно (у Б.-Б. „очень сильно, до боли...“ – С.К.) руку и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными, глазами всю залу (вот она откуда – „зала“! – С.К.)“. Вскоре, однако, он оправился и „просто полулежал на ступеньках то со скучающим видом, то весело смеясь“...»

Итак, Чернов переврал Бонч-Бруевича и, похоже, присоединил к Бончу «испорченный телефон» Кедрова, а Стариков, похоже, не заглянув не то что в 1-е издание воспоминаний Бонч-Бруевича (его не так-то просто найти), но даже в легкодоступное 2-е издание, просто, пардон, передрал эпизод из книги Чернова.

Казус весьма показательный: нынешние псевдоисторики, обслуживающие интересы антиленинского Кремля, часто довольствуются замшелыми сплетнями и инсинуациями, не давая себе труда обращаться к подлинным свидетельствам и анализировать *их*! Псевдо «историки» выстраивают умопомрачительно «захватывающие» – захватывающие для любителей «компо́та» из жареной «клубнички» и развесистой «клюквы» – «версии» об англо-франко-германском шпионе Ленине, проходя мимо очевидного.

Так что детали – не мелочь.

Можно где-то напутать, можно в чём-то ошибиться... Но сознательно проверять? Как говорил некий известный киноперсонаж: «Маленькая ложь рождает большое недоверие».

На подобных прискорбных чертах нынешней якобы «исторической» антиленинской «науки» мы остановимся ещё не раз, а сейчас нелишне познакомиться с сюжетом из совсем другой сферы. Он взят из повести писателя-документалиста Л. Л. Лазарева о Генеральном конструкторе авиадвигателей Александре Микулине – академике, одном из первых Героев Социалистического Труда³⁹.

Сей историко-инженерный казус настолько поучителен не только для инженеров, но и для историков, что привести его здесь будет вполне уместно.

В КБ Микулина работал его двоюродный брат – крупнейший советский специалист по теории авиадвигателей, Борис Стечкин, тоже академик. Однажды на испытательном стенде «полетел» двигатель – случай при отработке новой конструкции заурядный. Однако Стечкина заинтересовал здоровенный болт от двигателя, который оказался на подоконнике моторного зала.

– Какой же была сила, с которой забросило болт от стенда к окну? – спросил Стечкин у Микулина.

– Ты теоретик, ты и посчитай!

Стечкин забрал болт и ушёл в кабинет.

Через день в конференц-зале он, покрыв грифельную доску цепочками расчётов и кривыми графиков, предложил собравшимся инженерам «чрезвычайно изящную и остроумную теорию». С помощью математики теоретик Стечкин убедительно доказал, что болт мог долететь до подоконника, но практически мысливший Микулин предложил брату пройти в лабораторию и показать – как пролегла траектория полёта?

³⁹ Лазарев Л. Л. Взлёт. М.: Профиздат, 1978. С. 249–250.

Далее – прямая цитата из книги Л. Лазарева:

«Но едва братья вошли в лабораторию, как наткнулись на ворчавшую уборщицу...

– Что за люди – ничего положить нельзя. Всё тащут. Позавчера положила болт на окно. А сегодня его спёрли.

– Какой болт, – удивился Микулин, показывая на болт, который держал в руках Стечкин. – Этот?

– Он самый!

– Но позвольте, – поднял брови Стечкин, – зачем вам болт и как он оказался на подоконнике?

– Так я, когда пол мету, им дверь подпираю.

Микулин и Стечкин, задыхаясь от смеха, выскочили в коридор».

Так вот, Стариковы и К⁰ без математики и интегралов лихо и подло забрасывают Ленина из дебрей «германского генштаба» в «пломбированный вагон», «восстанавливая истину» не более верно, чем Стечкин «проследил» полёт болта уборщицы. Вот только антиленинские псевдоисторические «теории», подобные стариковской, в отличие от математической теории Стечкина, и не изящны, и не остроумны.

Чтобы уж закончить здесь с «Учредилкой», приведу ещё один текст – не из статьи, а из дневника, и не Ленина – он дневников никогда не вёл, а поэта Александра Блока.

Практически день в день с записями Ленина по неоконченной статье «Люди с того света», Блок записал в январе 1918 года (датировки по старому стилю):

«5 января.

„*Ко всему* надо как-то иначе, лучше, чище отнестись. О, сволочь, родимая сволочь!

Почему „учредилка“?... Втёмную выбираем, не понимаем...

Инстинктивная ненависть к парламентам, учредительным собраниям и пр. Потому что рано или поздно некий Милюков (лидер кадетов. – С.К.) произнесёт: „Законопроект в третьем чтении отвергнут большинством (в наше время Блок мог бы добавить:“ лживым большинством „Единой России“. – С.К.)“.

Это – ватерклозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский (элитарный литератор. – С.К.) в Таврическом саду, собака подняла ногу на тумбу, m-lle Врангель тренькает на рояле...

Но „государство“ (ваши учредилки) – *НЕ ВСЁ*. Есть ещё воздух...

<...>

6 января.

Слухи о том, что Учредительное собрание разогнали в 5 утра (Оно таки собралось и выбрало председателем Чернова). – Большевики отобрали *большую* часть газет у толстой старухи на углу. – Лёгкость, поток идей – весь день»⁴⁰.

Так, спрашивается, – было обречено Учредительное собрание на разгон самим ходом истории России, или нет?

И разве оно не заслужило уже при рождении единственной участи – немедленной политической смерти?

Забавно, что Николай Стариков отвечает на последние вопросы, как и Ленин, утвердительно, но трактует проблему более чем неожиданным образом. В своей книге Стариков заявил, что «Ленин разогнал бы „учредилку“, даже имея подавляющее большинство депутатов-большевиков!», а далее у Н. Старикова следует вот что:

⁴⁰ Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980–1983. Т. 5, с. 230–232.

«Задача у него была такая, и только по её выполнению Ленин и компания могли спокойно исчезнуть с арены мировой истории. Так было запланировано нашими „союзниками“. Ленин прерывает легитимность (? – С.К.) власти... Начинается гражданская война...

Большевики же должны были исчезнуть туда, откуда они появились, – обратно в Европу и Америку, под крыло „союзных“ спецслужб. И они собирались это сделать. Существует много свидетельств о том, что чуть ли не у каждого большевистского вождя в кармане лежал какой-нибудь „аргентинский“ паспорт на подложную фамилию...

Но тут... Ленин понял, что, обладая информацией о таких страшных тайнах, как „немецкие деньги“ и „предательство союзников“, он и его товарищи долго не проживут... Большевикам надо было остаться и строить новое государство...»⁴¹

Да-а... До этого не додумались даже эсер Чернов и генерал Деникин! Ленин – по Старикову – двойной агент, не отработавший ни «немецкие», ни «союзнические» деньги, выданные на ослабление и развал России, а потом испугавшийся, что его «прихлопнут» не те, так эти «хозяева», и начавший с перепугу строить социализм.

Эх, господа-товарищи и милостивые государи, если это не историко-политическая паранойя и ахинея, то...

А, впрочем, стоит ли продолжать?!

В одном оказался прав Н. Стариков – не в интересах России и её народов затевала над-национальная Золотая Элита Февраль 1917 года. И только сила мысли и политическая воля Ленина, прибавлю уже я, смогли переломить гибельную ситуацию и превратить Февральский заговор Элиты в народную Октябрьскую революцию – Великую социалистическую...

Не ошибся Н. Стариков и в том, что «британские агенты» (а также, вновь прибавлю я, американские и французские агенты) активно занялись организацией гражданской войны.

Вот только Ленин имел отношение к этим агентам лишь с одной стороны – он против них боролся. Но об этом и многом другом – позднее, в своём месте... Вынужденный довести до логической точки анализ «спецоперации» Николая Старикова против «Николая» Ленина (а сколько их было, таких антиленинских «спецопераций», начиная с весны 1917 года и заканчивая нашими днями!), я заскочил далеко вперёд.

А теперь придётся вернуться назад – в глубоко дореволюционные дни, чтобы смыть с ленинского исторического портрета ещё один слой давней грязи – «иностранные деньги»...

⁴¹ Стариков Н. Указ. соч, С. 314–315.

Глава 3. «Клондайки» большевиков: от Эриванской площади до издательства Малых

Вопрос о финансовых средствах большевиков интересен не потому, что в нём много таинственного, а как раз наоборот – потому, что вокруг достаточного ясного вопроса давно напустили ядовитого тумана.

Как только ни описывали «клондайки», из которых РСДРП(б) пополняла партийную кассу, особенно – с началом Первой мировой войны! И «германский» источник фигурирует у обвинителей как основной.

Имеет хождение, правда, и «теория», гласящая, что Ленина финансировали не немцы, а союзники – Антанта. А также – «теория» Н. Старикова, гласящая, что Ленина якобы нанимали для тёмных дел против России и те, и те...

Впрочем, каких только версий относительно ангажированности Ленина антироссийскими силами не накопилось за те почти сто лет, в которые имя Ленина стало всемирно известным.

Наиболее экзотической и одновременно забавной здесь является, пожалуй, версия, изложенная «леди Агатой» – знаменитой Агатой Кристи, в одном из её ранних детективных романов «Большая четвёрка».

В романе, увидевшем свет в 1927 году, описан вселенский заговор против человечества могущественной полусумасшедшей четвёрки: таинственного китайского мандарина Ли Чанг Йена, американского мультимиллиардера, «мыльного короля» Эйба Райланда, гениальной французской учёной мадам Оливер, «затмившей славу мадам Кюри», и многоликого Истребителя неопределённого происхождения – своего рода суперспецназовца-киллера...

Раскрывает заговор, естественно, гениальный Эркюль Пуаро. По ходу расследования он встречается со знатоком «тайной жизни в Китае» мистером Джоном Инглзом, и тот заявляет:

– Беспорядки по всему миру, волнения рабочих, революции. Нормальные люди, совсем не паникёры, отвечающие за свои слова, говорят, что за всеми этими случаями стоит некая сила, и что цель её – ни больше ни меньше, как разрушение мировой цивилизации. В России, как вы знаете, многие видят явные признаки того, что Ленин и Троцкий – всего лишь марионетки и их поступки (все до единого) диктуются чьим-то мозгом. У меня нет надёжных доказательств, ...но я совершенно уверен в том, что этот мозг принадлежит Ли Чанг Йену...

Итак, Ленин – агент и марионетка главы «Большой четвёрки», китайского мафиози Ли Чанг Йена...

До этого не додумался даже Николай Стариков!

Однако мандарин Ли как «шеф» Ленина – это для людей, *якобы* отвечающих за свои слова, всё же, перебор. Они – «историки», «политологи», политиканы и просто изготовители «жареных» «фактов», выдвигают менее фантастические, хотя и не более «правдоподобные» версии... При этом стандартное обвинение Ленина заключается в том, что он-де, то ли сразу после начала Первой мировой войны, то ли ближе к 1917 году, вступил в изменнические контакты с императором Вильгельмом II, с германским Генштабом и с генералом Людендорфом.

Одна из главок главы XV в книге бывшего жандармского генерала Александра Спиридовича «Большевизм: от зарождения до прихода к власти» так и называется: «Перед войной 1914 года. Измена Ленина и его договор с германским правительством»⁴².

⁴² Спиридович А. Большевик: от зарождения до прихода к власти. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2005.

А, скажем, профессор Санкт-Петербургского (какая радость – вновь Санкт-Петербургского!) университета, доктор наук Геннадий Соболев описывает «германскую» коллизию уже в более позднем – предреволюционном, варианте. И Соболев в выводах более осторожен:

«... Названная ещё в 1919 году членами рейхстага социал-демократами Э. Бернштейном и М. Эрцбергером сумма в 50–60 млн. марок, полученных большевиками из Германии, остаётся до сих пор ни опровергнутой, ни подтверждённой документально...»⁴³

Спасибо, как говорится, и на этом!

Правда, далее Соболев продолжает: «Следовательно, поиски „немецкого золота“ большевиков должны быть продолжены...»

Что ж, успехов Вам в поисках, уважаемый Геннадий Леонтьевич!

«Респектабельный» Александр Ватлин, издавший в р-р-респектабельном издательстве «Российская политическая энциклопедия» книгу о Германии, рекомендованную в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальностям «история», «политология», «международные отношения», непосредственно тему о «немецком золоте» обходит, но замечает:

«Стремясь добиться развития событий в нужном направлении, германские военные сделали ставку на углубление социальной революции... Первый „пломбированный вагон“ с большевиками отправился из Швейцарии уже в марте... Резидент германской разведки в апреле 1917 г. доносил из Стокгольма: „Ленин прибыл в Россию и работает в духе наших пожеланий“...»⁴⁴

Подтекст в тексте Ватлина очевиден: не задарма же Ленин «работал» в «духе пожеланий» германской разведки...

В стиле профессора Соболева, но задолго до него высказывался французский разведчик Л. Тома. В 1917 году он вёл работу по дискредитации Ленина, а позднее – в своих воспоминаниях, признал:

«Ленин не был платным агентом Германии в том смысле, что не получал от немецких властей задания действовать определённым образом в обмен на денежное вознаграждение или заранее оговоренную выгоду. Ленин был агитатором, на успех которого Германия делала ставку, и которому она поставляла необходимые средства для ведения пропаганды»⁴⁵.

Как говорится, и на том спасибо!

Небезынтересно, пожалуй, знать, что дядя Николая – великий князь Александр Михайлович, имевший, как-никак, более менее информацию, а не газетные сплетни, даже в 1932 году в Париже не рискнул прямо обвинить Ленина, а выразился и более осторожно, и политически более реалистично, написав:

«... Совершенно безразлично, получили ли большевистские главари какие-то суммы от немецкого командования или же ограничились тем, что приняли предложение германского правительства проехать через Германию (реально было наоборот – это эмигранты просили о разрешении на проезд. – С.К.) в запломбированном вагоне...»

Странные сообщники – Ленин и Людендорф – не обманывались относительно друг друга. Они были готовы пройти часть пути вместе... Генерал старался оставаться серьёзным, думая о сумасбродстве этого „теоретика“ Ленина. Двадцать месяцев спустя коммунисты здорово посмеялись над Людендорфом, когда революционная чернь хотела его арестовать в Берлине...»⁴⁶?

⁴³ Соболев Г. Л. Тайна "немецкого золота". СПб.: ИД "Нева"; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002., С. 366–367.

⁴⁴ Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М.: РОССПЭН, 2002. С. 30.

⁴⁵ Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 271.

⁴⁶ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. С. 275.

Здесь не всё точно по части фактов, что объяснимо – Александр Михайлович не мог знать, скажем, все перипетии, связанные с проездом Ленина через Германию, о чём в своём месте будет сказано. Ошибался царёв дядя и относительно якобы «сообщничества» Ленина и Людендорфа.

Однако в целом Александр Михайлович ретроспективно оценил ситуацию относительно верно – верно для великого князя, конечно... Всё же в эмиграции «дядя Сандро» кое-что понял.

А вот эмигрант Сергей Мельгунов, в 1922 году высланный из советской России, разродился в эмиграции книгой «Золотой немецкий ключ к большевистской революции». Она была издана в 1940 году в Париже, в 1989 году – в Нью-Йорке... «Потный вал» перестроенного ажиотажа донёс её и до России. А что? Вполне приличное чтение для любителей развесистой «исторической» «клюквы»!.. Но, вообще-то, подобной «литературы» за почти сто лет накопились горы, хотя авторы чаще всего просто переписывают друг друга.

Впрочем, я не намерен подробно останавливаться на анализе непосредственно тех или иных «версий» о якобы финансировании деятельности Ленина германским кайзером и германским генштабом – хватит с меня, да и с читателя, надеюсь, «сенсаций» Николая Старикова.

К тому же, во всех этих версиях, на разные лады перепевающих тему Парвуса-Гельфанда, прапорщика Ермоленко, «документов Сиссона», и т. д., и т. п., содержится исторической правды не больше, чем в приснопамятной «версии» «леди Агаты» о Ленине, колобродящем в России по указке китайского мандарина Ли на «мыльные» деньги янки Райланда.

Вот уж воистину, все эти «версии» – на уровне «мыльной оперы»!

Вернее будет поступить иначе – обратиться ко вполне достоверным документам и поразмышлять – правы ли обвинители Ленина, вот уже почти сто лет осыпающие его горами «германского», «английского», «мыльного» и прочего «золота»?

Интереснейшие документы отыскиваются при этом, как уже было сказано, в ценнейшем, однако по сию пору почти не используемом источнике – Полном Собрании сочинений В. И. Ленина, и прежде всего – в томах ленинских писем.

Начать же надо, пожалуй, с краткого анализа вообще финансовых возможностей РСДРП(б) – ведь о происхождении партийной кассы большевиков (не только в период Первой мировой войны, но и до неё) в литературе накопилось, пожалуй, не меньше мифов, чем относительно пресловутого «немецкого золота».

Одно из стандартных, давно обжившихся в «Сети», клише: большевики жили за счёт «эксов», то есть, экспроприаций, а проще – ограбления банков, налётов на инкассаторов и т. д. Любой усердный потребитель «интернетского» якобы-информационного барахла уверенно отбарабанит, что деньгами Ленина снабжал кавказский бандит Сталин по кличке «Коба» на пару с его («Кобы») подручным – другим бандитом Тер-Петросяном по кличке «Камо»...

Так ли это было на деле?

Что ж, во время первой русской революции большевики действительно провели громкую акцию, и 13 июня 2017 года исполнится 110 лет со дня знаменитой экспроприации большевиков на Эриванской площади в Тифлисе. А организатором и руководителем налёта был действительно «Камо» – Симон Аршакович Тер-Петросян (1882–1922).

Вокруг этой истории накручено немало небывлиц, да и достоверные сведения оказываются на поверку не вполне достоверными. Так, Н. К. Крупская в своих воспоминаниях писала, что захваченными средствами большевики воспользоваться якобы не смогли, поскольку вся сумма была в крупных купюрах в 500 рублей, и номера банкнот были сообщены всем банкам в России и за рубежом. А на попытках разменять деньги целая группа товарищей попалась, поскольку о готовящемся размене провокатор Житомирский сообщил полиции⁴⁷.

⁴⁷ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 320.

Однако есть основания предполагать, что предметом «экса» стали привезённые из Петербурга 200 тысяч рублей не только в бумаге, но и в золотых монетах, о чём Крупская могла и не знать. Так что, скорее всего, тифлисский «экс» партийную кассу РСДРП(б) в 1907 году как-то всё же пополнил. Но – далеко не так, как предполагалось⁴⁸.

Расходы партии были тогда уже немалы, и – не на «олигархические» забавы лидеров большевиков в швейцарских Альпах, в Монте-Карло или Куршевеле... Это было лето 1907 года. Ещё не исчезли надежды на усиление революционного процесса, начавшегося в 1905 году, и надо было закупать оружие, переправлять транспорты с ним в Россию, подкупать таможенную, жандармов...

А кроме того, надо было выручать товарищей из тюрем, а то и спасать их от смерти... Не Ленин, а либеральные журналисты запустили тогда в оборот понятие «стольпинский галстук» – висельная петля.

Да, большевиков в годы первой русской революции вешали! Впрочем, не только их – вешали и латышских крестьян, и пресненских рабочих... Это я к тому, что если кто-то протянет: «Э-э! Да твой Ленин был просто террористом», то не мешает ему знать, что для большевиков террор был крайней, редкой и вынужденной мерой, а вот террор царских властей против большевиков в 1905-07 годах был и ужасен, и масштабен.

Впрочем, более подробно этой материи – «ужасов революции», мы коснёмся в своё время в отдельной главе. Сейчас же, возвращаясь к Камо, сообщу, что, познакомившись с Лениным в марте 1906 года в Петербурге – оба были на нелегальном положении, Камо в конце 1906 года по поручению Ленина выехал в заграничную поездку. Он побывал в Германии, Швеции и Бельгии, закупая оружие и боеприпасы, а закончил Болгарией, организовывая тайную транспортировку всего закупленного в Россию. Одним из поводов к тифлисскому «эксу» как раз и могла стать необходимость расплатиться с зарубежными кредиторами.

Тут, к слову, уместно заметить, что если бы работу большевиков в ходе революции 1905–1906 года финансировали Япония или ещё кто (Ленина обвиняют порой и в этом), то не было бы необходимости Камо устраивать налёт на «золотую» экспедицию в Тифлисе.

Позднее – в 1911 году Камо, бежавший из заключения в тифлисском Метехском замке, получил в Париже новое личное задание Ленина: обеспечить опять-таки транспортировку, но уже не оружия, а партийной литературы в Россию. Камо сумел организовать требующийся «коридор» через Грецию, Турцию и Болгарию.

Конечно, во всех этих странах – даже в Турции, у Камо находились и бескорыстные идейные помощники, но ведь нередко приходилось и платить. Соответственно, на одном «тифлисском» золоте – быстро тающем, партийной работы было не построить.

А на что тогда могли рассчитывать большевики?

Источников пополнения партийной кассы у любой нелегальной революционной партии бывает несколько, начиная с членских взносов и разовых пожертвований членов партии и сочувствующих...

Вспомним, что даже в 1907 году – когда революция уже почти закончилась, на V (Лондонском) съезде РСДРП делегаты представляли 150 тысяч членов партии. И все они платили хотя и различающиеся по размеру (тогда в партии было много интеллигентов), но – членские взносы.

В целом – сумма немалая.

Когда после окончательного поражения революции 1905–1907 года и наступившей стольпинской реакции произошёл «отлив» из РСДРП всех нестойких, и большевики оформились как отдельная партия, партийные взносы, естественно, уменьшились. Однако партийная касса

⁴⁸ Воспоминания Н. М. Габриной-Шахпаронянц, участницы экспроприации, в журнале "Арагаст" ("Парус"), № 1, 2007, с. 19 – публикация внука Н. М. Габриной, С. Л. Иоаннесяна.

особо пустой не была, и отнюдь не за счёт пресловутых «эксов». Партийные взносы оставались серьёзным и относительно стабильным источником пополнения партийных средств.

К Февралю 1917 года в РСДРП(б) насчитывалось до 40 тысяч человек. И это были в массе своей стойкие, убеждённые борцы за освобождение пролетариата, во главе которых стояли несколько сотен профессиональных партийных работников – нелегалов и эмигрантов. Не все они имели связь с Лениным (многие её как раз не имели), но партийная работа велась, и не в последнюю очередь благодаря тому, что Ленин до начала войны провёл немалую организационную работу и обеспечил наличие в России крепкого партийного ядра.

Могли сорок тысяч членов партии содержать триста-четырееста партийных «техников» – руководящих организаторов?

Думаю – да.

Помогали большевикам, и весьма весомо, сочувствующие. Так, жена Максима Горького – известная русская актриса Мария Андреева (1868–1953), член партии с 1904 года, выезжая в Европу и США, обеспечивала там мобилизацию средств для партии. Андреева и сама оказывала партии финансовую поддержку – лично и за счёт сбора средств непосредственно в России.

Горький, Андреева и ещё несколько имён – это лишь видимая часть «айсберга» той прогрессивной части образованных кругов российского общества, которая оценивала большевиков как серьёзную и достойную уважения политическую силу. В отличие от эсеров, взрывающих великих князей, большевики, хотя и не были широко известны в простом народе до весны 1917 года, общественной поддержкой пользовались. И, пожалуй, большей, чем эсеры... Эсеры представлялись многим чем-то вроде кровавого балагана, да нередко им и были. Со всей отчётливостью это проявилось в серии эсеровских авантур времён Гражданской войны, начиная с Ярославского мятежа и заканчивая кулацкой «антоновщиной». Не говорю уже о палаческом следе, оставленном в нашей истории эсером Савинковым и поощряемыми последним «генералом» Булак-Балаховичем и «полковником» Павловским...

А вот что свидетельствовал уже в эмиграции жандармский генерал Спиридович:

«Русское общество много помогало в те годы (имеются в виду 1904 и 1905 гг. – С.К.) революционным партиям, в том числе и социал-демократической. Благодаря этому денежные поступления одесской группы партии за май и июнь 1905 г. составили 4702 руб. 25 коп., приход батумского комитета за время с ноября 1904 по январь 1905 г. превышал 6 тысяч: сибирский союз с 1 февраля по июнь насчитывал в приходе 7475 рублей. Бюджет центральных учреждений выражался десятками тысяч»⁴⁹.

Немалые суммы порой приходили в РСДРП(б) из весьма нетривиальных источников – из противоположного лагеря, так сказать. Во все времена в любом обществе среди элиты случаются отдельные личности, сочувствующие революции и помогающие ей материально. Не стала исключением и Россия – достаточно вспомнить знаменитого Савву Морозова, фабриканта, помогавшего большевикам деньгами. К тому же активными членами большевистской партии состояли не только малоимущие или неимущие пролетарии – были большевики-инженеры, большевики-профессора... Говоря о 1905 году я приведу любопытные примеры на сей счёт.

Поступали в партийную кассу отчисления от литературской и журналистской работы. Скажем, в сентябре 1905 года Ленин писал из Женевы в ЦК партии в Петербург:

«Дорогие друзья!

1) Посылаю Вам проект договора с Малых на Ваше утверждение всего ЦК. Советую утвердить – иначе здесь куче народа жить не на что, а партия не сможет содержать их (в том числе редакторы и сотрудники „Пролетария“). Это серьёзный вопрос, который очень прошу не разрубать одним ударом: иначе можно вызвать отчаянный кризис.

⁴⁹ Спиридович А. Указ. соч. С. 99.

2) Советую повысить 50 % до 100 %. Малых должна будет согласиться...»⁵⁰

Речь тут шла о следующем... Созданное в 1901 году издательство Марии Малых (Эдельман) (род. в 1879 г.) периодически выпускало отдельные работы Маркса, Энгельса, Ленина... Малых подвергалась преследованиям, многие издания подвергались конфискации. В 1909 году Малых приговорили к тюремному заключению, она бежала за границу и продолжала издательскую деятельность в Цюрихе, а после Октябрьской революции работала в советских издательствах.

В 1905 году Малых ещё жила в России, и обратилась к Ленину с предложением издать ряд его произведений, а также работы других литераторов-большевиков. Ведь среди членов РСДРП(б) были серьёзные экономисты, историки, статистики, социологи...

Договор с Малых, однако, не был подписан – ЦК начал переговоры в Петербурге с горьковским издательством «Знание». Это издательство обязывалось передавать партии значительную часть своих доходов и при первой же возможности объявить себя партийным. Переговоры вёл член ЦК П. П. Румянцев (ровесник Ленина, он после поражения революции 1905 года отошёл от партии, занимался статистикой и в 1925 году умер за рубежом), и после консультаций с Лениным договор от имени ЦК был подписан Л. Б. Красиным и П. П. Румянцевым с издательством Горького.

Между прочим, благодаря одному ленинскому документу, мы можем составить представление о статьях не только доходов, но и расходов большевиков в 10-е годы. В томе 47-м Полного собрания сочинений, где собраны письма Ленина за 1905 – ноябрь 1910 года, на страницах с 216-ю по 218-ю (да ещё и с вклейкой факсимиле!) помещено письмо, адресованное в октябре 1909 года Хозяйственной комиссии Большевистского центра.

Приводить письмо полностью – с таблицами и выкладками, не буду, а сообщу лишь, что в среднем в месяц на диеты, помощь товарищам, нелегальные транспорты, экспедицию, секретариат и почту (последняя статья – 82 рубля), нелегальную типографию и партийные издания, конференции, возврат старых долгов, субсидии на работу в России и т. д. партия расходовала примерно 19 тысяч рублей.

Ленин, сводя данные в таблицы, призывал сократить расход до примерно 12 тысяч рублей, и показывал – как:

«Чтобы *систематически* следить за хозяйством и иметь возможность систематически же сокращать расходы, надо:

1) Составлять месячные отчёты по рубрикам, *сравнимым* между собой и *отделяющим* наиболее существенное и наименее поддающееся изменениям от наиболее случайного и наиболее сократимого (изд[ание] газеты от помощи; квартиру экспедиции и расходы типографии от цен на бумагу... и т. д.)

Постараться составить за довольно большой промежуток времени (например за $1/2$ года) *рациональный* сводный отчёт с вычислением среднего расхода на каждую статью... Затем по каждой статье надо обдумать сокращения уже не примерные, не на глаз, а на основании точных предположений (сократить то-то и так-то; купить бумаги дешевле и снять квартиру дешевле и т. д. и т. п.; сократить расходы на „оказии“ и лёгкий транспорт и т. п.)»

Это письмо интересно, конечно, и само по себе, но если вдуматься, оно интересно и тем, что может служить своего рода иллюстрацией к сталинским репрессиям ряда «старых большевиков-ленинцев» в 30-е годы... Из «хозяйственного» письма Ленина от октября 1909 года видно, что уже тогда кое-кто из большевиков предпочитал размышлять и дискутировать о грядущей революционной буре, а не обременять себя утомительными хозяйственными расчётами... В итоге Ленину самому пришлось заняться бухгалтерией и призвать товарищей по партии партийную копейку экономить.

⁵⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 74–75.

Но если даже до революции – когда со средствами было туго и когда руководители РСДРП(б) пребывали в эмиграции, в ссылках и тюрьмах, в подполье – среди большевиков не все любили и умели вести работу по-хозяйски, то вряд ли можно было надеяться, что, войдя после Октября 1917 года в государственное руководство, они тут же схватятся за конторские счёты...

Подобные «лидеры» попортили после Октября много крови уже Ленину, а со временем – когда Россией стал руководить Сталин, они превратились вначале в балласт, а позднее – в претенциозных противников Сталина, а точнее – дела Ленина-Сталина.

Вот Сталину и пришлось в 1937 году окончательно свести тот «баланс», подводить который начал ещё в 1909 году Ленин.

В продолжение общего сюжета о средствах большевиков приведу несколько фрагментов из документов Охранного отделения – это вполне деловые оперативные сводки, поэтому в достоверности их сомневаться не приходится. Между прочим, охранники в царской России лаптем щи не хлебали. Крупская уже в советские годы вспоминала: «... Царское правительство не жалело денег на организацию провокатуры. Вся система провокатуры была чрезвычайно продумана, разветвлена...»⁵¹?

Это – обобщённая оценка, а, подкрепляя её, сообщу, что по неполным послеоктябрьским подсчётам в различных политических партиях и организациях имелось около 6,5 тысяч провокаторов и других политических работников политического сыска самодержавия⁵².

Так вот, 15 октября 1911 года провокатор, агент М. И. Бряндинский представил в Московское Охранное отделение записку, где сообщал, в частности, о транспортах нелегальной литературы через западную границу следующее:

«На содержании партии находятся в транспортной организации три лица: „Альберт“, „Петунников“ и „Валериан“, остальные же лица получают только на расходы по перевозке и распространению. Приблизительная стоимость транспорта такова: в 3 месяца отправляется два транспорта по 4 пуда, итого 8 пудов; за переправку их через границу Натан (контрабандист по прозвищу „Турок“. – С.К.) берёт 220 руб., Карасевич (местный крестьянин-литовец. – С.К.) за хранение и сортировку – 50 руб., развозка в Петербург и Москву – 65 руб., доставка в Новозыбков – 15 руб., рассылка по почте – 15 руб., содержание работников за 3 месяца – 500 руб., непредвидимых расходов – 50 руб., всего 915 руб.

Баку и Кавказ получают литературу совершенно самостоятельно через Персию...»⁵³

В агентурной записке № 101а от 15 августа 1913 года приводились данные о совещании пяти представителей ЦК большевиков 27 июля 1913 года в Австрии, в деревне Поронин под Закопане, где тогда жил Ленин. Среди обсуждаемых вопросов был и денежный вопрос, в том числе – в связи с планами открыть партийную школу. Провокатор Малиновский, принимавший участие в совещании как депутат Государственной думы, сообщал:

«... Всех денег на означенную школу имеется 1000 рублей. Сумма эта составилось следующим образом: 300 р. пожертвовал москвич Крыжановский, 300 р. – петербуржец Конюхов, и 400 р. составилось из членских взносов... „шестёрки“ (депутатов Госдумы от большевиков. – С.К.).

...Провоз и содержание каждого из учеников школы (предположительно намечались 10 человек, в том числе три „своекоштных“ депутата Думы – С.К.) обойдётся в 125 р., возмещение путевых расходов лекторам (до 10 человек. – С.К.) будет стоить 300 р. Вследствие изложенного, ЦК приходится считаться с недостатком денег на школу...

⁵¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. с.136.

⁵² Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. Охранного Отд-ния. 3-е изд. М.: Политгиздат, 1990, С. 7.

⁵³ Большевики. Документы по истории большевизма... С. 152–153.

Поиски дополнительных средств... продолжаются. Так, ...поручено переговорить с лицами, окружающими москвича Крыжановского и побывать у некоего Павла Николаевича Мостовенко (муж княгини Оболенской), сочувствующего партии и проживающего в имении в районе Калужской губернии у ст. „Оболенское“...»⁵⁴

Дополнительно могу привести и отрывок «по теме» из ленинского письма Александру Коллонтай от 9 ноября 1915 года, отправленного из Берна в Нью-Йорк⁵⁵.

Ленин извещал Коллонтай, бывшую тогда в Америке, что партия издаёт на днях «*по-немецки*» и затем «*по-французски*», а «если удастся извернуться с деньгами», то и «*по-итальянски*», *маленькую брошюрку «от имени Циммервальдской левой* (международное объединение революционных интернационалистов 6 стран, созданное Лениным в сентябре 1915 года на конференции в деревне Циммервальд близ Берна. – С.К.)...»

«Извернуться» удалось лишь на немецкое издание, однако вышло оно явно не на «золото» кайзера! Как и для прочих его венценосных коллег по обе стороны фронта, деятельность циммервальдцев была для Вильгельма не только невыгодной, но и опасной.

Возвращаясь же к письму Ленина в адрес Коллонтай, отмечу следующее место в нём: «*Насчёт денег с огорчением увидел из Вашего письма, что пока Вам ничего не удалось для ЦК собрать*»...

Итак, большевистские «клондайки», были не богатыми, не всегда регулярными, но зато – многочисленными. Всё это, вместе взятое, хотя и не позволяло жить партии роскошно, жить и работать позволяло.

Между прочим, иногда какие-то деньги получались и за счёт лекционной деятельности большевиков. Так, 2 июня 1916 года в Женеве состоялся реферат Ленина на тему «Два течения в международном рабочем движении». За полмесяца до этого Ленин писал В. А. Карпинскому из Цюриха в Женеву: «*Если условия не изменились и поездка моя окупится, то назначьте, пожалуйста, недельки через две (на другой день) в Лозанне*»⁵⁶.

Финансовые условия были достаточными для «самоокупаемости» поездки, и 3 июня 1916 года тот же реферат был прочитан уже в Лозанне. В тот же день в письме Ольге Равич Ленин написал, что «*реферат лозаннский покрыл поездку и дал доход*»⁵⁷.

Я мог бы привести и ещё ряд подобных примеров из ленинских писем, но, пожалуй, и этого вполне достаточно.

Зато в истории финансовых проблем РСДРП(б) имеется интересный и показательный казус, тоже относящийся к 1916 году. Он затрагивал отношения сразу трёх партийных сил: большевиков, меньшевиков и европейских социалистов, и рассказать о об этом казусе стужит.

Во второй половине 1916 года Департамент полиции МВД выпустил специальное издание – обзор деятельности РСДРП (в целом) за первые два года мировой войны. Анонимный автор этого обзора обнаружил не только прекрасное знание взглядов обоих направлений – как большевиков, так и меньшевиков, но и отличную осведомлённость по конкретным вопросам.

Оперативные документы российской охранительной спецслужбы – не пропагандистский материал, здесь всё называлось своими именами, поэтому такие сведения важнее груды разного рода позднейших «исторических исследований» о финансовых средствах большевиков, и ниже приведён фрагмент из «Обзора...» МВД, который сам по себе способен закрыть тему о том – купались ли большевики во время войны в «золоте» германского генштаба?

Вот что узнаём мы из полицейского «Обзора...»:

⁵⁴ Большевики. Документы по истории большевизма... С. 208.

⁵⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 162–164.

⁵⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 225 и примечание 290 на с. 527.

⁵⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 242.

«...на одном из состоявшихся в Берне в первой половине 1916 г. по инициативе Интернациональной Социалистической комиссии совещании социал-демократов возникли пререкания между представителями Центр. Комитета РСДРП (большевики. – С.К.) и представителями Организационного Комитета партии (меньшевики. – С.К.) относительно денег.

Как известно, названная партия имеет около 140 000 франков (80 460 рублей. – С.К.), которые были добыты путём экспроприации в России и считалась общим достоянием партии до раскола её на большевиков и меньшевиков. После раскола возник спор относительно этих денег между Центральным и Организационным Комитетами, каковой спор не разрешён и донныне, причём спорная сумма денег находится на хранении германского социалиста Каутского до решения этого спора конференцией»⁵⁸?

Наконец, наконец-то отыскался след «германского золота» большевистской партии!! И ведь всё верно: у немца Каутского были деньги... Вот только не Каутский финансировал Ленина, а, напротив (я продолжаю цитирование полицейского обзора):

«На означенном выше совещании меньшевиками вновь был поднят вопрос об этих деньгах, причём Ленину и Зиновьеву было предложено согласиться на выдачу части этих денег в распоряжение Интернациональной Социалистич. Комиссии в Берне и на раздел остальной суммы между Центральным и Организационным Комитетами. Ленин на это предложение заявил, что собственником денег является Центральный Комитет и что по сему вопросу он до окончательного ответа снесётся с „центрами“ в России»

Иными словами, Ленин не только не получал из Германии золота, но германские социал-демократы хотели *на дармовищину* попользоваться частью золота большевиков – в качестве платы за хранение, что ли?

Спрашивается – если бы Ленин был на содержании у Людендорфа или у «союзников», стал бы он так отчаянно бороться за весьма скромную (по сравнению с приписываемыми ему золотыми миллионами германских марок) сумму?

Сто сорок «общих» тысяч франков, это, скорее всего, как раз «золото Камо», которое было захвачено летом 1907 года, в период, когда оба крыла РСДРП временно объединились.

Было, впрочем, тогда и ещё несколько «экссов» – помельче.

А когда РСДРП вновь раскололась, деньги отдали Каутскому – как третьей стороне...

Описанная коллизия относится ко временам проходившей в конце апреля 1916 года в Кинтале близ Берна 2-ой Интернациональной социалистической конференции, которая собрала 40 делегатов из России, Германии, Италии, Франции, Сербии и Швейцарии (среди последних были члены швейцарского парламента Грабер, Гримм и Нэн).

Избранные на конференцию делегаты от Австрии, Румынии, Болгарии, Греции, Португалии, Голландии, Швеции, Норвегии и Англии не прибыли, однако сам тот факт, что их ожидали, показывает, что ни о какой «келейности» в действиях приехавших не могло быть и речи.

На конференции были представлены отдельно большевики (Ленин и Зиновьев), отдельно – меньшевики (Мартов, Аксельрод и др.), были эсеры (Чернов и Натансон)... В числе делегатов от Германии были Карл Каутский, Франц Меринг, Роза Люксембург и Клара Цеткин...

Чем закончилось дело с «германским» золотом из сейфа Карла Каутского, я не знаю. Но вряд ли Каутский выдал ленинцам всю требуемую сумму. Скорее всего, он скупно оплачивал из хранящихся у него сумм лишь ряд текущих расходов как большевиков, так и меньшевиков.

Так или иначе, дела с партийной кассой шли у Ленина в последние годы перед второй русской революцией туго, о чём – ниже...

⁵⁸ Большевики: Документы по истории большевизма... С. 230, 266.

Глава 4. «Золото партии» на груди у Инессы Арманд

Подлинное финансовое положение большевиков во время Первой мировой войны хорошо характеризует письмо Ленина Зиновьеву от (ориентировочно) 20 декабря 1916 года. Пересылая «Григорию» «Замечания по поводу статьи о максимализме» (см. ПСС. Т. 30, с. 385–388), Ленин далее пишет:

«200 frs (примерно 120 рублей, – С.К.) послал.

Скандал со Шкловским меня дьявольски возмущает и беспокоит. А вы ещё хотели ему всю кассу отдать!! Надо действовать энергично: сказать ему, что деньги нужны к новому году и не отставать, пока он не вернёт всего! Чертовский скандал! Действительно „панاما“ и у нас под носом»⁵⁹.

Таким образом Владимир Ильич отреагировал на сообщение Зиновьева о некой авантюре члена РСДРП с 1898 года Г. Л. Шкловского (1875–1937), тогда большевика, а после 1917 года – троцкиста и зиновьевца.

Зиновьев сообщал Ленину:

«...у Шкловского какой-то кризис, и он – *не говоря нам ни слова*, – все партийные деньги пустил в оборот!.. Я уверен, что он скоро вернёт. Но пока дело стоит так, что нет *ни сантима* на почтовые расходы...»⁶⁰

«Ни сантима...» Зиновьева – это, конечно, гипербола. Но, похоже, дела и впрямь обстояли неважно.

Судя по всему, Шкловский долг партии вернул, то есть, банкротом не стал. А поскольку новый миллионер Шкловский в Швейцарии не объявился, то, надо полагать, что позаимствованная им у партии сумма на миллионы не тянула и миллионной прибыли не принесла. Как говаривал Остап Бендер: «Джентльмен в поисках десятки...»

Из всего этого можно сделать вполне логичный вывод: партийную кассу большевиков даже на исходе 1916 года «германское золото» не наполняло, а размер кассы был невелик – вряд ли больше нескольких тысяч франков. Во всяком случае, в ответ на отчаянную панику Зиновьева Ленин смог выслать ему всего-то сотню рублей, и этого, похоже, на текущие расходы достало.

Не исключено, что ненадёжность в тот момент финансовых доверенных лиц партии типа Шкловского в сочетании с общей ненадёжностью европейской ситуации, и побудили Ленина написать 16 января 1917 года из Цюриха в Кларан некое письмо Инессе Арманд. Это письмо, как и письмо Зиновьеву от 20 декабря 1916 года, настолько важно для понимания подлинного тогдашнего положения дел и финансового фона деятельности большевиков накануне Февральской революции, что приведу его полностью, вначале напомнив читателю о том кем была Арманд в большевистской партии к началу Февральской революции.

Елизавета Фёдоровна Арманд [урождённая Стеффен (транскрипцию даю по 2-му изданию БСЭ)] была в партии большевиков фигурой заметной с любой точки зрения. А поскольку она с 1910 года входила в близкое окружение Ленина (по сплетням – даже в слишком близкое), то сказать о ней рано или поздно надо, и вполне уместно сделать это именно сейчас.

Даты рождения Арманд расходятся: в примечаниях к Полному собранию сочинений Ленина указан 1874 год, во 2-м издании Большой советской энциклопедии – 1875 год, а по учётам Охранного отделения от 1913 года «жена потомственного почётного гражданина, домаш-

⁵⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 343.

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, прим. 414 на с. 547.

няя учительница Арманд, урождённая Стефен, Инесса (Елизавета) Фёдорова» отмечена как родившаяся 16 июня 1879 года в Москве⁶¹.

В книге же Ж. Фревиля «Ленин в Париже», изданной у нас в 1969 году, сообщается, что Арманд родилась 8 мая 1874 года в Париже в семье известного оперного певца Теодора Стефана и актрисы Натали Уальд – полу-французенки, полу-англичанки. Надо полагать, что это и есть верная дата рождения будущей выдающейся профессиональной революционерки, а московские охранники напутали.

Отец умер рано, оставив вдову с тремя девочками-погодками. Старшую (это и была Инес) взяли на воспитание бабушка и тётка, жившие в Москве. В шесть лет Инес хорошо играла на рояле, отлично усваивала знания, и выросла девушкой разносторонне образованной, обаятельной, остроумной... Была прекрасной певицей...

Вскоре она вышла замуж за обрусевшего потомка французских эмигрантов фабриканта Александра Арманда, владельца шерстоткацкой и красильно-отделочной фабрики в подмосковном Пушкино. Муж был человеком добрым, честным, не чуждым благотворительности, жену любил (да и невозможно было её не любить), у них быстро родилось четверо детей – два сына, Саша и Федя, и затем – две дочери, Инна и Варя.

Однако от себя не уйдёшь – в груди яркой светской дамы билось сердце, умеющее сострадать... Инесса увлекается толстовством, устраивает школу для крестьянских детей, вступает в Московское общество по улучшению участи женщин, но вскоре понимает, что так темноту жизни не рассеешь... Она порывает с религией и толстовством, а вскоре – и с мужем, полюбив младшего брата мужа, студента-марксиста Владимира Арманда, и начинает работать в революционном подполье⁶².

Вместе с четырьмя детьми Инессы от первого брака любящая пара поселяется в дальнем конце Москвы, и в 1904 году в семье появляется сын Андрей.

Итак, в революцию Арманд ушла не девочкой, ушла из жизни вполне обеспеченной, и по её официальной советской биографии начался с работы в Московской организации большевиков. Однако в одной из ориентировок Московского Охранного отделения сообщалось, что Арманд «6-го января 6 января 1905 года была обыскана при ликвидации московской группы партии с.-р. (то есть социалистов-революционеров, эсеров. – С.К.), в квартире её был обнаружен склад нелегальной литературы, браунинг и пачка патронов»...

Ну, если Елизавета Арманд и начинала как боевая эсерка, особого партийного криминала в том тогда не было – хуже было бы, если бы она начинала как меньшевичка! Впрочем, хudosочные «меки» и энергичная красавица явно не сочетались ни по духу, ни по идеологии.

9 апреля 1907 года Арманд была задержана и обыскана по делу военного союза, а 7 июня 1907 года Елизавету-Рене Арманд задержали на собрании Московского узлового комитета Всероссийского Железнодорожного Союза. Вскоре она была выслана под гласный надзор полиции «в отдалённый уезд Архангельской губернии на два года»⁶³.

В ссылку за ней – в северную Мезень, уехал и Владимир.

Владимир был человеком редкой души, «апостольски прост», однако в условиях крайнего Севера заболел туберкулёзом и вынужден был вернуться в Москву для лечения, а затем уехать в Швейцарию. В ноябре 1908 года Инесса за семь месяцев до окончания ссылки бежит через Архангельск, Москву и Петербург в Финляндию и в январе 1909 года добирается до Швейцарии – ухаживать за Владимиром. Через две недели после её приезда он скончался.

⁶¹ Большевики: Документы по истории большевизма... С. 221.

⁶² Арманд И. Ф. Статьи, речи, письма. М., 1978. С. 9.

⁶³ Большевики: Документы по истории большевизма... С. 275.

«Для меня его смерть, – писала Инесса в письме друзьям, – непоправимая потеря, так как с ним было связано всё моё личное счастье, а без личного счастья человеку прожить трудно»⁶⁴.

В 1909 году Арманд живёт вначале в Брюсселе, а с 1910 года – в Париже. Во время одного из своих приездов из Брюсселя в Париж в 1909 году она знакомится с Лениным и Крупской. Осенью 1909 года Инесса поступает в Брюсселе на учёбу в Новый университет и в октябре 1910 года получает диплом лиценциата экономических наук.

Летом 1911 года Арманд преподавала в партийной школе пропагандистов в деревушке Лонжюмо под Парижем, где 13 делегатам из имперских организаций партии и 4 вольнослушателям был прочитан курс лекций. Ещё до открытия школы Департамент полиции МВД в своём циркуляре № 100209 от 10 марта 1911 года извещал заграничную агентуру о предстоящем событии, а 29 августа 1911 года провокатор Бряндинский (от провокации не был застрахован никто и, например, боевой организацией эсеров руководил провокатор Евно Азеф) представил начальнику московской охраны обстоятельный доклад, где об Арманд было сказано следующее:

«...История социалистического движения в Бельгии – 3 лекции; читала их эмигрантка „Инесса“, оказавшаяся очень слабой лекторшей и ничего не давшая своим слушателям.

Инесса (партийный псевдоним, специально присвоенный на время преподавания в школе) – интеллигентка, с высшим, полученным за границей образованием; ...свободно владеет европейскими языками, её приметы: около 26–28 лет отроду, среднего роста, худощавая, продолговатое, чистое и белое лицо; тёмно-русая с рыжеватым оттенком; очень пышная растительность на голове, ...коса; замужняя, имеет сына 7 лет, жила в Лонжюмо в том же доме, где помещалась и школа; обладает весьма интересной наружностью»⁶⁵.

К слову, приметы Ленина Бряндинский описывал тогда же так:

«...около 40 лет от роду, выше среднего роста, худощавый, продолговатое бледное лицо, живые глаза, светло-русый, большая лысина, усы и борода бриты»⁶⁶.

И, опять же, к слову – с учётом сплетен, о которых будет позже сказано... Ленин с женой жили не в одном доме с Арманд и слушателями школы, а на другом конце Лонжюмо. Сообщает об этом Владимир Мельниченко – доктор исторических наук, последний директор Центрального музея В. И. Ленина.

Летом 1912 года ЦК большевиков по ленинской рекомендации нелегально направляет Арманд в Петербург. Она ехала в Россию как представитель ЦК для восстановления подпольного аппарата и подготовки избирательной кампании по выборам в IV Государственную думу. Перед отъездом «Инессу» в Кракове инструктировал сам Ленин.

Работа в Петербурге началась успешно, однако 14 сентября 1912 года Арманд (она жила по подложному паспорту на имя крестьянки Франциски Янкевич) арестовывают «по делу технической группы Петербургской организации РСДРП»⁶⁷.

Партийные «техники» были как один людьми опытными, преданными, бывальыми и профессионально скрытными, что вполне объяснимо. «Техника» – это организация нелегальных транспортов литературы и оружия, поиск новых конспиративных квартир, явок... Это – нелегальные типографии, агентура среди жандармов, связи между регионами и между регионами и ЦК, поиск и переправка денег для партии и прочее подобное, то есть – делб, для болтунов не подходящие. Возможно, этим и объясняется неудача «Инессы» как лектора в Лонжюмо –

⁶⁴ Подляшук П. Товарищ Инесса. М., 1965. С. 66.

⁶⁵ Большевики: Документы по истории большевизма... С. 120, 132.

⁶⁶ Большевики: Документы по истории большевизма... С. 130.

⁶⁷ Большевики: Документы по истории большевизма... С. 275.

профессия накладывает свой отпечаток, и Арманд в ту пору отпускала слова окружающим скуповато.

Соответственно, к Арманд жандармы отнеслись серьёзно – во время дознания она сидела в одиночке более полугода и надорвала здоровье, пока Александру Арманду не удалось добиться её освобождения до суда под залог в 5 тысяч. Весну и лето 1913 года Инесса провела с детьми на Волге, лечась кумысом.

Суд, который должен был состояться 27 августа 1913 года, грозил новой ссылкой, и, жертву залогом, Инесса переходит границу. Осенью 1913 года она уже присутствует на совещании ленинского ЦК в австрийском Поронине.

Совещание, в котором участвовали Ленин, Зиновьев, Каменев, Крупская, Трояновский, Шотман, Елена Розмирович, депутаты Государственной Думы IV созыва Бадаев, Малиновский, Петровский, Муранов и ряд других видных членов партии, проходило в период с 25 сентября по 1 октября. И в циркуляре Московского Охранного отделения № 107332 от 30 ноября 1913 года, где приводилось сообщение о совещании провокатора Малиновского, среди других упоминается также имя Арманд⁶⁸.

С этого момента Инесса – активный участник заграничной работы большевиков, причём и здесь на ней лежало немало сложных «технических» обязанностей. Она была делегатом Международной женской социалистической и Международной юношеской конференции в 1915 года, принимала участие в работе Циммервальдской и Кинтальской конференций интернационалистов. Арманд была талантливым и ценным партийным работником, и в годы войны она и Ленин обменивались десятками писем. Поскольку письма Ленина к Арманд опубликованы в Полном Собрании Сочинений, заинтересованный читатель может ознакомиться с ними сам и убедиться, что они носят деловой, хотя, порой, и весьма тёплый и дружеский характер.

Вот вполне типичный эпизод...

Исполнительный комитет Международного социалистического бюро (МСБ) созвал в Брюсселе на 16–18 июля 1914 года так называемое объединительное совещание. Формальной целью был «обмен мнениями» о возможности восстановления единства в РСДРП. Фактически же руководство II Интернационала было обеспокоено усилением влияния Ленина в рабочем движении в России и изыскивало пути ослабления позиций большевиков. Летом 1914 года председатель МСБ Эмиль Вандервельде (1866–1938) приезжал в Петербург и вёл переговоры с меньшевиками. Вандервельде условился с Мартовым, что МСБ выступит не как посредник между большевиками и меньшевиками, а как арбитр. Причём председатель МСБ предупредил Мартова, что с большевиками предварительно говорить не станет, чтобы они не поняли, что их хотят «прижать к стене»⁶⁹.

Прижать Ленина к стене?

Ну, не Вандервельде была по плечу такая задача, да и кому она была бы по плечу!?

Игнорировать приглашение в Брюссель, куда должны были съехаться представители всех течений российской социал-демократии, включая «Единство» Плеханова, «Борьбу» Троцкого, Бунд, поляков и латышей, Ленин не мог – рабочая масса этого не поняла бы, а меньшевики обвинили бы большевиков во всех смертных грехах.

Но и ехать в Брюссель Ленин не хотел... В начале июля 1914 года он пишет Арманд из Поронина в Ловран:

«По поручению ЦК обращаюсь к тебе с просьбой согласиться войти в делегацию... Ты хорошо знаешь дела, прекрасно говоришь по-французски, читаешь „Правду“. Думаем ещё о Попове, Камском, Юрии (А. А. Бекзаян. – С.К.). Всем написано...

Надо **очень** спешить!!

⁶⁸ Большевики: Документы по истории большевизма... С. 220–221.

⁶⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 25, прим. 142 на с. 526.

Согласись, право! Хорошо встряхнёшься и делу принесёшь пользу...

Я ехать не хочу „принципиально“. Видимо немцы (озлобленный Каутский и К⁰) хотят нам досадить. Sout! („Пусть так!“ – С.К.) Мы спокойно (я на это не годен) от имени большинства^{8/10}, вежливейшим (я на это не годен) французским языком предложим наши условия. А ты теперь осмелела, читала рефераты и отлично бы провела!...»⁷⁰

Не знаю – кому как, но мне ленинское «я на это не годен» доставило немало удовольствия! Оно великолепно передаёт темперамент Ленина, к дуракам и «мышиным», – как говорил Тарас Бульба, – «душам» никогда никакой терпимости не проявлявшего.

Арманд на совещании, где будут иностранцы, с её свободным владением европейскими языками была бы, конечно, очень к месту. Ленин инструктировал её:

«...Я уверен, что ты из числа тех людей, кои развёртываются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту... Превосходно ты сладишь! Прекрасным языком твёрдо их всех расшибёшь, а Вандервельде не позволишь обрывать и кричать...

Гвоздь, по-моему, – доказать, что только мы партия (там – блок-фикция или группки), только мы рабочая (там – буржуазия, дающая деньги и одобряющая), только мы *большинство*...»⁷¹

В итоге Арманд согласилась, и в Брюссель поехала делегация ЦК РСДРП в составе: И. Ф. Арманд (Петрова), М. Ф. Владимирский (Камский) и И. Ф. Попов (Павлов). За несколько дней до совещания Ленин в очередной раз инструктировал Арманд, и эти его инструкции тоже стоят того, чтобы читатель с ними познакомился.

Ленин писал:

«Дорогой друг! Я чрезвычайно тебе благодарен за согласие. Я просто уверен, что ты превосходно выполнишь твою важную роль...

Ты с делом хорошо знакома, говоришь хорошо, и я уверен, что теперь сможешь быть достаточно „нахальна“. Пожалуйста, не истолкуй „в плохую сторону“, если я даю тебе кое-какие частные советы для облегчения твоей тяжёлой задачи.

Плеханов любит смущать „товарок“, говоря им „вдруг“ галантности (по-французски и т. п.). Надо быть готовым к этому для быстрого ответа – я восхищена, товарищ Плеханов, вы поистине старый волокита (или галантный кавалер) – или что-либо в этом роде, чтобы *отбрызнуть* его.

Ты должна знать, что все будут очень злиться (я очень рад!), увидев, что я отсутствую, и вероятно, захотят отомстить тебе. Но я уверен, что ты покажешь свои ноготки наилучшим образом. Заранее восторгаюсь при мысли, как они нарвутся публично, встретив холодный, спокойный и немного презрительный отпор...»⁷²

Ясно, между прочим, что Ленин не столько «заранее восторгается», сколько таким образом заранее задаёт Арманд тот тон, который необходим. А далее идёт ещё одна небесполезная ремарка:

«Плеханов любит „задавать вопросы“, издеваясь над вопрошаемым. Мой совет: обрезать сразу – Вы-де вправе... задавать вопросы, но я отвечаю не Вам лично, а всей конференции, поэтому покорнейше прошу не перебивать меня, – чтобы превратить сразу „задавание вопросов“ в *нападение* на него. Ты должна всё время занимать наступательную позицию... Они трусы, и сразу осядут, осекутся.

⁷⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 297–298.

⁷¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 307–308.

⁷² Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 314.

Они не любят, когда мы цитируем резолюции. А это лучший ответ: я-де пришла сюда главным образом, чтобы передавать *оформленные* партийные решения нашей рабочей партии...»⁷³

Наконец, в письме, посланном Лениным Арманд уже «после драки» – 19 июля 1914 года, говорится:

«Гюисманс (секретарь МСБ, профессор филологии из Бельгии. – С.К.) и Вандервельде пустили в ход все угрозы. Жалкие дипломаты! Они думали нас (или вас) запугать. Конечно, им не удалось...

Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я. Помимо языка (Ленин имеет в виду то, что его французский был далеко не идеален, как и немецкий. – С.К.), я бы *взорвался*, наверное. Не стерпел бы комедиантства и обозвал бы их подлецами. А им только того и надо было – на это они и провоцировали.

У вас же и у тебя вышло спокойно и твёрдо. Extremely thankful and greeting you („Чрезвычайно благодарен и приветствую тебя“. – С.К.)...»^{74?}

Деликатные поручения Ленина, требующие воли и умения, Арманд выполняла и позднее, тем более, что уже скоро у Ильича возникли новые заботы и новые проблемы – началась Первая мировая война.

Сегодня стандартное клише, связанное с именем Инессы Арманд, – «любовница Ленина», и правды здесь вряд ли больше, чем в клише: «Ленин – германский шпион».

Я не намерен уделять в этой книге теме «Ленин – Инесса» много места, поэтому сразу сообщу, что слух о том, что у Ленина была с Арманд «тайная любовь» запустил в оборот в начале 50-х годов бывший французский интернационалист Марсель Боди... Сообщая об этом, упомянутый выше Владимир Ефимович Мельниченко, далее продолжает:

«Из пальца высосан вымысел об интимной связи Владимира Ильича с Арманд „на протяжении десяти лет“... Поднята до „научного“ уровня одна из давних побасенок: „Имелась версия, что Сталин угрожал Крупской в случае её малейшего неповиновения объявить официальной женой Ленина Инессу Арманд“...»⁷⁵

Написанную в жанре документальной миниатюры книгу Владимира Мельниченко «Личная жизнь Ленина» рекомендую читателю со спокойной совестью... Как справедливо сказано в издательской аннотации, автор – «один из тех немногих историков, которые знают о Ленине, пожалуй, всё, за исключением того, что уже не узнает никто и никогда».

Конечно, *знать* всё и *всё* понимать – вещи нередко разные, и в эпохе Ленина-Сталина и в её творцах доктор Мельниченко понял, на мой взгляд, не всё. Однако понял он – при глубоком знании темы, немало, и написал о Ленине не только со знанием, но и с пониманием – честно, с хорошей страстью.

Одна из книг Мельниченко имеет яркое название: «Нужно быть сумасшедшим, чтобы не признать величия Ленина», и в своём месте я ещё буду ссылаться на интереснейшую информацию Владимира Ефимовича о жизни Ильича.

Так вот, из постсоветской книги компетентного эксперта однозначно следует – со ссылками на документы, что Арманд Ленина любила, что и Ленин к Инессе Арманд был очень душевно расположен и видел в ней «верного товарища по работе». Однако, привожу прямое мнение автора «Личной жизни Ленина»:

⁷³ Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 314–315.

⁷⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 323.

⁷⁵ Мельниченко В. Е. Личная жизнь Ленина, М.: Воскресенье, 1998. С. 187.

«Любил ли Владимир Ильич Арманд? На этот вопрос мог бы ответить только он сам. Документы, которыми мы располагаем, не дают однозначного ответа, всяческие вымыслы любого толка – неуместны, недостойны»⁷⁶.

Точно так же смотрит на этот аспект жизни Ленина и другой подлинный эксперт – ульяновский лениновед Жорес Трофимов. Он, в частности, сообщает, что в 1953 году 17-летняя Лариса Васильева, впоследствии известная поэтесса, попросила высказать своё мнение о возможном «романе» Ленина с Арманд Ивана Фёдоровича Попова (1886–1957).

Большевик с 1904 по 1914 год, адресат ряда ленинских писем, участник того «объединительного» совещания в Брюсселе, о котором выше было рассказано, а после Октября – литератор, Попов в 10-е годы как представитель ЦК в Международном Социалистическом Бюро был тесно связан с Лениным, с Арманд и Крупской, ситуацию знал не понаслышке. И юной Васильевой Попов ответил так: «Упаси бог! Она любила его как своего учителя. Она поверила Ленину, как никому. Пошла за ним. Сначала заочно. Потом рядом»⁷⁷.

После революции Арманд – умелый организатор, работала в Московском губкоме партии, в Московском губисполкоме, была председателем Московского губсовнархоза, а с 1918 года заведовала отделом работниц при ЦК РКП(б). В 1920 году она лечилась от туберкулёза в Кисловодске и во время эвакуации ввиду наступления белых, умерла от холеры. Её младший сын Андрей, инженер-механик, погиб в 1944 году на фронте.

А теперь пора вернуться к письму, посланному Лениным Арманд 16 января 1917 года из Цюриха в Кларан. Я уже писал, что ввиду его важности для освещения подлинного финансового положения партии большевиков накануне Февральской революции, приведу его полностью, что ниже и делаю.

Ленин писал Арманд:

«Дорогой друг!

Если Швейцария будет втянута в войну, французы тотчас займут Женеву. Тогда быть в Женеве – значит быть во Франции и оттуда иметь сношения с Россией. Поэтому *партийную кассу* я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили её *на себе*, в мешочке, сшитом для сего, ибо из банка не выдадут во время войны). Пишу об этом Григорию (Зиновьеву. – С.К.). Это только планы, пока между нами.

Я думаю, что мы останемся в Цюрихе, что война невероятна.

Лучшие приветы и рукопожатие! Ваш Ленин»⁷⁸.

Итак, вся партийная заграничная партийная касса большевиков в начале 1917 года могла спокойно разместиться на груди изящной Инессы Арманд. Но даже если бы она имела, пардон, бюст шестого размера, миллионы марок (или там – франков, фунтов и долларов) на нём разместить не удалось бы...

Повторяю, логичный вывод из сказанного напрашивается сам собой: никаких миллионов в распоряжении Ленина не было. А отсюда вытекает и тот вывод, что никто ими Ленина не снабжал. Это, как со стороны кайзера Вильгельма, генерала Людендорфа, германской разведки, так и со стороны союзников было бы, вообще-то, просто глупым делом.

Несомненная же историческая правда заключается в том, что финансовая база политической деятельности Ленина и его партии в ходе Первой мировой войны имела, как и до войны, вполне видимое происхождение. Она пополнялась членскими взносами, литературными гонорарами, пожертвованиями сочувствующих и т. п., и была весьма скромной.

Вот ещё один убийственный для версии о антироссийском финансировании Ленина факт... Ещё до проекта разместить партийную кассу на груди Арманд как в сейфе, Ленин

⁷⁶ Мельниченко В. Е. Личная жизнь Ленина, М.: Воскресенье, 1998. С. 201.

⁷⁷ Трофимов Ж. А. Ленин – Крупская – Арманд – любовный треугольник?. Ульяновск: Народная газета, 1993. С. 28.

⁷⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 367.

пишет той же Арманд 6 января 1917 года очередное письмо. С одной стороны, это письмо лишний раз подтверждает, что о близящейся «спецоперации» российской и союзной элиты по свержению самодержавия Ленин даже не догадывался. Однако «финансовая» часть письма ещё более интересна!

Ленин в ней обсуждает с Арманд возможность издания ряда брошюр, просит выяснить – сможет ли Арманд «достать (или авансировать) деньги на это издательство» в размере до 500 (всего пятисот!!!) франков – примерно 300 рублей, обсуждает вопросы распространения брошюр и далее продолжает:

«... (а) Окупится ли? (б) И в какое время назад вернутся деньги?

От этих двух вопросов (а + б) зависит всё.

Если (а) вообще не окупится, то тогда нельзя и браться, **ибо жертвователя денег у нас нет** (жирный шрифт мой. – С.К.). Ставить можно лишь то, что окупится...»⁷⁹

Что же до личного финансового положения Ленина на рубеже 1916 и 1917 годов, то отчаянным оно не было, однако и стабильным его назвать было нельзя!

Узнать об этом можно не из тех или иных мемуаров, а всё из той же ленинской переписки, опубликованной в Полном Собрании сочинений. Ведь все эти письма – личные и деловые, писались не в предвидении того, что через сто лет в России, пересозданной Лениным из буржуазной в рабоче-крестьянскую, а затем пересозданной Горбачёвым, Ельциным и Путиным вновь в буржуазную, найдутся некие «историки», возводящие поклёп на Ленина, и надо-де заранее – за сто лет, подстраховаться серией соответствующих писем.

Эти письма были написаны для того, для чего обычно письма и пишутся, то есть – для осведомления адресата, для совета с ним и т. д.

Скажем, 20 сентября 1916 года Ленин в письме в Петроград Марку Тимофеевичу Елизарову – мужу старшей сестры Анны, передаёт привет своей сестре Марии Ильиничне:

«... Большущее также спасибо Маняше за хлопоты с издателями: засяду писать что бы то ни было, ибо дороговизна дьявольская, жить стало чертовски трудно... (200 руб. я получил и писал об этом; спасибо ещё раз)...»⁸⁰

Это при якобы миллионах марок в кармане такие жалобы?

Увольте, увольте, милостивые государи!

Марк Елизаров, живший в Петрограде и занимавший солидную должность в правлении пароходного общества «По Волге» на Невском проспекте, как и Мария Ильинична, были тогда для Ленина чем-то вроде литературных агентов в России, и 22 октября 1916 года Ленин интересуется у Марии Ильиничны:

«Дорогая Маняша!..

Получена ли новым издателем рукопись о новейшем капитализме (имеется в виду классическая впоследствии работа „Империализм как высшая стадия капитализма“. – С.К.)... Ты пишешь, что „„Аграрный вопрос““ (полное название: „Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединённых Штатах Америки“. – С.К.) издатель хотел бы выпустить книгой, а не брошюрой“. Я понимаю это так, что я должен прислать продолжение... Засяду за эту работу, как только покончу с тем, что я должен написать в оплату аванса у старого издателя...»⁸¹

26 ноября 1916 года Ленин вновь адресует к «Маняше», сообщая из Цюриха о получении от неё книг и вообще о жизни в Швейцарии. В приводимом ниже отрывке этого письма

⁷⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 353.

⁸⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 365.

⁸¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 365.

обращаю внимание читателя на то, что Ленин, как из него видно, владел немецким и английскими языками настолько, что мог зарабатывать на жизнь и переводами:

«Дорогая Маняша! Только что отправил на адрес Марка Тимофеевича заказную открытку, как пришли от тебя книги...

...Мы живём по-старому. Дороговизна всё сильнее. За деньги большое спасибо (писал М.Т. о получении мной 500 р. = 869 frs. [франков. – С.К.]... Насчёт переводов предложил три книги: *Kemmerer*: „Technischer Fortschritt“; *Hobson*: „Imperialism“; *Gilbreth*: „Motion study“. Ответа ещё не имею; жду его (ибо издатель должен справиться, не издано ли уже).

Ещё раз крепко жму всем руки и целую тебя и Аню (старшую сестру. – С.К.)...»⁸²

Спрашиваю ещё раз: это что – при якобы миллионах марок в кармане?

Странно получается! По уверениям разного рода «исследователей» то ли немецкого, то ли – союзнического, следа в политической деятельности Ленина во время Первой мировой войны, Ленин купался в деньгах. И при этом, оказывается, хватался за любую возможность литературного заработка.

Ему если не в швейцарских ресторанах на шпионские гонорары кутить (нет, нельзя – конспирация!), то уж, во всяком случае, работать и работать над планами будущего развала России! А он, понимаешь, отвлекается от «поставленной задачи» и собирается переводить каких-то Кеммерера и Хобсона...

Неувязка, однако...

Касающиеся «издательских» коллизий места попадают в ленинской переписке на протяжении многих лет. Он ведь, живя в эмиграции, не бомбы для подрыва «буржуев» мастерил, и не сибаритствовал, а много работал, занимаясь не только текущей партийной, но и серьёзной литературной и научной работой.

Ленин работал – при возможности – во всех крупнейших библиотеках Европы, в том числе – собирая материалы для будущих книг. И литературный доход от публикации статей и книг, от заказов редакций и т. д. был важным источником его бюджета.

Порой, увы, всё шло не так гладко... 21 декабря 1916 года Ленин отправляет из Цюриха во Францию письмо Михаилу Покровскому, будущему известному советскому историку, где касается и издательских дел:

«Уважаемый М. Н.! Получил Вашу открытку от 14.XII.1916. Если Вам пишут, что издатель должен мне „кроме 500 р. ещё 300 р.“, то я должен сказать, что считаю за ним больше долгу...

Писал об этом в Питер, но мои сношения с Питером архиплохи и невыносимо медленны...»⁸³

А через пару недель – 3 января 1917 года, Ленин пишет Покровскому ещё одно письмо, где сообщает и неплохие, и грустные новости:

«Уважаемый М. Н.! Только что отправил Вам открытку по поводу брошюры, ... как стал получать деньги и получил теперь в два приёма 500 frs (франков. – С.К.), за что очень благодарю.

Получил также ответ формальный (почты), что мою рукопись по экономике, посланную Вам 2. VII. 1916, saisi l'autorité militaire!!! („конфисковали военные власти“. – С.К.)

Прямо невероятно! Можно ли ещё где похлопотать или безнадежно?

Лучшие приветы и пожелания.

Ваш В. Ульянов»⁸⁴.

⁸² Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 367.

⁸³ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 343.

⁸⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 360.

Пропавшая рукопись – это как раз та, о которой Ленин беспокоился в письме Марии Ильиничне Ульяновой от 22 октября 1916 года то есть – рукопись книги «Империализм как высшая стадия капитализма»!

Писать книгу по империализму по предложению легального издательства «Парус», основанного в декабре 1915 года в Петрограде Горьким, Ленин начал в начале 1916 года. 2 июля 1916 года Владимир Ильич отправил заказной бандеролью рукопись Покровскому, который, живя во Франции, редактировал серию брошюр, выпускаемых издательством «Парус» в Западной Европе⁸⁵.

Однако до адресата бандероль не дошла по причине, читателю уже известной. Но Ленин-то долго не мог понять – затерялась рукопись, что ли?

И, наконец, в январе 1917 года Ленин получил своего рода «новогодний подарок» от французской военной цензуры – сообщение о том, что рукопись изъяли. Хорошо, что имелся второй экземпляр рукописи «Империализма...», и его – ещё до извещения о конфискации первого экземпляра – удалось переслать редактору, то есть, Покровскому, вторично.

Вот как оно, порой, бывало.

Уже Пушкин жил на «литературные» доходы, что и зафиксировано им в знаменитом: «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать...»

Ленин никогда не продавал ни честь, ни совесть, ни свои убеждения, ни Отечество... Но рукописи своих трудов он продавал постоянно.

И их, представьте, покупали!

Они ведь того стоили – не как будущие ленинские автографы, а как полноценный продукт интеллектуального труда.

Конечно, ленинские литературные гонорары были скромными – их ведь издавали не тиражами Дарьи Донцовой, и издавали небольшие прогрессивные издательства, а не крупные издательские концерны. Но это были, всё же, гонорары, и то, как Ленин о них беспокоился, лишней раз убедительно опровергает глупую ложь о его содержании в эмиграции немцами или союзниками.

К тому же, как мы ниже увидим, с начала 1917 года литературные доходы Ленина несколько увеличились. Стали приходить деньги за издания, устроенные в издательства через Михаила Покровского – о чём мы уже знаем. Но кроме того шли и гонорары, устроенные через «Маняшу» – младшую сестру.

А вообще-то жизнь в Швейцарии у Ульяновых в зиму 1916–1917 года шла достаточно размеренно, и особо бурные перемены в ней не предполагались.

⁸⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 256.

Глава 5. «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв...»

Начало 1917 года...

Нейтральная Швейцария – островок спокойствия и тишины в Европе, охваченной войной.

С одного бока у швейцарцев – имеющая фронт с Германией Франция. С другого – имеющая фронт с Россией и Сербией Австро-Венгрия. Сверху – Германия, застрявшая во Франции, где кроме французов держит фронт английский экспедиционный корпус... Снизу – хотя и вяло, но тоже ввязавшаяся в драку Италия со своими берсальерами, украшенными шляпами с петушиными хвостами.

Везде война, но в Швейцарии – непрочное спокойствие.

И в этой мирной Швейцарии – Ленин. Но не тот Ленин, о котором знает весь мир, а пока что всего лишь изгнанный царизмом из России российский подданный Владимир Ульянов, на европейский лад – Oulianoff, проживающий по адресу: 14^{II}. Spiegelgasse. 14^{II}. Zürich (Suisse).

Кем он был тогда для мира, в который пришёл сорок шесть лет назад?

Скромный политический эмигрант, как говорится – широко известный в узких кругах... Не то что для Европы, в которой он вынужденно жил почти десять лет, но даже для России он был тогда никем.

Даже для хорошо знавших его по долгу службы чинов Охранного отделения и Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи он был всего лишь лидером не очень опасной нелегальной партии, занимающейся пропагандистской деятельностью среди рабочих... Но и тут его влияние было не очень-то прочным, потому что в ходе войны партийные оппоненты Ленина – меньшевики, вошли в России в военно-промышленные комитеты, и это позволяло им усиливать свои позиции в рабочей среде.

Конечно, Ленин, и находясь в меньшинстве был более опасен для царизма, чем меньшевики. Это жандармы понимали. Его сила была в решимости, в непримиримой принципиальности там, где быть непринципальным означало скатиться на уровень политиканства. Однако жандармы понимали и то, что даже с Лениным большевики моря сейчас не зажгут – не те силы.

Бомб большевики в царских сановников не бросали, не бросают и бросать не собираются, так что жандармы больше опасались эсеров с их Боевой организацией, с их бомбистами-смертниками и с их влиянием в крестьянстве, да ещё и в зажиточном крестьянстве!

Крестьянство – это 70–80 процентов населения России. Это – к 1917 году, миллионы вооружённых мужиков. Всколыхни их эсеры под пару-тройку удачных террористических актов – Россия могла бы и полыхнуть...

А Ульянов-Ленин?

Ну, он прочно застрял в Швейцарии и занят написанием рефератов то на французском, то – на немецком языке...

Ну и пусть его!

Всё ведь тогда так и было! Знакомство с ленинской перепиской второй половины 1916 года и начала 1917 года однозначно убеждает, что о назревающих в России событиях (если иметь в виду элитарный заговор, ставший катализатором уже народного взрыва) Ленин не имел ни малейшего представления и на скорый революционный подъём в России не рассчитывал.

Связь с Россией тогда почти прервалась, и Ленин увлёкся борьбой с оппортунистами из европейских социал-демократий, начиная со швейцарцев. Всё той же Инессе Арманд он писал 15 января 1917 года:

«Дорогой друг! Только сегодня... закончили мы начавшееся вчера совещание о выступлении против Гримма. Участвовал и немец, член группы „Die Internationale“, вполне левый.

Приняли такое решительное заявление против Гримма (с требованием его удаления из I. S. K. [Международной Социалистической Комиссии. – С.К.]), что Платтен назвал это „политическим убийством“.

Это пока строго между нами.

Пройдёт неделя-другая, пока это пошлётся Роланд-Гольст и др., и от них придёт ответ.

Устал я порядком – отвык от собраний...»⁸⁶

Роберт Гримм (1881–1958) – это правый швейцарский социалист, член швейцарского парламента, Фриц Платтен (1883–1942) – левый швейцарский социалист, который вскоре сыграет видную роль в деле переезда Ленина в Россию... А Генриетта Роланд-Гольст (1869–1952) была в то время левой голландской социалисткой, позднее входила в Компартию Голландии, работала в Коминтерне, но к концу 20-х годов скатилась на позиции «христианского социализма».

Итак, в России подспудно назревали события, дело шло к физическому устранению Распутина и политическому убийству ни кого иного, как самого «Государя Императора», а Ленин занимался в Швейцарии тем, что сваливал какого-то Гримма – как следовало из цитированного выше письма. И подобные места в ленинских письмах, написанных разным адресатам буквально накануне Февральской революции встречаются сплошь и рядом!

Желающие могут прочесть в томе 49 Полного собрания хоть бы те же письма Арманд от 6 января 1917 года, от 8 января 1917 года, от 13 января 1917 года, Карпинскому от 8 января и 19 января 1917 года, неустановленному адресату от 11–12 января 1917 года и т. д.

Да и ленинская биохроника подтверждает, что противостоянием с лидером Социал-демократической партии Швейцарии Робертом Гриммом, который был под боком, Ленин был поглощён тогда намного больше, чем противостоянием с императором Николаем, который был от Ленина за тысячи километров...

Даже во второй половине февраля 1917 года Ленин не знал о том, что его с Крупской вторая и последняя эмиграция заканчивается. И этому (полному неведению Ленина) есть точное, достоверное, документальное подтверждение – два его письма, относящиеся к началу 1917 года.

15 февраля 1917 года Ленин направляет из Цюриха очередное письмо младшей сестре – Марии Ильиничне Ульяновой в Петроград (впервые опубликовано в 1929 году в журнале «Пролетарская революция» № 11 по оригиналу):

«Дорогая Маняша! Сегодня я получил через Азовско-Донской банк 808 frs. (1 швейцарский франк ~ 0,58 рублей. – С.К.), а кроме того 22.I я получил 500 frs. Напиши, пожалуйста, какие это деньги, от издателя ли и от которого и за что именно и мне ли. Необходимо бы иметь расчёт, т. е. знать, какие именно вещи уже оплачены издателем, а какие нет. Я не могу понять, откуда так много денег (ха, из германского генштаба, вестимо, аж целая почти тысяча рублей! – С.К.); а Надя шутит: „пенсию“ стал-де ты получать. Ха-ха! Шутка весёлая, а то дороговизна совсем отчаянная, а работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая. Но шутки в сторону, надо же всё-таки знать поточнее; напиши, пожалуйста... Боюсь расхотеть деньги (иногда через меня посылали одному больному приятелю)...

Мы живём по-старому, очень тихо...»⁸⁷

Надо ли много комментировать эти строки?

Но дальше – больше!

⁸⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 366.

⁸⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 368–369.

18 (или 19 февраля) 1917 года Ленин пишет деловое письмо в тот же Петроград зятю (мужу старшей сестры Ленина Анны Ильиничны) – Марку Тимофеевичу Елизарову⁸⁸.

Впервые письмо было опубликовано в 1930 году в журнале «Пролетарская революция» № 4 тоже по оригиналу, и оно настолько важно в большинстве своих частей, что приведу его ниже почти полностью:

«Дорогой Марк Тимофеич! ...Надя (Н. К. Крупская. – С.К.) планирует издание „Педагогического словаря“ или „Педагогической энциклопедии“.

Я усиленно поддерживаю этот план, который, по-моему, заполнит очень важный пробел в русской педагогической литературе, будет очень полезной работой и даст заработок, *что для нас архиважно*.

Спрос теперь в России, с увеличением числа и круга читателей, именно на *энциклопедии* и подобные издания очень велик и сильно растёт. Хорошо составленный „Педагогический словарь“ или „Педагогическая энциклопедия“ будут настольной книгой и выдержат ряд изданий.

Что Надя сможет выполнить это, я уверен, ибо она много лет занималась педагогикой, писала о ней, готовилась систематически. Цюрих – исключительно удобный центр именно для такой работы. Педагогический музей здесь лучший в мире».

Уже эта часть письма высвечивает последние – как оказалось вскоре – дни эмиграции Владимира Ильича в их подлинном историческом свете. Ленин пишет в Россию, не подозревая даже, не догадываясь о том, как близок момент его встречи с Родиной!

Продолжаю цитирование:

«Доходность такого предприятия несомненна. Лучше бы всего было, если бы удалось *самим* издать сие, заняв потребный капитал или найдя капиталиста, который вошёл бы пайщиком в это предприятие...

...Надо только, чтобы план не украли, т. е. не перехватили... Затем надо заключить с издателем *точнейший* договор... Иначе издатель (и старый издатель тоже!!) просто возьмёт себе *весь* доход, а редактора закабалит. *Это бывает*.

Очень прошу подумать об этом плане хорошенько, поразведать, поговорить, похлопотать и ответить поподробнее.

Жму Вашу руку. Ваш В. Ульянов».

Ну, и как нам быть с этими письмами сестре и зятю? Они были написаны в Швейцарии в феврале 1917 года, когда до первой массовой демонстрации женщин-пролетарок в Международный женский день оставалось меньше недели. И совершенно очевидно, что оба письма написаны человеком, не помышляющим в ближайшее время «совершать революцию» – на чьи бы то ни было деньги!

Тем более что ему денег на жизнь не хватает, не то что на переворот в России...

Понятно и то, что он не собирается в обозримый период куда-то – тем более в Россию – уезжать. Ленин и Крупская задумывают работу, которая требует немало времени, явно исходя из того, что жить им в Швейцарии придётся ещё немалый срок.

Видно из писем и то, что они написаны человеком, если не отчаянно, то существенно нуждающимся в средствах просто на жизнь, и на жизнь достаточно скромную.

Так где здесь усматриваются миллионы – чего бы то ни было?

И где здесь подготовка к «выполнению заданий германского генштаба» по выводу России из войны?

⁸⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 369–370.

Или, может быть, скромно живущий в Цюрихе политэмигрант Oulianoff писал чисто личные письма сестре и зятю в феврале 1917 года в целях прикрытия своих тёмных миллионных доходов?

Или он писал эти письма в целях предоставления наивному, «любящему Ленина», Сергею Кремлёву дополнительных «доказательств» того, что Ленин ничьим платным агентом не был, в то время как он, так ловко натянувший нос простодушному Кремлёву, был не просто платным, а двойным агентом и немцев, и «союзников» – как уверяет Н. Стариков?

Или, может, эти «письма» в 1929 и 1930 годах сфальсифицировала – в предвидении будущих, в 90-е и 2000-е годы обвинений Ленина – редакция журнала «Пролетарская революция»?

А, может, их в 1978 году сфальсифицировали – в предвидении всё тех же будущих обвинений Ленина – издатели 55-го тома Полного Собрания Сочинений?

Нет уж, уважаемые!

В реальной жизни, а не в воспалённом сознании горе-«экспертов», так не бывает, и оба письма Ленина подлинны!

Наличие же *одних этих двух писем* доказывает, что революционные события 1917 года Ленин не готовил загодя – ни на свой страх и риск, ни на чьи-либо миллионы. Он лишь гениально воспользовался в интересах социалистической революции и социализма той ситуацией, которую создали другие – помимо Ленина, без него, и отнюдь не интересах социализма в России.

Есть и ещё одно мало известное, несмотря на предельную доступность, подтверждение того, что Ленин не рассчитывал на близкую революционную бурю в России и не раздувал её ветер. Это подтверждение – некий доклад, фраза из которого дала название главе, и который Ленин в начале 1917 года прочёл перед молодыми социалистами Швейцарии.

Впрочем, обо всём – по порядку...

7(20) декабря 1916 года Ленин пишет из Цюриха в Женеву, адресуясь В. А. Карпинскому (1880–1965), партийному литератору, заведующему библиотекой и архивом РСДРП в Женеве:

Дорогие товарищи!

Мне надо прочитать здесь доклад о 9.I.1905, а у меня нет материала. Помогите найти, пожалуйста:

1) «Мысль» 1910 (?) – 1911 статьи В. Ильина (то есть его собственные. – С.К.) о стачках в России (О статистике стачек в России, ПСС. Т. 19, с. 377–406. – С.К.).

2) «Дискуссионный Листок при ЦО РСДРП...», и т. д.⁸⁹

А 9(22) января 1917 года Ленин в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодёжи прочёл на немецком языке доклад о революции 1905 года⁹⁰.

Начав доклад со слов: «Юные друзья и товарищи! Сегодня двенадцатая годовщина Кровавого Воскресенья, которое с полным правом рассматривается как начало русской революции...», Ленин очень обстоятельно, информативно, простым языком рассказал о ходе и сути революции 1905 года, о её значении для Европы, а закончил так:

«...русская революция... остаётся прологом грядущей европейской революции. Несомненно, что эта грядущая революция может быть только... пролетарской, социалистической...»

Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистической войны, муки дороговизны повсюду рожают революционное настроение, и господствующие классы... всё больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода...

⁸⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 341–342.

⁹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 306–328, и примеч. 119 на с. 452.

Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции (жирный шрифт мой. – С.К.). Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодёжь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»⁹¹.

Мог ли Ленин говорить так, если бы он рассчитывал на скорую «грядущую пролетарскую революцию» в России, на которую якобы получил от кайзера или от Антанты «золотые миллионы»?

Что же до факта прочтения Лениным *такого* доклада в Швейцарии в январе 1917 года, то он был советским гражданам мало известен, хотя легко устанавливался после посещения любой советской массовой библиотеки. Скорее всего, этот факт брежневские начётчики не афишировали, чтобы не поцарапать отполированный глянецовый муляж Ленина как «прозорливого стратега Октябрьской революции». Но факт есть, и этот факт *полностью* опрокидывает все инсинуации против Ленина, выставляющие его то ли «германским шпионом», то ли тайным эмиссаром Антанты, на выданные ему крупные суммы готовившим ниспровержение самодержавия.

Как уже было сказано, это же, то есть – полную организационную неготовность Ленина и большевиков к нагрянувшим в конце Февраля 1917 года событиям, доказывает и анализ переписки Ленина в тот период.

В связи с только что сказанным может возникнуть естественный вопрос: «Если Ленин не готовил Февраль и не был к нему готов, и если он считал социалистическую революцию делом неблизким, то если бы в России другие – за Ленина – не революционизировали страну в Феврале, то, выходит, и Октября 1917 года не было?»

Это интересный вопрос, и остановиться на нём не мешает. Причём краткий ответ будет таков...

К 1917 году положение всех воюющих держав было почти критическим. Были израсходованы огромные средства, убиты миллионы людей, а решающего перевеса ни одна сторона не получила. Социальным взрывом была чревата ситуация и в Англии, и – тем более, во Франции, а о Германии и вовсе не разговор, поскольку там было особенно туго с продовольствием. Карточную систему продовольственного снабжения немцев называли «образцово организованным голодом».

Но уж где дела шли вовсе из рук вон плохо, так это в России. При этом экономическая разруха была, пожалуй, не самой большой опасностью. Главным было то, что русский мужик – а русский солдат, это и был по преимуществу мужик, устал – даже больше, чем от войны, от полной её для мужика бессмысленности.

Ни царь, ни царская верхушка этого не понимали, да и среди буржуазных верхов это по-настоящему, *деловым* образом, понимал мало кто. Но тот, кто *понимал*, не просто сокрушённо качал головой, а готовил дворцовый переворот.

Во-первых, смена декораций могла бы встряхнуть народ, пробудить надежды и заставить мужика ещё повоевать.

Во-вторых, воспользовавшись ситуацией, буржуазия, имеющая экономическую власть, получила бы и власть политическую, что было, конечно, делом для буржуазии желательным и желанным.

В-третьих же, существовала опасность того, что даже неудалый царь, попав в исторический цейтнот, разрешит свои проблемы патом – сепаратным миром с Германией. Кайзер Вильгельм на него пошёл бы, но это никак не устраивало ни Антанту, ни российские буржуазные «верхи», ни проанглийские и про-французские круги российского «общества».

⁹¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 306, 327–328.

Так что переворот в России в той или иной форме был, по сути, неизбежен. Николай и царизм могли бы избежать его единственным образом – на платформе партнёрства с Германией не ввязываться в 1914 году в европейскую войну. Однако царь Россию в кровавое «болото» войны затащил, и теперь его участь так или иначе была решена.

Это понимали умные люди даже среди царской родни, и уж тем более это понимал Ленин. 31 января 1917 года он опубликовал в № 58 газеты «Социал-Демократ» статью «Поворот в мировой политике».

В своём месте я ещё скажу о ней, а сейчас сообщу лишь, что там Ленин не только оценивал возможность заключения сепаратного мира Германии с Россией, но и *возможность переворота*, причём *даже имена* возможных лидеров пост-николаевского правительства назвал – Миллюкова, Гучкова, Керенского...

Ленин ведь – даром что находился вне России – за ситуацией следил очень внимательно, изучая европейскую и российскую прессу, в чём был великим мастером.

Однако *компетентный* независимый аналитик (а Ленин был именно им) никогда не исходит из одного варианта – аналитик всегда проводит свой анализ, не имея полной информации о ситуации. Он ведь – не государственный деятель, получающий все необходимые данные от ведомств, дипломатов, разведки. Если ты обладаешь полнотой информации и полнотой власти, то итог компетентного анализа – твои реальные действия. Если же нет ни того, ни того, итог анализа – ряд вероятных вариантов.

Поэтому Ленин понимал, что события могут повернуться так, а могут – и этак...

В принципе, царь мог бы сохранить в 1917 году свою власть – если бы действовал умно. Буржуазные «верхи» тоже могли не только ухватить в 1917 году власть, но и удержать её – если бы они действовали умно!

1 марта 1920 года Ленин выступал на I Всероссийском съезде трудовых казаков и высказал тогда мысль настолько же точную, насколько и «не замеченную» всей сворой хрущёвско-брежневских докторов «исторических наук». Он сказал тогда, риторически обращаясь к эсерам и меньшевикам, в зале, естественно, отсутствовавшим:

– Нашёлся ли бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?⁹²

Это было сказано наповал, *в лоб!*

Причём то, что было сказано Лениным в адрес «социалистических» партий, было верно и по адресу вообще всего истеблишмента царской России во главе с царём Николаем.

В своём месте мы ещё к этому докладу вернёмся...

Если бы то ли царь *до* Февраля 1917 года, то ли буржуа вкупе с либеральными профессорами и соглашательской частью социал-демократов и эсеров *после* Февраля 1917 начали социальную реформу, то или Февраля бы не было, или широкие народные массы не поддержали бы Октябрь. И Ленин в 1920 году сказал об этом без обиняков – публично и гласно!

Возьмём современную Россию...

Не приходится сомневаться, что ельциноидный путинизм ведёт её к краху, и, рано или поздно, так или иначе, но к краху Россию приведёт. **Но даже путинизм может в России удержаться и удержать её от катастрофы, если действительно начнёт широкую социальную реформу в интересах народа.**

Другое дело, что подлинная социальная реформа в России невозможна без серьёзного ущемления нынешних нуворишек-собственников, то есть – без национализации (точнее – возврата в собственность нации того, что у неё украли), без прогрессивного налога, без монополии внешней торговли и т. д. и т. п.

На это путинизм не пойдёт, хотя тем и обрекает на гибель себя, а, возможно, и Россию.

⁹² Приведено по: Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 179.

Это мы ведь в России уже проходили – в 1917 году!

И Ленин тогда *нашу*, по сути, ситуацию разобрал в своей работе «Грозная катастрофа и как с ней бороться» – в своём месте читатель с ней познакомится.

Так что, если бы социальная реформа была обещана Временным правительством сразу после Февраля, а летом 1917 года была начата, если бы Россия к лету 1917 года вышла из войны – чего хотели *все* в России, *кроме кучки*, то Ленин, конечно, в Россию вернулся бы и играл бы в буржуазно-демократической Российской республике (или там – конституционной монархии) с сильной социальной политикой видную роль крупного лидера оппозиции.

Но – не более того!

А поскольку Ленин был блестящим политиком, то его партия в условиях находящейся в кризисе России завоёвывала бы на выборах всё больше голосов, Ленин мог бы быстро стать премьером при парламентском большинстве у большевиков, и социальные реформы приняли бы окончательно социалистический характер.

Вышло иначе, но – не потому, что к тому вёл Ленин. Россию к Октябрю 1917 года вели, прежде всего, глупость русского царизма и жадность русских буржуа.

Подводя итог, можно сказать, что политика царизма сделала неизбежным Февраль 1917 года, а политика буржуазных «верхов» после Февраля сделала не только возможным, но и неизбежным Октябрь 1917 года.

Подчеркну ещё раз – не политика Ленина (у него и большевиков для этого просто не было нужных сил), а политика привилегированных слоёв старой России привела к Февралю, а затем и к Октябрю!

В начале 1917 года Ленин не знал и не мог знать точно – решится ли Николай на сепаратный мир, решатся ли милликовы, гучковы и керенские на переворот. Он знал одно – события могут произойти и к ним надо быть готовым.

Ленин, не имея ни власти в армии – как заговорщики Алексеев, Брусилов и т. д, ни связей в верхах – как Гучков и Некрасов, не имея денег миллионеров Терещенко и Рябушинских, не мог подготовить и провести переворот. Но он мог созданную не им и не в интересах народа ситуацию использовать в интересах народа.

Вот в чём суть, а не в каких-то дурацких «германских миллионах», которые ищут-ищут, и никак найти не могут.

Что и говорить – сложно найти чёрного кота в тёмной комнате, особенно, если кота в ней нет...

Когда события разразились, главные лидеры большевиков были не в Петрограде, а в эмиграции или в ссылке – в отличие от лидеров эсеров и меньшевиков. Не в последнюю очередь поэтому образовавшийся Петроградский совет рабочих депутатов и оказался преимущественно эсеро-меньшевистским, и возглавил его меньшевик Чхеидзе.

И это, к слову, способно навести на обоснованные подозрения о внешней ангажированности как раз эсеров и меньшевиков. Их-то никто из страны не изгонял и в ссылки не загонял.

Как это понимать?

А так, что меньшевикам и эсерам антиникаевские внешние и внутренние заговорщики заранее отводили роль баранов-провокаторов, которые должны были направить взбудораженную массу на путь, нужный «верхам».

Ленин – пособник врагов России?!

Какая чушь!

А вот меньшевики Чхеидзе и Церетели, эсеры Чернов и Керенский – вне сомнений, пособники... Вопрос только, какая им была обещана плата – пачки банкнот, или кусочек власти?

Ленин же...

Да если бы Ленин планировал на 1917 год революцию, имея в своём распоряжении мифические «золотые» миллионы германского генштаба, то уж кого кого, а Сталина, Свердлова и Каменева он из сибирской ссылки – с такими-то деньжищами – вызволил бы своевременно, *до того*, как события разразились!

Нет, Февраль 1917 года был для Ленина и большевиков полностью неожиданным, и это понятно – не они его готовили. Февраль готовили – в этом сегодня сходятся как «левые», так и «правые» – либеральные политические и крупные промышленные круги России при помощи и поддержке союзников.

Другое дело, что Ленин гениально уловил всю перспективность неожиданно – для него – возникшей ситуации с позиций развития буржуазной революции в революцию социалистическую. Он сразу понял, что буржуазная парламентская республика для России – ещё толком не возникнув, это уже вчерашний день. А завтрашний день – рабоче-крестьянская Республика Советов.

С этим он в Россию и рвался.

С этим он в Россию и выехал – в апреле 1917 года.

Но – с этим ли?

Ленина ведь обвиняли и обвиняют в том, что он ехал в Россию, чтобы развалить её и на радость Берлину вывести из войны.

Ну, что ж, остановимся и на этом...

Глава 6. Кто развалил Россию – «Николай» Ленин или Николай Романов?

После того, как «сливки общества» старой России оказались в эмиграции, многие «бывшие» – благо, время было, начали строчить мемуары и воспоминания. И все дружно валили беды России на Ленина и большевиков. Мол, приехал Ленин, и всё развалил. Так что будет не лишним задаться вопросом – Ленин ли развалил Россию, или, всё же, кто-то другой?

Не подлежит сомнению, что Ленин приехал в Россию, *без него* совершившую революцию буржуазную, с твёрдым убеждением в необходимости доведения страны уже им, Лениным, до революции социалистической.

Но заявлять, что Ленин-де после приезда разваливал старую Россию, чтобы на её обломках выстроить Россию новую, значит просто не знать положения дел в тогдашней России.

Россия была развалена задолго до Ленина – самим царизмом.

В советской историографии о России в Первой мировой войне есть блестящая, даже неожиданная монография Владимира Яковлевича Лаверычева «Военный государственно-монополистический капитализм в России», изданная в 1988 году. Её можно цитировать и цитировать!

С одной стороны там документально показано, что российские капиталисты в ходе войны всё чётче понимали необходимость государственного регулирования экономики – в интересах предпринимателей конечно, но также – и в интересах эффективной мобилизации всех ресурсов России для успешного ведения войны.

С другой стороны, там документально показано как бессилие царя и его «правительства» решить эту проблему, так и неумение предпринимателей настоять на своём, поскольку их, понимавших необходимость объединения, разъединяла жадность – стремление к максимальной прибыли и потоплению конкурента.

Во время войны военные доходы российских частнособственнических монополистов были огромными, они достигали 50–70 и даже 100 % на основной капитал!⁹³

И, при всём при том, монополисты, срывавшие благодаря царизму огромные куши, не удержались от того, чтобы не пилить сук, на котором сидели. А царские власти видели это, но не препятствовали. По сути, царизм существовал сам по себе, а возникающие отраслевые буржуазные военно-промышленные комитеты (ВПК) – сами по себе.

Приведу из монографии В. Я. Лаверычева такой пример. 1 ноября 1916 года председатель угольной секции топливного отдела Центрального ВПК Л. Г. Рабинович в ходе дискуссии по проекту учреждения особого регулирующего органа – «Центроугля», заявил: «Имеющимися организациями происходящую разруху исправить нельзя. Синдикат добровольный учредить невозможно. Без правительственного надзора он допущен не будет».

16 ноября 1916 года обсуждение проекта продолжилось, и В. Я. Лаверычев сообщает:

«Доводы Рабиновича не убедили участников и этой встречи. Они с недоверием отнеслись к проектируемой... организации, опасаясь ограничения частной инициативы...»

Л. Г. Рабинович не успокоился и даже в конце 1916 года продолжал агитировать за принудительный синдикат...

Но эти усилия не дали результата»⁹⁴.

А вот что писал в печатном органе правого крыла партии эсеров – газете «Воля Народа», в номере от 7 сентября 1917 года известный русский экономист Николай Кондратьев:

⁹³ Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М.: Наука, 1988. С. 294.

⁹⁴ Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М.: Наука, 1988. С. 194–195.

«Острая, небывалая нужда ощущается населением в предметах первой необходимости. Нет и не хватает тканей, кожи, железа, керосина, мыла и других товаров. Особенно острую нужду ощущает деревня. Так или иначе, но город всё-таки относительно лучше снабжается перечисленными предметами. Деревня получает жалкие крохи или не получает ничего. Бьётся и носится хозяйственный инвентарь, рвётся одежда... А заменить их вновь нечем. И в деревне нарастает недовольство, злоба против города...»⁹⁵

Это написал до Октября 1917 года не большевик, а человек взглядов скорее либеральных! Даже не левый, а правый эсер, член Совета Российской Республики, товарищ министра по продовольствию во Временном правительстве!

Царизм и капитализм, судорожно хватаясь друг за друга, топили друг друга, а с ними тонула и старая Россия. И это было лишь логическим завершением застарелого, давно начавшегося, процесса. Сошлюсь на источник, который для поклонников царской России не может не быть авторитетным, – всё того же великого князя Александра Михайловича.

Он вспоминает, что уже в 1914 году в штабе Юго-западной армии его брат в. к. Николай Михайлович предрекал решительное поражение России «не позднее весны 1915 года». Далее Александр Михайлович пишет, что «наиболее боеспособные части... были целиком израсходованы в легкомысленном наступлении 1914–1915 гг., девизом которого было „Спасай союзников!“...»⁹⁶

Николай Стариков утверждает, что задачей-де Ленина был развал России на «союзнические» деньги. Однако с этой задачей успешно справлялась сама элита царской России, истощая мощь Отечества в обмен на «данайские» союзнические займы.

По свидетельству в. к. Александра Михайловича «официальные данные говорили, что противник выпускает сто шрапнельных снарядов на наш один», но «в действительности эта разница была ещё более велика: наши офицеры оценивали это соотношение в 300:1».

Александр Михайлович обвиняет генерала Алексеева в том, что тот «связал себя заговорами с врагами существовавшего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора (объединённый комитет буржуазных Земского союза и „Союза городов“. – С.К.), Красного Креста и военно-промышленных комитетов...»

Большевиков в этом перечне нет, зато великий князь забыл упомянуть союзные посольства, особенно английское.

Правда, далее Александр Михайлович утверждает, что к лету 1916 года на фронте, «теперь хорошо снабжённом всем необходимым», якобы возобладал «бодрый дух», и «армия мечтала о победе над врагом», уповая на «молниеносное наступление армий генерала Брусилова».

Но великий князь выдавал желаемое за действительное и противоречил сам себе. Откуда могла появиться в 1916 году мощная боеспособная армия, если наиболее боеспособные части были «целиком израсходованы в легкомысленном наступлении 1914–1915 гг.»? И могла ли *малахольная* царская Россия в один год ликвидировать *трёхсоткратное* превосходство немцев в обеспечении фронта снарядами? Или даже – стократное?

Зато Александр Михайлович не ошибается, заявляя: «Политиканы же мечтали о революции...»

Политиканы её – как «спецоперацию» верхов, и начали. Причём политиканы самой разной окраски – от масонско-«голубой» и аристократически голубой до «бледно-розовой». Лишь «красной» краски в планах заговорщиков не было, ибо красный – это цвет политиков, действующих в интересах большинства, а не прощелыг, политиканствующих во имя интересов меньшинства.

⁹⁵ Коидратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. 2-е изд. М.: Наука, 1991, С. 468.

⁹⁶ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. С. 251 и далее с. 253, 256–257.

Царь Николай был, конечно, не окончательно глуп, и попытался, пусть и запоздало, противодействовать заговору. Однако «резьба» власти, скреплявшей царскую Россию, к 1917 году полностью проржавела, и попытка царя «завинтить гайки» привела к тому, что Россию «сорвало с резьбы».

Без Ленина!

Напомню цитированную мной телеграмму от 26 февраля (старого стиля) 1917 года, направленную председателем Государственной думы Родзянко в адрес начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева:

«Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28 ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44 и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов... Правительственная власть полностью бездействует и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок...»

Так кем была развалена царская Россия?

И была ли она уже развалена до приезда Ленина, или нет?

Ответ очевиден: «Была, была Россия развалена – до Ленина и без Ленина!» Здесь постарались, конечно, и милюковы, и керенские, и гучковы с их ловкими присными, однако не забудем о царе Николае с его бездарными присными!

Двух мнений быть не может: Россию – до приезда Ленина и без Ленина, разваливал не только самодержец Николай, но и антиниколаевские заговорщики. И последние разваливали Россию со вполне определённой целью: без резкого падения жизненного уровня народа его не взбунтуешь, и царя не свалишь.

И об этой части работы по развалу России – о действиях Элиты, тоже забывать не стоит. Причём переворот Элита спланировала неглупо – собственно, иначе он не был бы успешным.

В период Февральской революции и позже играл определённую роль «бледно-розовый» Владимир Бенедиктович Станкевич (а точнее – Владас Станка), приват-доцент кафедры уголовного права Петербургского университета и лидер фракции трудовиков («эн-эсов» – «народных социалистов»), в 1917 году – комиссар Временного правительства.

Уже в эмиграции он вспоминал:

«...в конце января (1917 года. – С.К.) мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможностям народного наступления все относились определённо отрицательно, боясь, что, раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне левые русла и создаст чрезвычайные трудности в ведении войны»⁹⁷.

С другой стороны, без народа в перевороте обойтись не получалось, и это заговорщики – повыше Станкевича и положением, и умом – понимали.

Как развивались (а точнее – как были спланированы) события, приведшие Россию к Февралю Элиты?

А вот как...

В феврале 1917 года в Петрограде была введена карточная система распределения хлеба и других продуктов, и сразу – надо же! начались «хлебные беспорядки»⁹⁸.

Странно – распределение вроде бы *упорядочили*, и тут же – *беспорядки!*

На самом деле всё было в рамках железной логики – железной, и даже, скорее, *золотой*, для тех задумывал Февраль 1917 года как совместную спецоперацию верхов буржуазной Элиты Запада и буржуазно-элитарной России.

⁹⁷ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М.: Рос-сийск. гос. гуманитар. ун-т, 1994. С. 31.

⁹⁸ История Отечества: Энциклопедический словарь. М.: ЭКСМО; БРЭ, 2003. С. 582.

Не обострив *искусственно* ситуацию *для «низов», «верхи»* не могли бы начать антиниколаевский переворот. Вот ситуацию искусственно и обострили – благо дело, все козыри накануне Февраля были в руках Элиты.

Конечно, царская самодержавная Россия и без подталкивания объективно шла к краху. Однако энергичные меры согласованно действующих «верхов», клявшихся в «верности России», могли бы ситуацию стабилизировать. «Верхи» же «лодку» раскачивали! И это, как видим, признавал позднее даже великий князь Александр Михайлович.

Что и говорить, раскачивали Россию тогда многие, но – не Ленин из Цюриха или Женевы!

К сожалению, лишь по памяти привожу промелькнувший в 90-е годы в журнальной периодике **важнейший** факт. В феврале 1917 года практически одновременно по сети железных дорог России вышло из строя до тысячи паровозов! Якобы «по забывчивости» в морозы «забыли» слить воду из тонких трубок паро-охладительной системы, и они лопнули. В результате Сибирь и Юг России чуть ли не ломилась от сливочного масла и зерна, а подвезти в Петроград их было нечем, и в столице ввели карточки на хлеб.

Однако даже их не «отоваривали».

Многие тысячи трубок на сотнях паровозов лопнули в одночасье, похоже, не случайно – одним из руководителей царского Министерства путей сообщения был в то время видный кадет профессор Ломоносов, а министром – некто Кригер-Войновский...

Как и сам Юрий Владимирович Ломоносов, Эдуард Брониславович Кригер-Войновский лично для меня является фигурой не прояснённой. Родился в 1864 году на юге России, умер в 1933 году в Берлине. Окончил Петербургский технологический институт и Институт инженеров путей сообщения, затем работал на ряде железных дорог, с 1906 по 1909 год управлял эксплуатационным отделом в Министерстве путей сообщения – МПС. Был управляющим Ростово-Владикавказской железной дороги. И оказался последним царским министром путей сообщения.

Инженера Кригера-Войновского поминает в своих «Воспоминаниях» в числе участников «экономического съезда» в сентябре 1920 года генерал барон Врангель. На этом следы теряются – в «Интернете» попадаются скупые сообщения о том, что экс-министр от политики отошёл и занимался научной работой.

О нём пишут, что он якобы считался среди коллег одним из наиболее профессионально подготовленных для управления российскими железными дорогами специалистов. Может быть, не знаю...

Но знаю, что даже в условиях той министерской «чехарды», которой так увлекался в кризисное для России время царь Николай, «карьера» Войновского побила, пожалуй, все рекорды. Он стал «МПС» 27 декабря 1916 года, а уже 27 февраля 1917 года был снят.

В чём дело? Такой якобы специалист, и – в отставку?

Юрий Ломоносов (1876–1952) примерно 23 февраля 1917 года, вернувшись из инспекционной поездки, записал:

«..Пошёл к новому министру, Кригеру-Войновскому. Так же учтив, неопределён и холоден, как был в предшествующих должностях... Говорил, рассчитывая на годы и месяцы вперёд, но некоторая нотка неуверенности чувствовалась уже...»⁹⁹

Первым министром путей сообщения во Временном правительстве стал кадет Н. В. Некрасов, фигура ещё более тёмная, чем Ломоносов и Кригер. Позднее, в 30-е годы на следствии в НКВД (так вот оно вышло) Некрасов добровольно признавался в своём давнем масонстве. Ломоносов же, кокетничая, писал о нём: «Разве можно сравнить его с Кригером?»

⁹⁹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 220, 281.

Почему был сменён Кригер, и почему он был назначен? Почему «кадет, идеалист, – по оценке Ломоносова, – профессор статистики сооружений» Некрасов сменил Кригера – профессионала, и почему остался в МПС кадет Ломоносов?

И почему профессионалы в МПС допустили такой катастрофический развал железнодорожной сети за очень короткий период?

Ведь это всё проделал не Ленин!

Не усилиями Ленина рубль за два месяца, предшествующих Февралю, «упал в цене более, чем за всё предшествующее время войны», – как свидетельствует тот же профессор Ломоносов.

И не усилиями Ленина были созданы искусственные трудности с продовольственным снабжением обеих столиц.

Когда анализируют, даже добросовестно, Февральскую революцию, упускают из виду многие важные её аспекты – женский, например. А он оказался первостепенно важным!

Ведь точка удара была выбрана квалифицированно – обеспечение семей рабочих продовольствием лежало на женщинах, а разъярённая женщина – это не разбушевавшийся мужчина. Это – намного серьёзнее... Недаром Змий соблазнял в Эдеме не Адама, а Еву. Эмоции женщины (а, тем более – сообщества женщин) умело направленные в нужную сторону – великая сила. В одном случае – созидательная, в другом – всё сметающая.

По свидетельству профессора Ломоносова накануне Февраля в очереди за хлебом приходилось стоять 3–4 часа, за молоком – 5–6 часов.

Каждый день!

А выстаивали-то очереди женщины.

Каждый день...

Разъярённые женщины были нужны тем, кто планировал Февраль в виде спецоперации интернациональной Элиты, как фактор разрушения. И заговорщики, *спланировав* «хлебные беспорядки», своего добились – женщины вышли на улицу.

Не могу утверждать точно – такие вещи вообще не доказываются документально, но могу предположить, что дата начала февральской спецоперации Элиты против самодержавия была определена за семь лет до этого Кларой Цеткин, хотя она об этом и не подозревала.

В 1910 году на 2-й Международной конференции женщин-социалисток в Копенгагене именно Клара Цеткин предложила считать день 8 марта (по старому русскому стилю – 23 февраля) Международным женским днём солидарности работниц.

Отмечали этот день в Европе, отмечали и в России. И элитарным организаторам антиникаевского переворота заранее было ясно, что того или иного организованного выступления питерских пролетарок 23 февраля 1817 года не миновать.

А отсюда вытекал вполне реальный и разумный для заговорщиков план... Надо искусственно создать в столице продовольственный кризис накануне Женского дня, накалить женщин так, чтобы их реакция в Женский день была предельно острой, и сделать активность женщин катализатором дестабилизации в Питере. А на волне волнений можно совершить переворот и вынудить царя отречься.

Агенты Элиты не подстрекали женщин, они *заранее* знали, что в связи с ухудшением положения столичных рабочих выступление женщин *обязательно* будет, и будет в *заранее точно известный* день. И заранее было понятно, что организацию демонстрации протеста против голода, войны и царизма, возглавят пусть и немногочисленные, но питерские большевики. А это гарантировало боевой настрой масс.

Так или не так планировала Элита, но события разворачивались именно так...

14 февраля 1917 года после каникул открывалась Государственная Дума.

18 февраля началась забастовка на Путиловском заводе, и к 22 февраля её поддержало большинство остальных крупнейших предприятий. В этот день хозяева объявляют локаут, что лишь накаляет страсти.

23 февраля 1917 года в Международный день женщин-пролетарок в Петрограде прошли массовые демонстрации. И именно они обеспечили сильную электризацию столичных масс.

В каждой шутке есть доля шутки, и можно сказать, что если бы не Клара Цеткин с её днём 8 марта, то, может быть, Ленин так и оставался бы в Швейцарии эмигрантом, а царь Николай – не троне.

Переходя же от шуток к хронологии, напомним, что 25 февраля 1917 года началась всеобщая забастовка в Петрограде, и в этот же день Николай издал «высочайший указ» о роспуске IV Государственной думы.

Дума царю не подчинилась.

Царь приказывает подавить волнения вооружённой силой, войска кое-где начинают стрелять в демонстрирующий народ, но в один день всё меняется – уже 26 февраля столичные полки стреляют в отряды конных городовых.

Начинается...

А что, к слову, начинается?

Вот то-то и оно, что спланированный Элитой как спецоперация переворот начинается на фоне почти спонтанного народного восстания. Царская Россия находилась в состоянии неустойчивого равновесия. Элита её качнула вроде бы туда, куда надо *ей*, а царизм рухнул ни вправо, ни влево, а где-то посередине – в зону двоевластия: и элитарного «Временного» правительствa, и Совета рабочих депутатов, пусть пока и меньшевистского.

Качнула же царскую Россию к окончательному краху Элита.

Здесь было бы к месту *полностью* привести разделы 4-й «Поражение царских войск на фронте. Хозяйственная разруха. Кризис царизма» и раздел 5-й «Февральская революция...» из главы VI-й «Краткого курса ВКП(б)», где дан внятный анализ тех дней. Однако приведу лишь небольшое извлечение оттуда:

«... русская буржуазия решила провести дворцовый переворот с тем, чтобы сместить царя Николая II и вместо него поставить царём связанного с буржуазией Михаила Романова. Этим она хотела убить двух зайцев: ...пробраться к власти и обеспечить дальнейшее ведение империалистической войны, и предупредить небольшим дворцовым переворотом наступление большой народной революции...»

Царизм явно переживал смертельный кризис.

Буржуазия думала разрешить кризис путём дворцового переворота.

Но народ разрешил его по своему... «...Рабочие массы пошли за большевиками»¹⁰⁰.

Сталинский «Краткий курс» был политическим учебником, а не научной монографией, учебник же всегда схематизирует события. В первый период революции рабочие массы пошли не за большевиками – в первые дни Февраля роль большевиков даже в Петрограде была далеко не ведущей, что доказывает и эсеро-меньшевистский характер первого Петросовета. Но, как видим, Сталин не приписывал заслугу *начала* революции большевикам, а честно признавал, что «кашу» вначале «заварила» буржуазия...

Тем не менее уже в первые недели революции всё пошло не по планам Элиты, а уж после приезда в Россию Ленина – и тем более. И мы подходим теперь к теме знаменитого «пломбированного» вагона, в котором Ленин проехал из Швейцарии в Швецию транзитом через Германию.

¹⁰⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Репринт. М.: Писатель, 1997. С. 167–168.

История с проездом Ленина обросла такими сплетнями и вымыслами, что и этот момент в политической биографии Ленина мы проследим по наиболее достоверным документам, то есть – по ленинской переписке тех дней и публичным статьям Ленина того периода...

Глава 7. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?»

Уж даже не знаю, какими буквами надо написать, и как их выделить, чтобы стало ясным: **Ленин весной 1917 года выехал в Россию через Германию не потому, что ему надо было получить последние инструкции от германского генштаба, и ехал он не на «германские миллионы»...** Всё это устанавливается с полной достоверностью при изучении давно опубликованной ленинской переписки.

Письма того периода Ленин писал не для того, чтобы оправдаться перед современниками или потомками, а в силу житейской и деловой необходимости. И уже цитированное ранее письмо Ленина Инессе Арманд от 6 января 1917 года само по себе доказывает, что никаких «миллионов» в распоряжении Ленина не было! Он прямо там написал (смотри Полное собрание сочинений, том 49-й, страница 353-я), что **«жертвователя денег у нас нет».**

Нет!!!

В письме от 14 января 1917 года – в большом деловом письме той же Арманд, Ленин делится с ней планами сотрудничества с издаваемой в Нью-Йорке левой газетой «Новый Мир», *«где, говорят, платят по 5 долларов за статью», и прибавляет: «что было бы для меня крайне кстати...»*¹⁰¹

Итак, для якобы купающегося в золотых марках Ленина и пять долларов в январе 1917 года – хлеб! По нынешним ценам – не более сотни-другой «баксов»!

Каково?

20 января 1917 года очередное деловое письмо Арманд он заканчивает: *«Ускорьте поездку в La Chaix-de-Fonds на несколько дней, возьмите точнейшие сметы из типографии... и пишите мне скорее. Сколько денег можете достать и в какие сроки: 50 frs? 100 или 200?»*¹⁰²

50 франков – это чуть больше 30 рублей...

200 франков – соответственно чуть больше сотни.

Вот какими денежными суммами оперировал Ленин в начале 1917 года...

Письма, ленинские письма – вот источник точных фактов о тех днях!

Чуть позже мы рассмотрим – **по письмам!** – и всю коллизию с переездом, весь период от первых известий о Феврале, дошедших до Цюриха, до отъезда Ленина... Но, вообще-то, начать рассказ о переезде Ленина из Швейцарии в Россию надо бы, пожалуй, издалека – с 1915 года.

Жить в царской самодержавной России Ленин – глава партии большевиков, не мог даже в мирное время, это понятно. Поэтому он жил в Европе – как политический эмигрант.

Увы, с началом Первой мировой войны и относительно «политкорректная» Европа оказалась для Владимира Ильича далеко не везде гостеприимной. Уже в первые дни войны его арестовали в австрийском Поронине как «русского шпиона», после чего пришлось срочно уехать в Швейцарию.

Нейтральная Швейцария была хороша всем, одно плохо – она находилась далеко от России, и со всех сторон её окружали государства, в которых не то что жить, но даже временно появляться Ленину не рекомендовалось.

В частности, имевшие прямое и устойчивое сообщение с Россией Франция и Англия были для политэмигранта Ульянова – известного в Европе противника войны, заказаны. И там, и там его запросто могли интернировать, а говоря проще – посадить за решётку, в тюрьму.

¹⁰¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 364.

¹⁰² Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 372.

Война затягивалась, в России массы были недовольны, начиналось пока ещё глухое брожение... И Ленину не мешало бы перебраться куда-то поближе к России, но – в место, с точки зрения возможного ареста, безопасное, а для работы достаточно удобное. Выбор был невелик – или нейтральная Швеция, или нейтральная Норвегия, причём Швеция была, конечно, из соображений дела, предпочтительнее.

В Швецию и предполагалось при возможности переместиться, хотя это было непросто с любой точки зрения, начиная с того, что в Швейцарии находился основной состав Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) во главе с Лениным, и работа была налажена. Тем не менее, планы переезда прорабатывались, и Ленин находился по этому поводу в переписке с А. Г. Шляпниковым.

Александр Шляпников (1885–1937) стал членом большевистской партии в 1901 году, то есть – ещё до того, как большевики стали так называться. В годы войны Шляпников был связным между Русским и Заграничным бюро ЦК РСДРП(б), затем активно участвовал в Февральской революции как член Петросовета и председатель Петроградского союза металлистов, готовил Октябрь, вошёл в первый состав Совета Народных Комиссаров как министр труда... Был членом Реввоенсовета Южного фронта, занимался работой в профсоюзах, позднее организовал так называемую «рабочую оппозицию» и попортил немало крови вначале Ленину, а затем и Сталину. В 1933 году Шляпникова исключили из ВКП(б) и в 1937 году расстреляли.

Увы, бывало и так: опытный партийный дореволюционный и революционный «техник» Шляпников так и не сумел освоить профессию государственного деятеля-созидателя.

В 1915 же году Шляпников (партийная кличка «Беленин») жил в Швеции, наезжал в Норвегию, а нелегально – по партийным делам, и в Россию.

Малоизвестный и любопытный факт! Во время поездки в Норвегию в целях налаживания нелегального транспорта большевистской литературы в Россию, Шляпников обнаружил в порту Вардё на крайнем севере Норвегии целый склад застрявших там с 1907 года комплектов газет «Вперёд», «Пролетарий» и брошюр.

Ленин был этим очень доволен, и 19 сентября 1915 года писал Шляпникову в Стокгольм, прося прислать часть литературы в Швейцарию, а остальное переправить в Россию, «раз будет вообще возможность транспорта»¹⁰³.

Тогда же Ленин посетовал на крайне плохую связь с Россией и на то, что «из России имеем невероятно мало вестей». «Просто обида, – писал Ленин, – что такое сравнительно простое дело, как конспиративная переписка с Россией (вполне возможная и в военное время), оказывается из рук вон плохо налаженным»¹⁰⁴.

Из нейтральной Швеции, имевшей через Финляндию прямую почтовую связь с Россией, организовать конспиративную переписку было и впрямь несложно. Из нейтральной Швейцарии, откуда письма шли в Россию через Францию, это было сделать намного труднее. Достаточно вспомнить, что французская военная цензура изъяла рукопись ленинского труда «Империализм как высшая стадия капитализма».

Соблазнительным был и план не только усилить связь с Россией через Скандинавию, а вообще перебраться в Швецию. 26 сентября 1915 года Ленин написал Шляпникову в Стокгольм:

«Насчёт поездки в Вашу страну дело у нас затягивается, во 1-х, недостатком финансов (и доруга дорогб, и жизнь там), во 2-х, полицейской сомнительностью. Будем ждать, пожалуйста, возвращения Беленина и его вестей с родины»¹⁰⁵.

¹⁰³ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 148.

¹⁰⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 149.

¹⁰⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 156.

Как опытный конспиратор, Ленин в письме к Шляпникову-«Беленину» пишет Шляпникову о «Беленине» (то есть – о самом Шляпникове) в третьем лице, как о другом человеке. Здесь всё понятно – факт поездок Шляпникова в Россию надо было обязательно конспирировать, что Ленин и делал.

Переезд в Швецию (или в Норвегию) не осуществился. С позиций возможной будущей революции известия из России в 1916 году не были настолько обнадеживающими, чтобы рисковать всем, наработанным, имеющимся в Швейцарии, и срываться с места в неизвестность. Лишь резкое обострение ситуации, лишь политический «форс-мажор» в России оправдывали бы переезд, и такое произошло в Феврале 1917 года.

И как произошло!

Были превзойдены самые смелые предположения!!

Ещё в январе 1917 года Ленин больше был занят борьбой с международным оппортунизмом во II Интернационале и в среде швейцарских социалистов, чем непосредственно «российскими» делами. В его письмах 1915–1917 года раз за разом недобрый словом поминается Роберт Гримм – швейцарский социалист-центрист, секретарь Социал-демократической партии Швейцарии, член швейцарского парламента и один из организаторов центристского II^{1/2} Интернационала (был и такой).

Как уже было сказано ранее, разоблачению Гримма Ленин тогда уделял внимания чуть ли не больше, чем разоблачению царизма! В именном указателе к туму ленинских писем за август 1914 года – октябрь 1917 года (туму № 49) по количеству страниц, где Гримм упоминается, он уступает только крупнейшим партийным работникам Арманд, Бухарину, Зиновьеву, Коллонтай, Шляпникову и заведующему архивом партии Карпинскому. Что же до иностранцев, то тут отрыв Гримма от остальных более чем внушителен – чаще него Ленин упоминает в письмах лишь Радека.

Ещё 13 марта 1917 года Ленин адресует Арманд вполне рутинное, рядовое деловое письмо («*левые в Швейцарии разбежались...*», «*С Юрием и К⁰ кончены переговоры об издании части брошюрок...*», и т. д.) и заканчивает его так: «*Из России нет ничего, даже писем!! Налаживаем через Скандинавию...*»¹⁰⁶

А уже 15 марта 1917 года...

А уже 15 марта 1917 года...

А уже 15 марта 1917 года Ленин пишет из Цюриха в Кларан Арманд:

«Дорогой друг!

...Мы сегодня в Цюрихе в ажитации: от 15.П есть телеграмма в „Zürcher Post“ и в „Neue Zürcher Zeitung“, что в России 14.Ш *победила* революция в Питере после 3-дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры *все арестованы*.

Коли не врут немцы, так правда.

Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно.

Я *вне* себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!

Лучшие приветы!

Ваш Ленин».¹⁰⁷

Вот как Ленин узнал о революции в России, пока ещё – по испорченным телефонам, через прессу, не имея точной информации. И эти известия сразу же взвинтили Ленина, да и могло ли быть иначе!?

¹⁰⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 398.

¹⁰⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 398.

Столько лет напряжённой работы в отрыве от Родины, напряжение военных лет, когда он понимал, что царизм ведёт страну к взрыву, и вот, похоже – взрыв произошёл, а его отделяют от России границы и линии фронтов!

Последняя фраза письма: «*Я вне себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!*», по скрытому накалу страстей просто-таки достойна Шекспира.

Конечно, в те дни Ленин написал не одно письмо, касающееся ошеломляющей новости, но в Полном Собрании Сочинений опубликованы лишь те немногие, которые сохранились. Впрочем, и их достаточно для того, чтобы понять, насколько «основательны» в кавычках все антиленинские обвинения!

16 марта 1917 года Владимир Ильич пишет уже Александре Коллонтай в Христианию (Осло):

«Дорогая А. М.! Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(14).III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По „старому“ европейскому шаблону...

Ну что ж! Этот „первый этап первой (из порождаемой войной) революции“ не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистической бойни, руководимой Шингарёвым + Керенским и К⁰.

Все наши лозунги те же. В последнем № „Социал-Демократа“ мы говорили прямо о возможности правительства „Милюкова с Гучковым, если не Милюкова с Керенским“. Оказалось и – и: все трое вместе. Премило! Посмотрим, как-то партия народной свободы... даст народу свободу, хлеб, мир... Посмотрим!)»¹⁰⁸

Говоря о своём прогнозе по составу правительства, Ленин имел в виду опубликованную 31 января 1917 года в № 58 газеты «Социал-Демократ» свою статью «Поворот в мировой политике», которую я уже упоминал ранее и о которой скажу подробнее позже. Там Ленин писал, что Николаю грозит перспектива «иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского».

И, продолжая письмо к Коллонтай, Ленин сразу же намечал линию большевиков в революции:

«Главное теперь – печать, организация рабочих в *революционную* с.-д. партию... А г. Чхеидзе хоть и говорил архилевые речи *во время* революции или накануне её..., но конечно, *ни капли* доверия не заслуживает...

...Республиканская пропаганда, борьба против империализма, по-прежнему революционная пропаганда, агитация и борьба с целью международной пролетарской революции и завоевания власти „Советами рабочих депутатов“ (а не кадетскими жуликами).

...После „great rebellion“ 1905 – „glorious revolution“ 1917! („После „великого мятежа“ 1905 – „славная революция“ 1917!“)...»¹⁰⁹

Пусть читателя не сбивает с толку то, что Ленин уже Февраль назвал «славной революцией», да ещё и по-английски...

«Glorious revolution» – «славная революция», так в Англии называли государственный переворот 1688-89 годов, когда господствующие классы, недовольные самодержавной политикой короля Якова II, ущемлявшей интересы буржуазии и грозившей народным возмущением, свергли короля и передали королевскую власть зятю Якова – штатгальтеру Голландии Вильгельму Оранскому.

¹⁰⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 399–400.

¹⁰⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 400.

Аналогия с Февралём напрашивалась сама собой, что Ленин и отметил.

17 марта 1917 года Ленин пишет Коллонтай новое обширное письмо, начинающееся не без раздражения:

«Дорогая А. М.! Сейчас получили Вашу телеграмму, формулированную так, что почти звучит иронией (извольте-ка думать о „директивах“ отсюда, когда известия архискудны, а в Питере, вероятно, есть не только фактически руководящие товарищи нашей партии, но и формально уполномоченные представители Центрального Комитета!»)

Только сию минуту прочёл телеграмму Петербургского (оторванный от России, Ленин называет Петроград по привычке Петербургом. – С.К.) телеграфного агентства от 17 с программой нового правительства и с известием о сообщении *Wopar Low*, что царь ещё не отрёкся и что он неизвестно где...»¹¹⁰

Как видим, Коллонтай запрашивала у Ленина «директивы», однако попытки Коллонтай получить от Ленина, застрявшего в Швейцарии, вдали от центра событий, какие-то «руководящие указания», действительно выглядели чуть ли не издёвкой, о чём милейшая Александра Михайловна в «ажитации» просто не подумала.

Владимир Ильич 17 марта даже не знал, что Николай отрёкся ещё два дня назад в пользу Михаила, а день назад отрёкся и Михаил...

Увы, в преддверии Февраля 1917 года связь Ленина с Россией была настолько скудной и неоперативной (это – при якобы миллионах в кармане!), что он даже не знал точно, кто там есть в Питере из «фактически руководящих товарищей». Это вполне показательно – события Февраля стали для Ленина неожиданными.

Каменев и Сталин тогда ещё были в Сибири, в столице «на хозяйстве» находился Молотов. Он вошёл в состав Исполнительного комитета Петросовета, однако не в его силах было овладеть ситуацией.

Всё же, в письме Коллонтай от 17 марта Ленин сообщает:

Мы начали выработку тезисов...

...По-моему, главное теперь – не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или ещё опаснее, колеблющимися, вроде ОК [Организационный Комитет меньшевиков. – С.К.], Троцкого и К⁰) и продолжать работу *своей* партии...

Сейчас на очереди – уширение работы, организация масс, пробуждение новых слоёв, отсталых, сельских, прислуги, ячейки в войске для систематической, обстоятельной *Entlarvung* (разоблачения. – С.К.) нового правительства и подготовки завоевания власти *Советами рабочих депутатов*. Только такая власть *может* дать хлеб, мир и свободу...¹¹¹

Из письма видно, что хотя события в тактическом плане были для Ленина неожиданными, в стратегическом отношении они его врасплох не застали – стратегия была определена давно.

Тем не менее, Ленин тут же прибавляет: «Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся»...

На следующий день, 18 марта 1917 года он посылает Арманд в Кларан открытку, текст которой привожу полностью:

«Дорогой друг! Пишу в дороге: ездил на реферат. Вчера (субботу) прочёл об амнистии. Мечтаем все о поездке. Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать.

Жму руку.

Ваш В. У.»¹¹²

¹¹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 401.

¹¹¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 401–402.

¹¹² Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 403.

Итак, Временное правительство в своей декларации с изложением политической программы среди прочего объявило о полной и немедленной амнистии по политическим и религиозным делам. Теперь Ленин и остальные эмигранты – более официально не политические преступники. Формальных препятствий к возвращению в Россию вроде бы нет. Остаются, так сказать, «технические» препятствия...

Но в них-то и заковыка!

Вместо обычного «Ваш Ленин» открытка подписана конспиративно – «Ваш В. У.», что и понятно – открытка есть открытка. Но из неё следует, что Ленин рассчитывал на немедленный выезд Арманд в Россию через Англию.

И – не только Арманд... Как видим, Ленин на первых порах прикидывал вариант и собственного проезда в Россию через Англию, и давал поручение на сей счёт опытному конспиратору Арманд – если она поедет этим путём...

Кое-что дополнительно выясняется из письма Ленина партийному «технику» Карпинскому, посланного из Цюриха в Женеву 19 марта 1917 года. По причине несомненной важности каждого абзаца, и это письмо привожу полностью:

«Дорогой Вяч. Ал.!

Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет – следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом (авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочёл письмо.

Возьмите на своё имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду *по ним* через Англию (*и Голландию*) в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята *с меня* уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике.

Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисурьёзно в горах, где за пансион *мы за Вас заплатим, разумеется*.

Если согласны, начните *немедленно подготовку* самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае.

Ваш Ленин.

Обдумайте все практические шаги *в связи с этим* и пишите подробно. Пишу Вам, ибо уверен, что между нами всё останется в секрете *абсолютном*»¹¹³.

То, что такие деликатные вопросы приходилось доверять почтовому письму, лишний раз обнаруживает стеснённость Ленина в средствах – купить марку для письма было, конечно же, дешевле, чем билет от Цюриха до Женевы и обратно. Но Ленин ничем особо не рисковал – в нейтральной Швейцарии цензуры не было, и письма не перлюстрировали.

Интересно – знакомы ли клеветники на Ленина с этим и другими приводимыми здесь письмами? Они ведь легкодоступны, и они полностью освещают историю с переездом Ленина так, как она разворачивалась реально, а не в подлых или свёрнутых набекрень мозгах клеветников...

План с гримированием и проездом по подложному паспорту был настолько чреват всем чем угодно, что от него в итоге отказались, и отказ был, конечно, единственно взвешенным решением.

¹¹³ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 403–404.

Забегая далеко вперёд, скажу, что сюжет с париком будет-таки реализован Лениным, но – уже в совершенно иной, ещё более острой для него, ситуации. Письмо же Карпинскому показывает, как отчаянно рвался Ленин на Родину, готовый даже на авантюры.

А что делать?

Уезжать-то было надо!

У Арманд слабое здоровье, путь через Англию морем ей не с руки, и Ленин просит опробовать английский маршрут Валентину Сафарову, жену большевика-эмигранта Георгия Сафарова, сообщая Арманд 19 марта: «*Попытаюсь уговорить Валию поехать (она в субботу приехала к нам после того, как год не была!). Но она революцией мало интересуется*»¹¹⁴.

Надо заметить, что в письме Арманд от 19 марта Ленин обнаруживает всё большее нетерпение:

«...Не могу скрыть от Вас, что разочарован и сильно. По-моему, у всякого должна быть теперь одна мысль: скакать. А люди чего-то „ждут“!!

Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем, ибо именно Англия не только конфисковала ряд моих писем в Америку, но и спрашивала (её полиция) папашу (крупный большевик М. М. „Литвинов“-Валлах, будущий нарком иностранных дел СССР, тогда живший в Лондоне. – С.К.) в 1915 г., переписывается ли он со мной и не сносятся ли через меня с немецкими социалистами.

Факт! Поэтому я не могу двигаться лично без весьма „особых“ мер.

А другие? Я был уверен, что Вы поскачете тотчас в Англию, ибо лишь там можно узнать, как проехать и велик ли риск (говорят, через Голландию: Лондон – Голландия – Скандинавия риск мал) и т. д.

Вчера писал Вам открытку с дороги (выше она приведена. – С.К.), думая, что Вы несомненно уже думаете и решили ехать в Берн к консулу. А Вы отвечаете: колеблюсь, подумаю.

Конечно, нервы у меня взвинчены сугубо. Да ещё бы! Терпеть, сидеть здесь...»¹¹⁵

И политически, и психологически здесь всё ясно и объяснимо. Ехать через Англию с политической точки зрения наиболее выигрышно – тут связи с немцами не приплетут. Но получить место не на пароходе в Голландию, Норвегию или Данию, а в лондонской тюрьме – не вариант. А это для Ленина вполне не исключено – англичане устранили от власти Николая Романова во имя продолжения участия России в войне не для того, чтобы позволить «Николаю» Ленину по приезду в Петроград агитировать за выход России из войны...

Рисковать же интернированием Ленину нельзя никак – он нужен России и в России. Так что же, всё-таки, делать? Он готов сорваться и «поскакать», но где взять «коня»?

Тогда же, 19 марта 1917 года он пишет в письме Арманд:

«Да, чуть не забыл. Вот что можно и должно сделать тотчас в Кларане: приняться искать паспорта (б) у русских, кои согласились бы дать свой (не говоря, что для меня); (в) у швейцарок или швейцарцев, кои могли бы дать русскому.

Анну Евг. (А. Е. Константинович, сестра мужа И. Арманд. – С.К.) и Абрама (А. А. Скочно. – С.К.) надо заставить *тотчас* иди в посольство, брать пропуск (если не дадут, жаловаться *телеграфно* Милюкову и Керенскому), и ехать или, если не ехать, дать нам ответ на основании *дела* (а не слов), как делают и берут пропуск...»¹¹⁶

Увы, вариант официального проезда при помощи российского посольства – это, конечно, отчаяния. Очень нужен Владимир Ульянов в Петрограде Милюкову с Керенским! Они кому

¹¹⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 405.

¹¹⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 404–405.

¹¹⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 405.

угодно даже приплатили бы, только бы Ленина задержать вдали от России подольше, и мы это ещё увидим! Собственно, в российском посольстве даже Константинович и Сковно пропуска не дали!

Наконец, последнее место из ленинского письма Арманд от 19 марта – его окончание, содержит ещё один план, возникший в голове изнервничавшегося Ленина:

«В Кларане (и около) есть много русских богатых и небогатых русских социал-патриотов и т. п. (Трояновский, Рубакин и проч.), которые должны бы попросить у немцев пропуска – вагон до Копенгагена для разных революционеров.

Почему бы нет?

Я не могу этого сделать. Я „пораженец“.

А Трояновский, Рубакин + К⁰ *могут*.

О, если бы я мог научить эту сволочь и дурней быть умными!..

Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона? Давайте пари держать, что *дадут!*

Конечно, если узнают, что сия мысль *от меня* или *от Вас* исходит, то дело будет испорчено...

Нет ли в Женеве дураков для этой цели?...»¹¹⁷

Так впервые появляется в переписке Ленина «немецкий» вариант проезда. Причём Ленин мыслит трезво: если в контакт и переговоры с германскими властями о проезде через Германию группы революционеров вступит «пораженец» Ленин, то его тут же обвинят в связях с врагом, но если этим займутся русские социал-патриоты, то – дело иное...

Александр Трояновский (1882–1955) – впоследствии крупный сталинский дипломат, был в 10-е годы колеблющимся в сторону «оборончества» то ли большевиком, то ли меньшевиком. С 1917 по 1921 годы он был меньшевиком официально, лишь в 1923 года вернувшись в ВКП(б).

Николай же Рубакин (1862–1946) был известным русским библиографом. В 1907 году он эмигрировал в Швейцарию и там же скончался. На второй том его работы «Среди книг» Ленин написал рецензию. Позднее Рубакин был лоялен к Советской власти, завещал СССР собрание редких книг в 80 тысяч томов, хранящееся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Увы, ни Трояновский, ни Рубакин помочь не пожелали. Трояновский полностью скатывался на меньшевистские позиции (собственно, подлинным большевиком он никогда и не был, что видно и по его сыну-ренегату), а что уж говорить о Рубакине – добропорядочном либеральном интеллигенте!?

Однако тут возникла другая возможность!

19 марта 1917 года на совещании российских партийных центров в Берне меньшевик Юлий Мартов – «оборонец», выдвинул план проезда эмигрантов через Германию в обмен на ряд интернированных в России немецких и австрийских военнопленных. Сообщившему об этом Карпинскому, Ленин ответил так (привожу короткое письмо полностью):

«План Мартова хорош, за него *надо* хлопотать, только *мы* (и Вы) не можем делать этого прямо. Нас заподозрят. Надо, чтобы кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п.) с просьбой *поговорить* об этом с послом германского правительства в Берне. Мы ни прямо, ни косвенно участвовать не можем; наше участие *испортит* всё. Но план, сам по себе, *очень* хорош и *очень* верен»¹¹⁸.

¹¹⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 405–406.

¹¹⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 406.

Ленин, как видим, предлагал действовать по «германскому» варианту отнюдь не скрытно, а вполне гласно, лишь резонно отдавая формальную инициативу «нейтралам». При этом Ленин вполне отдавал себе отчёт в том, что связываться с «немецким» вариантом для него – «пораженца», политически опасно.

Поэтому он тогда же отработывал, но – уже без особого прикрытия (что и понятно!) также «английский» вариант. Мы это ещё увидим! И увидим, опять-таки, не из чьих-то мемуаров и прочего подобного, а прямо из ленинских писем начала 1917 года.

Да вот, такой вот получается у нас абсолютно документальный «роман в письмах»... Что-то вроде ленинского варианта знаменитых «Опасных связей» Шодерло де Лакло.

Но что делать – документы есть документы! Так что я, с позволения читателя, продолжу «эпистолярный роман», по прежнему опираясь в повествовании на ленинскую переписку.

Глава 8. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?» (Продолжение)

Прошла всего неделя с того дня, как до Цюриха дошли первые газетные вести о революции в России, а Ленин не находит себе места от нетерпения «доскакать» до Петрограда. План сменяется планом, к поискам выхода подключается Яков Ганецкий-Фюрстенберг (1879–1937).

Ганецкий начинал как польский социал-демократ, один из основателей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). На V съезде РСДРП он был избран членом ЦК, сблизился с большевиками, в 1917 году стал членом Заграничного бюро ЦК РСДРП(б). Находясь в Скандинавии (то в Христиании-Осло, то в Стокгольме), Ганецкий являлся «передаточным звеном» между большевиками в Швейцарии и в России, пересылая в оба конца письма и прессу, а в Питер – после Февраля – ещё и рукописи ленинских статей в возобновлённую «Правду».

Фальсификаторы аттестуют Ганецкого как якобы посредника между Лениным и «германским генштабом», «забывая», что Ганецкий, действительно быв одним из тех, кто занимался «германским» вариантом вполне открыто, прорабатывал **по поручению Ленина и «английский» вариант**, о чём чуть позднее будет сказано.

23 марта 1917 года Ленин отправляет Ганецкому в Христианию телеграмму:

«...Дядя желает получить подробные сведения. Официальный путь для отдельных лиц неприемлем. Пишите срочно Варшавскому. Клузвэг, 8»¹¹⁹.

«Дядя» – это сам Ленин, а «Варшавский» – польский политэмигрант М. Г. Бронский. В тот же день Ленин пишет также Арманд, и в этом послании есть, в частности, существенные для нас строки:

«...Вале сказали, что через Англию вообще нельзя (в английском посольстве).

Вот если *ни* Англия, *ни* Германия *ни за что* не пустят!!!. А ведь это возможно»¹²⁰.

Это надо понимать так, что Валентина Сергеевна Сафарова (урождённая Мартошкина), о которой Ленин писал Арманд 19 марта, выполнила-таки просьбу Ильича и почву в английском посольстве прозондировала (применительно, естественно, к себе, а не к Ленину). Но, как видим, безуспешно.

Через пару недель Валентина Сафарова вместе с мужем, будущим троцкистом Георгием Сафаровым, выедет в Россию вместе с Лениным, Крупской, Арманд, с поминаемыми Лениным в письме от 19 марта Анной Константинович, Абрамом Скворно и другими – в том самом пресловутом «пломбированном» вагоне.

А пока всё ещё висит в воздухе, и не ясно, в каком точно – в туманном лондонском, или в весеннем берлинском?

На параллельный зондаж – в Лондоне и Берлине, уходит несколько дней, и Ленин на время возвращается к текущим делам, в частности, работает над «Письмами из далека» и отправляет их в «Правду».

Наконец, 28 марта от Ганецкого из Стокгольма приходят первые известия, и они не очень утешительны. В ответ Ленин отправляет Ганецкому следующую телеграмму (заметим, вполне открыто!):

¹¹⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 408.

¹²⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 409.

«Берлинское разрешение для меня неприемлемо. Или швейцарское правительство получит вагон до Копенгагена или русское договорится об обмене всех эмигрантов на интернированных немцев»¹²¹.

Однако «временный» министр иностранных дел Милюков заинтересован в приезде Ленина не более чем лондонский Форин-офис.

Тем не менее, Ленин предпринимает новую попытку, и в последних числах марта направляет Ганецкому целый меморандум, который придётся привести тоже полностью – ни одного слова в нём нельзя выбросить без утраты полноты смысла:

«Прошу сообщить мне по возможности подробно, во 1-х, согласно ли английское правительство пропустить в Россию меня и ряд членов нашей партии, РСДРП (Центральный Комитет), на следующих условиях: (а) Швейцарский социалист Фриц Платтен получает от английского правительства право провезти через Англию любое число лиц, независимо от их политического направления и от их взглядов на войну и мир; (б) Платтен один отвечает как за состав провозимых групп, так и за порядок, получая запираемый им, Platten`ом, вагон для проезда по Англии. В этот вагон никто не может входить без согласия Платтена. Вагон этот пользуется правом экстерриториальности; (в) из гавани в Англии Платтен везёт группу парходом любой нейтральной страны, получая право известить все страны о времени отхода этого специального парохода; (г) за проезд по железной дороге Платтен платит по тарифу, по числу занятых мест; (д) английское правительство обязуется не препятствовать нанятию и отплытию специального парохода русских политических эмигрантов и не задерживать парохода в Англии, дав возможность проехать быстрейшим путём.

Во 2-х, в случае согласия, какие гарантии исполнения этих условий даст Англия, и не возражает ли она против опубликования этих условий.

В случае телеграфного запроса в Лондон мы берём на себя расходы на телеграмму с оплаченным ответом»¹²²?

Фактически это был план, который позднее реализовался на тех же, по сути, условиях, уже не в «английском», а в «германском» варианте при участии того же Платтена – швейцарского левого социал-демократа, сотрудничавшего с Лениным после Циммервальдской и Кинтальской конференций интернационалистов.

Ну, какой же, простите, подлой сволочью надо быть, чтобы при наличии *такого* документа смущать мозги извращением правды о германском «пломбированном» вагоне! Ведь из приведённого выше текста предельно ясно, что **германский «пломбированный» вагон возник исключительно потому, что Лондон не согласился на английский вариант «пломбированного» вагона!!!**

«Разоблачитель» «Николая» Ленина – Николай Стариков, в упомянутой ранее книге «анализирует» описанные выше коллизии, то и дело передёргивая факты и даты, пошло ёрничая и безбожно завираясь... Но, уделив «анализу» переезда два десятка страниц со 126-й по 146-ю, и выдавая явное (уже тогда) за тайное, о приведённом выше документе помалкивает.

И понятно почему!

Однако почти сразу же после отправки меморандума Ленин шлёт 30 марта Ганецкому из Цюриха в Стокгольм телеграмму (отнюдь не зашифрованную):

«Ваш план неприемлем. Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует. Милюков надует. Единственная надежда – пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев. Телеграфируйте.

Ульянов»¹²³.

¹²¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 417.

¹²² Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 417–418.

¹²³ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 418.

Чем была вызвана эта телеграмма? Судя по всему, некой неутешительной для Ленина вестью из Англии, о которой чуть позже. И так, с английским «пломбированным» вагоном ничего не получалось, а ситуация в России всё более требовала контроля. И в тот же день 30 марта 1917 года Ленин пишет Ганецкому – как связному между ним и Питером, огромное письмо. Оно было, фактически, инструктивным и практически всё посвящалось вопросам работы партии в России.

Ленин уже разобрался в ситуации и теперь передавал через Ганецкого в Питер те директивы и разъяснения, которых от него в первые дни после Февраля так простоудушно добивалась Коллонтай. Не имея возможности подробно цитировать очень объёмное письмо, приведу оттуда пару строк:

«...Надо очень популярно, очень ясно, без учёных слов, излагать рабочим и солдатам, что свергать надо не только Вильгельма, но и королей английского и итальянского. Это во-первых. А второе *главное* – свергать надо *буржуазные* правительства и начать с России...

...Условия в Питере архитрудные... Нашу партию хотят залить помоями и грязью... Доверять ни Чхеидзе с К⁰, ни Суханову, ни Стеклову и пр. нельзя...»¹²⁴

Наиболее же важно знать нам начало ленинского письма Ганецкому от 30 марта, касающееся отъезда:

«Дорогой товарищ! От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю „Колокола“ я, конечно, не могу. Сегодня я телеграфировал Вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это – обмен швейцарских эмигрантов на немецких интернированных...»¹²⁵

Тут придётся временно прервать цитату, чтобы кое-что пояснить...

Упомянутый Лениным издатель «Колокола» – как раз тот самый Парвус-Гельфанд, которого разного рода стариковы и К⁰ приплетают к истории с «пломбированным» вагоном (в «германском» варианте) и с «германским золотом». Парвус был действительно разнообразно грязен, но Ленин ещё в ноябре 1915 году в статье «У последней черты» охарактеризовал издававшийся Парвусом журнал «Die Glocke» («Колокол») как «орган ренегатства и грязного лакейства в Германии». Там же Ильич писал и так: «Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь... до последней черты... Господин Парвус имеет настолько медный лоб...» и т. д.¹²⁶

Между прочим, это Парвус выдвинул теорию «перманентной революции», а Троцкий лишь взял её на вооружение. Личностью Парвус был ловкой, мог, как говорится, в душу без мыла влезть, и подкатился он к Ганецкому явно не без умысла, в целях провокации.

Ленин на неё, конечно, не поддался.

Вернёмся, однако, к письму Ганецкому от 30 марта, которое Ленин, развёрнуто разъясняя смысл последней телеграммы, продолжал так:

«Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона (старый народник, позднее левый эсер, – С.К.) и его друзей. Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда!! Ясно, что злейшего врага хуже английских империалистов русская *пролетарская* революция не имеет. Ясно, что приказчик англо-французского империалистического капитала Милюков (и К⁰) способны пойти *на всё*, на обман, на предательство, на всё, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову и к Керен-

¹²⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 422–423.

¹²⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 418.

¹²⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 82–83.

скому (пустому болтуну, агенту империалистской буржуазии по его объективной роли) была прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии...»¹²⁷

Итак, англичане завернули назад во Францию даже эсера Чернова! Для Ленина это было вполне понятной причиной для отказа от попытки ехать через Англию. Ведь не проехал даже Чернов! Со всеми «выправленными» в «союзном» Париже бумагами...

Впрочем, ничего особо удивительного здесь не было. На первый взгляд, Чернов – не Ленин. Чернов – «оборонец», он за войну «до победного конца», но... Но Чернов популярен среди русского крестьянства, то есть он – политический конкурент петроградских креатур Лондона – Милюкова, Гучкова, Некрасова и т. д. Выходит, для англичан и Чернов в Питере неудобен.

Если маршрут через Англию невозможен для эсера-«оборонца» Чернова, то что говорить о большевике-«пораженце» Ульянове!? Чернова просто не пропустили, Ленина же наверняка арестовали бы – «англичанка», она ведь «завсегда гадит»...

«Английский» вариант отпал. Бритгты не только коварны, но ещё и думать умеют. Зачем им помогать Ленину сохранить белизну политических одежд, если их так просто испачкать в «тевтонской» грязи!?

Временное правительство на телеграммы из Швейцарии не реагировало¹²⁸, явно не желая содействовать возвращению Ленина в Россию. А историческое время – в отличие от «временных» – не ждало.

Что оставалось делать Ленину?

Ну???!!!

Ведь всё более становилась реальной опасность того, что Ленин в разгар российских событий застрянет на нейтральном швейцарском «обитаемом острове» посреди «океана» европейской войны...

Можно ли было допускать до этого?

Между прочим, тогда возникали даже такие проекты выезда большевиков (точнее – большевичек), как фиктивное замужество с кем-то из швейцарцев для получения швейцарского паспорта. И Ленин, рекомендуя большевичке С. Равич («Ольге») для этой цели меньшевика П. Б. Аксельрода, получившего швейцарское гражданство, писал 27 марта «Ольге»: *«Ваш план замужества мне кажется весьма разумным и я буду стоять (в ЦК) за выдачу Вам 100 frs: 50 frs в зубы адвокату и 50 frs „удобному старичку“ за женитьбу на Вас! Ей-ей!! Иметь право въезда и в Германию, и в Россию! Ура! Вы придумали чудесно!»*¹²⁹

Как, надо полагать, завидовал Ленин «невесте»!

Если бы тогда в Европе уже были легализованы однополые браки, вдрызг и напрочь «красный» во всех отношениях Ленин даже за какого-нибудь «голубого» мог бы, наверное, на пару недель «высочить» – лишь бы получить заветный «нейтральный» швейцарский паспорт, «вскрывавший» все границы...

И вдруг неожиданно нашёлся-таки «удобный» швейцарский «старичок» и для Ленина... Собственно, тогда он старичком ещё не был, имея в 1917 году тридцать шесть лет отроду, и в «мужья» Ильичу не набивался. Однако в Швейцарии имел определённый вес и помочь Ленину с отъездом мог. Речь – об известном читателю секретаре Социал-демократической партии Швейцарии... Роберте Гримме.

О том самом Гримме!

Гримм был не только социалистом-центристом, но и национальным советником, то есть – членом швейцарского парламента. И вот он-то предложил Ленину помощь в деле немедлен-

¹²⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 418–419.

¹²⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 120.

¹²⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 416.

ного проезда в Россию через Германию! Причём – проезда не только Ленина с большевиками, но и Мартова с меньшевиками, и эсеров...

Что ж, это было очень кстати, надо признать... Дело, наконец, стронулось с «мёртвой» точки...

Но подчеркну, что, вопреки таинственным намёкам стариковых на то, чего не ведаёт никто, всё, произошедшее в первые дни апреля 1917 года в Швейцарии после инициативы Гримма совершалось при свете широчайшей, так сказать, гласности.

Да и могло ли быть иначе!? Ленин, сразу поняв, что дело у Гримма наверняка «выгорит», так же сразу понял и то, что надо максимально нейтрализовать неизбежные негативные эффекты от проезда русских революционеров по территории страны, воюющей с Россией, а для этого надо *гласно* привлечь к делу европейских социалистов, в том числе – из Франции.

Так и было сделано, о чём – в своём месте.

31 марта 1917 года Заграничная коллегия ЦК большевиков решает принять предложение Гримма о немедленном переезде в Россию через Германию, и Ленин сразу же направляет Гримму телеграмму, подписанную также Зиновьевым и Ульяновой (Н. К. Крупской):

«Национальному советнику Гримму

Наша партия решила безоговорочно принять предложение о проезде русских эмигрантов через Германию и тотчас же организовать эту поездку. Мы рассчитываем уже сейчас более чем на десять участников поездки.

Мы абсолютно не можем отвечать за дальнейшее промедление, решительно протестуем против него и едем одни. Убедительно просим немедленно договориться и, если возможно, завтра же сообщить решение»¹³⁰.

Гримм ведёт переговоры с германским правительством через германского посланника в Швейцарии Ромберга, и русские эмигранты начинают потихоньку паковать чемоданы...

Ленин приводит в порядок личный архив и архив партии¹³¹.

Но почему вдруг Гримм проявил такую активность? Может быть, он делал это по поручению пресловутого «германского генштаба»?

Не думаю...

Напротив, уверен, что Гримм стал хлопотать за Ленина не в последнюю очередь потому, что *боялся* его дальнейшего пребывания в Швейцарии!

Политическая активность Ленина и его растущее влияние среди левых швейцарских социалистов мешали швейцарским центристам и лично Гримму всё больше. Но пока Ленин считался в России политическим преступником, «выпихивать» его из Швейцарии правые социалисты не могли – не теряя политического лица – никак. Отказать Ленину в политическом убежище означало выдать его царизму.

Теперь же, когда царизм пал, появлялся удобный вариант избавления от Ленина – переправить его в Россию, если уж не согласна Англия, через Германию.

Всё это, скорее всего, так и было, поскольку, если бы Ленин, продолжая оставаться в Швейцарии, свою нерастрченную энергию обратил на ситуацию «Ленин против Гримма», то ничего хорошего это мелкотравчатому Гримму не обещало бы.

Вот Гримм и хлопотал.

Николай Стариков уверяет всех, что Ганецкий-де «сидел у Ленина на финансовых потоках»... Эта жалкая попытка представить Ленина неким «олигархом от политики» даже не смешна.

Вот три документа, приводимые по тому 49-му ПСС. страницы с 424-й по 426-ю...

¹³⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 424.

¹³¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 638, 639, 640.

Письмо Ленина Арманд от начала апреля:

«...Надеюсь, что в среду мы едем – надеюсь, вместе с Вами.

Григорий (Г. Е. Зиновьев. – С.К.) был здесь, условились ехать вместе с ним...

Денег на поездку у нас больше, чем я думал, человек на 10–20 хватит, ибо нам *здорово* помогли товарищи в Стокгольме.

Вполне возможно, что в Питере теперь большинство рабочих социал-патриоты... (так оно тогда и было, именно в городской, а не в сельской среде. – С.К.)

Повоюем.

И война будет агитировать за нас...»

Как видим, Ленин в своей антивоенной агитации рассчитывал не на «германское золото», а на реалии самой жизни. А на какие же деньги в поездке рассчитывал Ленин? Это мы узнаём из его телеграммы Ганецкому в Стокгольм от 1 апреля 1917 года:

«Выделите две тысячи, лучше три тысячи, крон для нашей поездки. Намереваемся выехать в среду (4 апреля. – С.К.) минимум 10 человек. Телеграфируйте».

Вот и все «финансовые потоки»!

2 апреля Ленин пишет письмо главному «архивариусу» партии В. А. Карпинскому и его помощнице С. Н. Равич, в котором даёт инструкции по оформлению архива (снятие копий, переплёт и т. д.), а также сообщает:

«Дорогие друзья!

Итак мы едем *в среду* через Германию.

Завтра это решится окончательно.

Вам пошлём кучу тючков с нашими книгами, *бумагами* и вещами, прося пересылать по очереди в Стокгольм для пересылки нам в Питер.

Вам же пошлём денег и мандат от ЦК на ведение всей переписки и заведывание делами...

P. S. Денег на поездку мы надеемся собрать **человек на 12**, ибо нам *очень* помогли товарищи в Стокгольме...»

Напоминаю, это всё была чисто внутренняя переписка, на публику и на стариковых не рассчитанная. Письмо Арманд было опубликовано впервые в 1978 году в Полном Собрании сочинений, телеграмма Ганецкому и письмо Карпинскому – в 1930 году в XIII Ленинском сборнике. Так что эти документы удостоверяют подлинное финансовое положение Ленина со всей очевидностью факта – в отличие от подложных «документов» американца Сиссона и т. п.

Казалось бы, можно было вздохнуть с облегчением, присесть по русскому обычаю на дорожку и отправляться в путь, но тут...

Но тут заартачились швейцарские меньшевики во главе с Мартовым, а с ними и эсеры... Они стали возражать против постановления Заграничной коллегии ЦК большевиков о принятии предложения Гримма о немедленном переезде и требовали подождать санкции на проезд со стороны Петроградского (меньшевистского) Совета рабочих депутатов.

Иными словами, на быстрейший приезд Ленина в Россию должна была дать согласие та «петросоветская» шушера, которая дудела в одну дуду с Милюковым.

Каково?!

Линия швейцарских меньшевиков и эсеров была понятной – Ленин в Швейцарии был им был намного менее политически опасен, чем в Петрограде, и затычки с его отъездом были им выгодны. С другой стороны, и петроградским меньшевикам с эсерами в Петросовете, начиная с Чхеидзе и Керенского, Ленин в Питере нужен был не более, чем Гримму в Цюрихе...

Меньшевики не только возражали, они осведомили Гримма, и дело застопорилось

Владимир Ильич был взбешен и в записке в цюрихскую секцию большевиков написал:

«Дорогие друзья!

Прилагаю решение (о проезде. – С.К.)...

От себя добавлю, что считаю сорвавших общее дело меньшевиков *мерзавцами* первой степени, „боящихся“ того что скажет „общественное мнение“, т. е. социал-патриоты!!! Я еду (и Зиновьев) *во всяком случае*.

Выяснить точно, (1) кто едет, (2) сколько денег имеет...

Мы имеем *уже* фонд свыше 1000 frs (примерно 600 рублей. – С.К.) на поездки. Думаем назначить среду 4.IV как день отъезда.

Паспорта у русского консула брать *всем* по месту жительства *тотчас*...»¹³²

Последняя фраза, между прочим, ясно показывает, что подготовка к переезду совершалась хотя и без согласия Временного правительства, но и не втайне от него! Хотя Милуков публично грозил предать суду всех, кто поедет через Германию, – об этом Ленин пишет в очередном письме Карпинскому и Равич, сообщая также:

«...Платтен берёт на себя всё. Ниже сообщаю вам копию условий, которые Платтен предъявил. По-видимому, они будут приняты. Без этого мы не поедем. Гримм продолжает уговаривать меков (меньшевик. – С.К.), но мы, разумеется, действуем совершенно самостоятельно. Мы думаем, что отъезд состоится в пятницу, среду, субботу...»¹³³

А далее Ленин пишет, что он хочет, чтобы «*перед отъездом был составлен подробный протокол*» с подписанием его представителями печати и европейских социалистов.

Он просил переговорить немедленно с Анри Гильбо – французским журналистом-социалистом, издателем журнала «*Demail*» («Завтра»), а также – «*если Гильбо сочувствует*», попросить Гильбо «*привлечь для подписи и Ромена Роллана*» – знаменитого французского писателя прогрессивных взглядов, противника войны.

Хотел Ленин привлечь к освещению отъезда и адвоката Шарля Нэна, одного из лидеров Социал-демократической партии Швейцарии, редактора газет «*La Sentinelle*» (Часовой) и «*Droit du Peuple*» («Народное право»).

В изображении Николая Старикова переезд Ленина совершался чуть ли не в величайшей тайне, в лучших традициях «рыцарей плаща и кинжала». Как видим, в действительности Ленин был готов сообщить о своём *вынужденном* проезде через Германию всей Европе! 6 апреля Ленин лично отправил телеграмму Гильбо с просьбой привезти Роллана и Нэна или Грабера – второго редактора газеты «*La Sentinelle*».

Реально «Протокол о поездке» для печати подписали Платтен, Гильбо, французский социалист-радикал Фердинанд Лорио, специально приехавший из Парижа, немецкий социал-демократ Пауль Леви (Гарштейн) и представитель польской социал-демократии Бронский...

Опять начали ставить палки в колёса меньшевики. Ленин через Ганецкого запросил «мнение Беленина» (в данном случае имелся в виду не Шляпников, носивший этот псевдоним, а Бюро ЦК в Петрограде), и 5 апреля Бюро через Ганецкого дало директиву: «**Ульянов должен тотчас же приехать**»¹³⁴.

Да, надо было торопиться – в Питер начинала съезжаться вся «головка» большевиков. Ленин в Цюрихе получил из Перми телеграмму за подписями Каменева, Муранова и Сталина, возвращавшихся из сибирской ссылки: «*Salut fraternel Ulianow, Zinowiew. Aujourd'hui partons Petrograd...*» («*Братский привет Ульянову, Зиновьеву. Сегодня выезжаем в Петроград...*»)¹³⁵.

Через Платтена германскому посланнику Ромбергу были переданы условия, где главными пунктами были следующие:

¹³² Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 427.

¹³³ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 427–428.

¹³⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 556, прим. 479.

¹³⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 428.

«Едут все эмигранты без различия взглядов на войну. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права войти в вагон без разрешения Платтена. Никакого контроля ни паспортов, ни багажа. Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных»¹³⁶.

6 апреля Платтен сообщил о согласии Берлина – можно ехать!

Сборы проходили нервно, все были как на иголках. И это – не мой домысел, достаточно привести две телеграммы Ленина Ганецкому от 7 апреля... Первоначально отъезд был назначен на среду 4-го, но даже 7-го апреля Ленин был ещё в Берне и телеграфировал в Стокгольм:

«Завтра уезжает 20 человек. Линдхаген (социал-демократический депутат риксдага, бургомистр Стокгольма. – С.К.) и Стрём (секретарь Социал-демократической партии Швеции. – С.К.) пусть обязательно ожидают в Треллеборге. Вызовите срочно Беленина, Каменева в Финляндию...»¹³⁷

Но в тот же день в Стокгольм уходит другая телеграмма:

«Окончательный отъезд в понедельник. 40 человек (реально уехало 32 человека, – С.К.). Линдхаген, Стрём непременно Треллеборг...»¹³⁸

Комментировать здесь что-либо нужды, пожалуй, нет. И так ясно – атмосфера была, мягко говоря, не из спокойных. Кто-то спохватился в последний момент и хотел ехать тотчас, кто-то колебался и оставался...

Но всё это было делом десятым по сравнению с главным: **Ленин ехал в Россию!**

В понедельник 9 апреля (27 марта по старому стилю) Владимир Ильич с Крупской, Зиновьев с женой и сыном, Арманд со своей золовкой Константинович, ленинцы Скворно, Миха Цхакая – всего 32 человека, из которых 19 человек были большевиками, а 6 – бундистами, выехали через пограничный со Швейцарией германский Тайнген (Тинген) в Россию.

Поездка через Германию заняла три дня – скорость не экспресса, но и не такая уж плохая по военному времени и с учётом того, что это был не рейс по расписанию и не воинский «литер».

12 апреля 1917 года группа из германского порта Засниц отплыла в Швецию, и с борта парохода Ленин и Платтен отправили последнюю «переездную» телеграмму Ганецкому: «Мы приезжаем сегодня 6 часов Треллеборг»¹³⁹.

Уже с пути в Россию Ленин отправил телеграмму в Женеву и Карпинскому, оставшемуся для подготовки к отправке в Россию партийного архива:

«Германское правительство лояльно охраняло экстерриториальность нашего вагона. Едем дальше. Напечатайте прощальное письмо. Привет. Ульянов»¹⁴⁰.

Ленин имел в виду «Прощальное письмо к швейцарским рабочим», которое было опубликовано 1 мая 1917 года на немецком языке в газете «Jugend-Internationale», и заканчивалось так:

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 года лозунг: «превращение империалистической войны в гражданскую войну» угнетённых против угнетателей за социализм, – этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов... Немецкий... социал-империалист Давид назвал его «сумасшедшим», а представитель русского (и англо-французского) социал-шовинизма... господин Плеханов назвал его «„грезофарсом“». Представители

¹³⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 120.

¹³⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 431.

¹³⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 431.

¹³⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 433.

¹⁴⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 433.

центра отделялись молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой „прямой линии, проведённой в безвоздушном пространстве“.

Теперь, после марта 1917 года, только слепой может не видеть, что этот лозунг верен...

Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!

По поручению отъезжающих товарищей...

*Н. Ленин*¹⁴¹

Приведу и ещё один ленинский документ. Впервые он был напечатан 17 сентября 1924 года в газете «Ленинградская правда». Это – записка члену Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «А. Беленину» – А. Г. Шляпникову:

«Прилагаю расписки в плате за проезд нашей группы. 300 шведских крон я получил пособия от русского консула в Нараранда (из Татьянинского фонда). Доплатил я 472 руб. 45 коп. Эти деньги, взятые мной в долг, я желал бы получить из Комитета помощи ссыльным и эмигрантам.

*Н. Ленин*¹⁴²

Что тут можно сказать?

Ну и крохобором же был Ленин, оказывается! Привёз с собой германские «золотые» миллионы, а хлопотал о выплате каких-то жалких сотен русских рублей, к тому же – обесцененных.

Но, может быть, причина была в том, что *не было* у Ленина никаких миллионов? А по приезде Петрограда надо было не только вести партийную работу, но и на что-то элементарно жить.

Жить не на мифические германские миллионы, а на скромные, всё более обесцениваемые продолжающейся войной рубли...

Наконец-то, вновь – не на опостылевшие в эмиграции франки и кроны, а на русские рубли!

Ленин доехал-таки до России!

¹⁴¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 93–94.

¹⁴² Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 435.

Глава 9. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?» (Окончание)

Для верного взгляда на те дни полезно познакомиться с их описанием Павлом Милюковым – тогда одним из первых лиц в России, министром иностранных дел Временного правительства. Милюков пишет о возвращении «из тюрем, из ссылки, из-за границы – Швейцарии, Парижа, Лондона, Америки – представителей русской эмиграции», и заявляет, что «мы встречали их не только „с почётом“, но и с горячим приветом» и «надеялись найти среди них полезных сотрудников»...

Для Плеханова, например, по словам Милюкова, резервировали министерство труда, но сразу поняли, что «это – уже прошлое, а не настоящее»...

Так встречали – по давней, но, как оказалось, истрёпанной «одежке», соглашателей и «оборонцев»...

А как насчёт Ленина?

Милюков в своих «Воспоминаниях» «забыл» сообщить, что упорно не соглашался на проезд Ленина через Англию и вообще был против возвращения Ленина в Россию, потому что заранее было известно, что Ленин будет стоять за немедленное обращение к союзникам отказаться от требования «аннексий и контрибуций» и за предложение мира на этих условиях.

Но кое в чём Милюков и проговаривается:

«В начале апреля приехал через Германию Ленин со своей свитой в „запломбированном вагоне“... Позднее приехал Троцкий, и меня очень обвиняли впоследствии, что я „пропустил“ его. Я действительно настоял у англичан, у которых он был в „чёрном списке“, чтобы они его не задерживали. Но обвинявшие меня забывали, что правительство дало общую амнистию. К тому же Троцкий считался меньшевиком – и готовил себя для будущего. За прошлые преступления нельзя было взыскивать...» (Милюков П. Н. Воспоминания. М., Современник, 1990. Т. 2, с. 308).

Читаешь, и глазам своим не веришь! Тут же признать, что была объявлена общая амнистия, и умолчать, что она была общей для всех, *кроме Ленина!*

Меньшевик Троцкий, оказывается, готовил себя для будущего... А большевик Ленин что – не готовил себя для будущего?

Но за Троцкого, оказывается, можно было похлопотать перед англичанами, а вот за Ленина – *якобы* тоже подпадающего под *якобы общую* амнистию – боже упаси!

Сегодня это называется «политикой двойных стандартов», но во все времена для подобных действий было и ещё одно определение: лицемерие, двуличие и подлость!

В тех же «Воспоминаниях» Милюков раздражённо сообщает:

«...За прошлые преступления нельзя было взыскивать. Но когда Ленин начал с балкона дома Кшесинской произносить свои криминальные (ого! – С.К.) речи перед огромной толпой, я настаивал в правительстве на его немедленном аресте...»

Итак, для остальных эмигрантов от Милюкова – не только «почёт», но и «горячий привет». Для одряхлевшего меньшевика Плеханова, согласного и дальше лить кровь русских мужиков во имя «войны до победного конца» – министерское кресло...

А для энергичного большевика Ленина, требующего немедленно начать всеобщие переговоры о всеобщем мире – тюремные нары?

Ну-ну...

А теперь – уже без цитат и ссылок, но зная то, что мы знаем, ещё раз окинем взглядом тот неполный месяц, который прошёл с первого известия в Швейцарии о русской революции, до приезда Ленина в русскую столицу.

Ленин с самого начала войны не скрывал, что он сторонник поражения *правительства* России в целях превращения войны империалистической в войну революционную.

Последнее обстоятельство приходится раз за разом подчеркивать, поскольку на этот счёт то ли не просвещены, то ли передёргивают в нынешней РФ многие, начиная с Владимира Путина.

Ленин был ярчайшим патриотом России, но России не дворцов, а хижин. И Ленин желал поражения царизма как условия для превращения войны между буржуями разных стран в войну трудящихся всех стран против буржуев всех стран. Желать поражения *своей стране*, ведущей справедливую войну – предательство. Желать поражения жирующим *правлящим классам* своей страны, ввергнувшим её народы в бессмысленную и преступную войну – акт высокого гражданского и социального мужества.

Так в Европе, начавшей ужасающую взаимную бойню, смотрел тогда на проблему мало кто, но были люди и кроме Ленина, которые мыслили так же, как и он. 16 марта 1916 года депутат рейхстага Карл Либкнехт в речи в прусском ландтаге прямо призвал «борющихся в траншеях» «опустить оружие и обратиться против общего врага (то есть – капиталистов своих стран. – С.К.)...»¹⁴³

Депутат Либкнехт за это был... всего лишь лишён слова.

И русским или английским шпионом его никто не называл – всё же европейская политическая культура сказывалась. Впрочем, и ставки в Германии и России оказывались разными.

Немецкие рабочие к началу Первой мировой войны находились под сильным влиянием Второго Интернационала, которым руководили Бернштейн и Каутский – два выдающихся ренегата рабочего движения, ставших эффективными агентами влияния Капитала в рабочей среде.

А российские рабочие – не избалованные, в отличие от немцев, пониманием их проблем со стороны российского капитала (который, к тому же, как мы знаем, был на две трети *не* российским), обладали большими резервами революционности и верного классового сознания.

Поэтому Карл Либкнехт был для элитарной «белой» сволочи в Германии намного менее опасен, чем Владимир Ульянов для элитарной «белой» сволочи в России, и не только в России.

Соответственно, Владимира Ленина-Ульянова в России могли ожидать и превентивные меры пожестче, чем лишение слова в парламенте. Тем более, что Владимира Ильича от участия в буржуазных парламентах бог миловал.

Вернёмся, впрочем, в первую половину апреля 1917 года... Ленин проехал Германию и морем приближается к берегам Швеции.

Наконец, вот он – трап, и за ним – нейтральная территория.

В шведском Треллеборге прибывших ожидал Ганецкий, и они выехали в Мальмё, где встретились со шведами, среди которых был и Линдхаген – бургомистр Стокгольма... Встречали ли бы так нейтральные шведы человека, подозрительного по «германскому шпионажу»?

После ужина в честь прибывших, поздно ночью все выехали в Стокгольм и в 10 утра 13 апреля 1917 года прибыли в шведскую столицу.

Приезд русских эмигрантов, возвращающихся домой, вызвал в Стокгольме немалый интерес. Газета «Politiken» в № 85 от 14 апреля 1917 года поместила сообщение об этом на первой полосе. В частности, так говорилось: «После приветствий и поздравлений группа

¹⁴³ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 207.

русских направилась мимо щёлкавших аппаратами газетчиков и кинооператоров к гостинице „Регина“...»¹⁴⁴

Увы, несколько фото сохранилось, а кинокадры исчезли...

Зато сохранилось небольшое сообщение в том же номере «Politiken»:

«Наши друзья не хотели давать никаких интервью. Вместо интервью приехавшие передали через „Politiken“ прессе и общественности коммюнике о поездке.

Самое важное, чтобы мы прибыли в Россию как можно скорее, – с жаром сказал Ленин. – Дорог каждый день. Правительства приняли все меры, чтобы затруднить поездку.

Вы встретились с кем-нибудь из немецких товарищей по партии? (тут надо помнить, что тогда социал-демократы всей Европы считались сотоварищами. – С.К.).

Нет. Вильгельм Янсон из Берлина пытался встретиться с нами в Лингене у швейцарской границы. Но Платтен отказал ему, сделав дружеский намёк на то, что он хочет избавить Янсона от неприятностей такой встречи»¹⁴⁵.

Вильгельм Янсон – шовинистически настроенный социалист, один из редакторов «Корреспондентского Листка Генеральной Комиссии профсоюзов Германии», добивался встречи с Лениным, но что это было – плохо замаскированная провокация или журналистская назойливость, сказать сложно. В любом случае Янсон успеха не добился.

13 апреля в гостинице «Регина» прошло совещание русских эмигрантов с шведскими левыми социал-демократами. Председательствовали бургомистр Стокгольма Карл Линдхаген и Ленин. Ленин сделал сообщение о поездке, Линдхаген выступил с речью «Свет с востока»...

Шведы высказали полную солидарность с таким шагом русский социал-демократов, как решение проехать через Германию, а социал-демократ Карл Карльсон, редактор газеты «Politiken» выразил надежду, что революция в России перерастёт в международную революцию¹⁴⁶.

В половине седьмого вечера после прощального обеда, Ленин, которого провожало около ста человек, выезжает в небольшой шведский порт Хапаранда на северном берегу Ботнического залива. При взгляде на карту Швеции и Финляндии этот маршрут обескураживает. Зачем Ленину понадобилось ехать из Стокгольма к чёрту на кулички, *через всю* Швецию, в далёкую Хапаранду и, перебравшись оттуда в соседний Торнео, ехать к финско-русской границе *через всю* Финляндию, если от Стокгольма через Аландские острова до финского Або – рукой подать?

Уж не знаю – то ли в этом выразилось стремление мялюковых как-то уязвить Ленина и хотя бы на пару суток оттянуть его появление в Петрограде, то ли сказались опасности военного времени, но в любом случае задумываешься – как может быть мелок и глуп воспитанный старым, антиленинским, миром человек, идя на вуйны во имя прибылей кучки, против которой так страстно боролся Ленин. На вуйны, которые простое и человеческое делают сложным, а страшное и подлое – допустимым...

Так или иначе, эмигранты добрались до шведской Хапаранды.

Ботнический залив был ещё всюду покрыт льдом.

Поздней осенью 1907 года Ленин шёл по непрочному льду южной части этого залива, уходя из России в эмиграцию. Теперь, через десять лет, ранней весной 1917 года, он переехал по его льду из Хапаранды в финский Торнео на санях-вейках.

В Торнео его обыскали английские (!) офицеры из штаба войск Антанты (!?)¹⁴⁷

¹⁴⁴ Ленин. Собрание фотографий и кинокадров в двух томах. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1970. Т. 1, с. 44.

¹⁴⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 95.

¹⁴⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 530, прим. 62.

¹⁴⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 647.

Факт это был показательный во всех отношениях, но по большому счёту это было мелкой мстостью, и по Финляндии Ленин проехал под приветствия рабочих. А в ночь с 16 на 17 апреля (по новому стилю) 1917 года он закончил свою эмигрантскую одиссею на площади Финляндского вокзала в Петрограде. Его встречали тысячи людей, Руководители Петроградского Совета Чхеидзе и Скобелев, делая хорошую мину при кислом настроении, приветствовали его речами, выражая «надежду», что Ленин с ними «найдёт общий язык»...

Но всё это были детали. Главным было то, что Ленин приехал в Россию!

Теперь, прибыв на Родину после десятилетней разлуки, он с Россией больше не расстанется – до смерти.

На вопрос, кем был Ленин, многие сегодня ответят, что был он-де «германским шпионом», привезённым в Россию «в запломбированном вагоне».

Вагоны, в которых Ленин ехал по Германии, Швеции и Финляндии в Россию, были вполне обычными, но не о том речь, а о том, что Россия не сразу увидела в Ленине непререкаемого, нужного ей вождя, а многие и впрямь поверили в то, что приехал «шпион».

Ленина по приезде приветствовали бурно, это так. Однако *основная* масса даже питерских рабочих тогда находилась под влиянием не Ленина. Пока что за ним шли даже в Питере в лучшем случае десятки тысяч, но – не сотни тысяч, что его, впрочем, не обескураживало. Как и Наполеон Бонапарт, Ленин считал, что надо ввязаться в хороший бой, а там – посмотрим...

«Повоюем», – писал он Арманд накануне отъезда.

И бои предстояли несомненные.

Историк Юрий Фельштинский в 1995 году утверждал:

«Сделав ставку на революцию в России, германское правительство в критические для Временного правительства дни и недели поддержало ленинскую группу, помогло ей проехать через Германию и Швецию... Как и германское правительство, ленинская группа была заинтересована в поражении России».

Здесь – всё не так...

Причём *настолько* не так, что одним этим утверждением Фельштинский полностью зачёркивает своё реноме не то что «объективного историка», но историка как такового!

Во-первых, ставку на революцию в России (точнее – на «спецоперацию») сделала Антанта, и это она вдохновляла на «революцию» – замышляемую как верхушечный переворот, российские буржуазные круги.

Во-вторых, проехать через Германию Ленину помогли правый швейцарский социал-демократ Гримм и левый швейцарский социал-демократ Фридрих Платтен, а через Швецию – шведские социал-демократы.

В-третьих, Ленин вернулся в Россию не в «критические» для «Временных» дни, а в разгар «медового месяца» Временного правительства с российским обществом. «На ура» шёл военный «Заём свободы»!

Наконец, Ленин был заинтересован в поражении не России, а помещичье-капиталистической власти в России, справедливо считая такое поражение условием перехода власти в России к представителям народа.

Ленин приехал в Петроград из Швейцарии действительно транзитом через Германию и Швецию, и вагон с русскими политическими эмигрантами при проезде по территории Германии был действительно закрыт и пользовался правом экстерриториальности. Но такой маршрут был задан Ленину и его товарищам, как мы знаем, англичанами.

Вспомним последовательность событий....

Февральская революция объявила всеобщую политическую амнистию. Теперь эмигранты могли вернуться домой без того, чтобы тут же угодить в каталажку в России. Однако Англия не пропускала тех революционеров, которые выступали **против войны**. Угрозу тюрьмы в России сменила угроза тюрьмы в Англии. Путь Ленину из Швейцарии через Фран-

цию и Англию на Швецию, а из неё в Финляндию и Россию был закрыт во имя торжества «английской демократии» над «пруссским милитаризмом». При проезде Ленина через Англию его бы просто арестовали.

И это – не предположение, англичане так тогда и поступили с некоторыми российскими политэмигрантами. Не забудем, что Золотой Интернационал элиты уже готовил подключение Соединённых Штатов к финальной стадии войны, и преждевременное её прекращение было абсолютно недопустимо для клана вильсонов, ллойд джорджей, клемансо, черчиллей, морганов, ротшильдов и барухов. Америка должна была прийти в Европу и стать вершительницей ей дальнейших судеб – позднее мы к этому аспекту эпохи ещё вернёмся.

Да, как раз в дни, когда Ленин готовился к отъезду в Россию, – 6 апреля 1917 года, Соединённые Штаты Америки объявили войну Германии. И могла ли Антанта допустить, чтобы в Россию через территории, контролируемые «союзниками», проехали люди, которые могли сорвать процесс наращивания военных сверхприбылей Америки?

Отношение же германского правительства к проезду русских революционеров, выступающих **против войны**, было прямо противоположным английскому. К началу 1917 года Германия оказалась в наиболее сложном положении из всех воюющих держав – даже в более сложном, чем Россия. С одной стороны, Германия заняла значительные территории – Бельгию, значительную часть Франции, русскую Польшу, но с другой стороны в Германии нарастал дефицит всего, ресурсы истощались, а «союзники» получали всё возрастающие поставки из «нейтральной» Америки. До официального подключения США к войне Германия получила от них кредитов на 20 миллионов долларов, а страны Антанты – на 2 миллиарда!..¹⁴⁸

Уже это говорит, что Германия была обречена, ибо она мешала Америке как опаснейший конкурент на мировой арене. О связи элитарного антениколаевского переворота со вступлением США в войну ещё будет сказано особо – в главе «Российский Февраль и американский Апрель 1917 года...», а сейчас отмечу, что Милюков грозил Ленину всеми карами – вплоть до тюрьмы, если Ленин поедет через Германию, не только потому, что страшился политической силы Ленина, но и потому, что **приезд Ленина в Россию был очень невыгоден Америке!**

В то же время Ленин в России был – да, объективно выгоден Германии уже потому, что он с начала войны выступал за её прекращение всеми странами «без аннексий и контрибуций», а кайзеру Вильгельму к весне 1917 года было уже не до аннексий, а контрибуции грозили в перспективе самой Германии.

То, чего добивался Ленин в вопросе о войне, было необходимо народам России и Европы... Но это давало шанс – пусть и малый, также кайзеровскому режиму в том смысле, что если бы в 1917 году *в Европе* победила точка зрения Ленина, воздействовавшего на Россию, то кайзеровский режим мог сохраниться.

В декабре 1916 года Германия через нейтральные страны обратилась к державам Антанты с мирными предложениями¹⁴⁹.

Но это ещё были предложения с позиции чуть ли не победителя.

31 января 1917 года германское правительство сообщило свои условия мира президенту США Вильсону¹⁵⁰.

И вот эти условия для тех, кто хотел бы *свернуть* войну, вполне могли стать базой для, хотя бы, временного перемирия. Немцы и на этот раз сильно запрашивали, но было ясно, что это – запрос, а реально они пойдут на уступки.

¹⁴⁸ История Первой мировой войны 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2, с. 297, 545.

¹⁴⁹ История Первой мировой войны 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2, с. 286.

¹⁵⁰ История дипломатии. М.: Политиздат, 1965. Т. III, с. 40–41.

Однако Америка готовилась войну как раз *развернуть* – во имя закабаления Европы, а потом – и мира. 3 февраля 1917 года США разорвали дипломатические отношения с Германией, мотивируя разрыв действиями германского подводного флота.

Сопоставим две даты...

6 апреля 1917 года, Соединённые Штаты Америки объявили войну Германии.

И в тот же день – 6 апреля 1917 года, Фриц Платтен сообщает Ленину о согласии германского правительства на проезд русских эмигрантов через Германию.

Совпадение поразительное, но совпадение ли это?

Нет ли прямой связи между вступлением Америки в войну и решением Берлина о пропуске Ленина?

Уверен, что она – налицо!

Америка на стороне Антанты – это начало конца Германии при любых её временных успехах, этого в Берлине не понимать не могли. Жадность – жадностью, а требовалось смотреть реальности в глаза. И могли ли немцы в апреле 1917 года отказать в возвращении на родину тем, кто обличал мировую бойню, если ещё в декабре 1916 года Германия была готова немедленно приступить к мирным переговорам?

Тем более Германия должна была склоняться к миру после вступления в войну Америки. И активный противник войны Ленин был немцам в России выгоден. Но прекращение войны было выгодно и народам России, вот ведь в чём заключалось главное!

Германские имперские министры не настолько хорошо разбирались во взглядах лидера большевиков, чтобы понимать, что они-то, представители истощаемой войной буржуазной Германии, хотели мира во имя **спасения** германского империализма, а Ленин призывал к миру во имя **уничтожения** любого империализма, в том числе – и германского.

Внешне цели совпали, но это никак не объясняется тем, что Ленин каким либо образом был связан с германским правительством. Никто ведь на Западе не называет Черчилля «агентом Сталина» на том основании, что Черчилль сотрудничал со Сталиным. Просто с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года основной целью *обоих* было победить Гитлера.

Весной 1917 года, тоже было налицо тактическое совпадение целей, даже без совместных договорённостей.

А какой была роль германского генштаба? И играл ли он в коллизии с проездом Ленина вообще какую-либо роль, принимал ли здесь то или иное участие?

Конечно, принимал, и не мог не принять!

С кем же ещё могло советоваться политическое руководство Германии в ходе принятия решения, как не со своими собственными спецслужбами, то есть – с разведкой генштаба? Так, например, в информационных сетях бродят то ли сплетни, то ли сведения о том, что бывший шеф кайзеровской разведки Вальтер Николаи, попав в 1945 году в советский плен, ставил себе в заслугу, что принимал-де участие в «переправке» Ленина в Россию. Могу поверить – в том смысле, что с Николаи это обсуждали – в Берлине. Но это касалось лишь внутренних отношений германских ведомств, к чему Ленин отношения, естественно, не имел.

Всю пикантность ситуации при проезде транзитом через Германию Ленин прекрасно понимал, однако иного пути добраться до бурлившей России не было. Поэтому-то он и настоял на праве экстерриториальности, то есть – проезде без контроля паспортов и багажа, без допущения в вагон кого бы то ни было из германских чиновников и вообще германских граждан. Отсюда и пошёл ездить «пломбированный вагон» по страницам ряда петроградских газет – как пошлый исторический курьёз.

В качестве ещё одного подобного курьёза могу сообщить, что в 50-е годы директор ЦРУ Аллен Даллес вспоминал, как якобы «на исходе» 1916 года некий «крепкий лысый человек с рыжеватой бородкой» настойчиво желал встретиться с ним – тогда резидентом американской разведки в Швейцарии. Но, заключал Даллес, «меня ждала партия в теннис с прекрасной

дамой», и Ленин – ну кто же ещё это мог быть! – так и не был принят. Причём историки ЦРУ якобы вычислили, что Ленин-де заходил к Даллесу незадолго до отъезда в Россию, «посоветоваться о немецких субсидиях большевикам»¹⁵¹.

Да-а-а...

Униженно сгорбившийся в ожидании «мудрого» совета Ленин в потёртом пиджачке перед вальяжным, респектабельным, в белоснежном теннисном костюме под цвет швейцарских снегов, Алленом Даллесом – картина ещё та!

Чего-чего, а самонадеянности «сто процентным» янки не занимать! Они даже не удосужились сопоставить хронологию событий, но уж чёрт с ними!

Хорошо ещё, что шеф ЦРУ не задал своим подчинённым задачу проанализировать – не был ли «ещё один не принятый» Даллесом крепкий двухметровый русский заяц с усиками и кудрявыми волосами Петром Первым, желавшим продать по дешёвке в библиотеку Конгресса оригинал своего подложного «Завещания»?

¹⁵¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М.: Москвитянин, 1993, С. 264–265.

Глава 10. «Германо-английский» «агент» Ленин против германского агента Боргбьёрга

Русская буржуазия сбросила царя, чтобы продолжать войну. И вдруг приезжает энергичный человек с лозунгом: «Никаких уступок „революционному“ оборончеству! Да здравствует социальная революция!»

Как ослабить его влияние?

Ну, конечно же, сообщить, что приехал «немецкий шпион». Пик обвинений Ленина в прямом шпионаже придётся на июль 1917 года, когда его попытаются арестовать. Но уже весной «пломбированный» вагон был излюбленной темой всей «жёлтой» питерской прессы.

В некотором смысле забавно, но и показательно, что 19 апреля (2 мая по новому стилю) 1917 года поэт Александр Блок писал в письме: «*Буржуа только и делают, что боятся: то хулиганов, то немцев, то Ленина, то анархии*»¹⁵².

Так или иначе, Ленин – в России, в центре событий, и отныне сам всё более становится центром событий, исходной точкой их формирования и течения. На следующий день после приезда, в 8 часов вечера 4(17) апреля 1917 года началось заседание Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, и Ленин там – сразу же – дал свой первый политический бой.

Вначале по вопросу «О положении швейцарской эмиграции» выступил бывший депутат II Думы меньшевик-интернационалист А. Г. Зурабов (1873–1920), избранный членом Исполкома Петросовета.

Зурабов вернулся в Россию из Копенгагена и подтвердил, что министр иностранных дел Милоков чинил препятствия возвращению на родину эмигрантов-интернационалистов. От имени оставшихся в Швейцарии меньшевиков он предложил Исполкому нажать на Временное правительство, чтобы были начаты переговоры об обмене эмигрантов на интернированных или военнопленных немцев.

Поясню, что «двоевластие» в России выразалось в том, что исполнительную власть осуществляло Временное правительство, но считалось, что оно находится под контролем Петросовета. Реально отношения «Временных» и соглашателей из Петросовета строились по типу Петуха и Кукушки из басни Крылова, однако, нажав на Исполком, можно было как-то повлиять и на правительство.

Выступивший после Зурабова Зиновьев предложил принять соответствующую резолюцию. Председатель Петросовета Церетели и меньшевик Богданов выступили против, и тогда слово взял Ленин...

На том же заседании Ленин был введён в состав Петроградского Совета... Это была его первая государственная, по сути, должность за всю его политическую биографию¹⁵³.

Но это было лишь начало!

Назавтра – 18 апреля 1917 года, в № 24 газеты «Правда» – печатного органа ЦК РСДРП(б), и одновременно в № 32 газеты «Известия» – печатного органа Петроградского Совета рабочих депутатов была опубликована ленинская статья «Как мы доехали». Там Ленин кратко описал то, что мы уже знаем. А через неделю после приезда – 12(25) апреля он пишет письма Карпинскому в Женеву и Ганецкому с Радеком в Стокгольм¹⁵⁴.

Карпинскому он, в частности, сообщал:

¹⁵² Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980–1983. Т. 6, с. 278.

¹⁵³ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 533, примеч. 71.

¹⁵⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 435–436 и 437–438.

«...Нас пропустили, встретили здесь бешеной травлей, но ни книг, ни рукописей, ни писем до сих пор не получаем. Очевидно военная цензура работает чудесно – даже чересчур усердно, ибо Вы знаете, что у нас ни тени нигде о войне не было и быть не могло...

...Доехали чудесно. Платтена не впустил Милюков (!! – С.К.).

Атмосфера здесь – бешеная травля буржуазии против нас. Среди рабочих и *солдат* – сочувствие...

22. IV.1917 г. Всероссийская конференция большевиков (нашей партии) в Питере.

Черкните, издано ли наше „Прощальное письмо“, на каких языках и как идёт сбыт...

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *В. Ульянов*».

В письме Ганецкому и Радеку он тоже коснулся общей атмосферы в Петрограде:

«...Буржуазия (+ Плеханов) бешено травят нас за проезд через Германию. Пытаются натравить солдат. Пока не удаётся: есть сторонники и верные. Среди эсеров и социал-демократов самый отчаянный шовинистический угар...

...Созываем 22.IV.1917 Всероссийскую конференцию большевиков. Надеемся вполне выправить линию „Правды“...

Положение архисложное, архиинтересное...»

Итак, «германский» (а по Н. Старикову – даже двойной, «англо-германский») «агент» Ленин начал действовать. Однако для «германского агента», якобы получившего «миллионы золотых марок» от «германского генштаба», Ленин повёл себя странно.

Во второй половине апреля в Петроград приехал известный датский социал-демократ Фредерик Боргбьерг (1866–1936), связанный с немецким правым социал-демократом Шейдеманом, который через полтора года войдёт в последнее имперское правительство Макса Баденского.

Боргбьерг от имени Объединённого комитета рабочих партий Дании, Норвегии и Швеции предложил социалистическим партиям России принять участие в конференции по вопросу о заключении мира. Созвать её предлагалось в Стокгольме в мае 1917 года.

23 апреля (6 мая), на заседании Исполкома Петроградского Совета, где большинство было тогда у меньшевиков, Боргбьерг откровенно сказал: «Германское правительство согласится на те условия мира, которые германская социал-демократия предложит на социалистической конференции...»¹⁵⁵

Шито тут всё было, конечно, белыми нитками – «условия мира германской социал-демократии» от первого до последнего пункта написали бы германский генштаб и канцлер Бетман-Гельвег.

Так что один-то агент германского генштаба – без кавычек, в мае 1917 года по Петрограду разгуливал. Это был датчанин Боргбьерг.

Как же «помог» ему Ленин?

А вот как...

25 апреля (8 мая) 1917 года Исполком Петроградского Совета заслушал мнения партийных групп. За поездку в Стокгольм высказались трудовики, бундовцы и меньшевики. Большевики же по требованию Ленина объявили участие в такой «мирной» затее полной изменой интернационализму. А Апрельская Всероссийская конференция большевиков, проходившая в Петрограде с 24 по 29 апреля (7—12 мая), разоблачила Боргбьерга как... агента германского империализма.

Ленин прямо назвал его «агентом немецкого правительства».

¹⁵⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 560, примеч. 149.

На Всероссийской конференции РСДРП(б) присутствовал 131 делегат с решающим и 18 с совещательным голосом от 78 партийных организаций. Выборы на конференцию прошли на конференциях местных организаций из расчёта 1 делегат на 500 членов партии. То есть, тогда в партии состояло не менее 65 тысяч человек. Ленин на конференции говорил даже о «70 000 членов нашей партии»¹⁵⁶.

Сразу после революции численность организаций большевиков не превышала 40–45 тысяч человек, но, как верно отмечала сталинская «История КВП(б)», это были «закалённые в борьбе кадры». Теперь же в РСДРП(б) приходило новое пополнение, и это были тоже неплохие кадры – членский билет партии большевиков особых доходов и привилегий тогда не обещал.

С одной стороны, в период с примерно 1915 года по весну 1917 года о партии большевиков можно было говорить как о некой виртуальности, поскольку связь между руководством и партийной массой нередко почти отсутствовала.

С другой стороны, партия была и жила даже в эти сложные годы – так уж выстраивал её, так готовил её сам её вождь – Ленин. Армия генерала Монка – во всяком случае, в романе Дюма «Десять лет спустя», сохранила себя как единое целое даже в тот период, когда Монк, похищенный д'Артаньяном, в ней отсутствовал. Нечто подобное имело место – но не в романе, а в жизни, и в партии Ленина, умевшей сохранить себя и без связи с Лениным.

Теперь партийная масса была связана с Лениным напрямую, а Ленин был связан напрямую с партийной массой.

И это было хорошо.

На Апрельской конференции обсуждались комплекс политических и социальных проблем и линия большевиков в событиях. Несогласных с Лениным на конференции хватало, однако основная часть делегатов пошла за ним. Все резолюции конференции написал, по сути, Ленин, в том числе и «Резолюцию о войне», которая 29 апреля (12 мая) 1917 года была опубликована в № 44 «Правды». Начиналась она так:

«Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистическая, т. е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынков финансового (банкового) капитала, из-за подчинения слабых народностей и т. д. Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и истощает силы пролетариата и крестьянства...

Переход государственной власти в России к Временному правительству, правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России...

Поэтому пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов...»¹⁵⁷

В резолюции было сформулировано и отношение Ленина к сепаратному миру с Германией:

«Что же касается до самого важного вопроса о том, как кончить возможно скорее, и притом не насильственным, а истинно демократическим миром, эту войну капиталистов, то конференция признаёт и постановляет:

Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одною из воюющих сторон.

Конференция протестует ещё и ещё раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как и капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма таким же коронованным

¹⁵⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 367 и с. 557, примеч. 144.

¹⁵⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 403.

разбойником, как и Николая II и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих...»¹⁵⁸

Как видим, резолюция о войне Апрельской конференции никак не разваливала фронт.

Что же до Боргбьерга, то Ленин, выступая 25 апреля (8 мая) на конференции, сказал:

– Я не могу согласиться с товарищем Ногиним... Не надо забывать сути и подкладки всей этой истории. Я вам прочту точно сообщённое в «Рабочей Газете» предложение Боргбьерга и отмечу, что за всей этой комедией якобы социалистического съезда кроется самый реальный политический шаг германского империализма. Тут не может быть и тени сомнения, что это предложение немецкого правительства, которое не делает таких шагов прямо и которому нужны услуги датских Плехановых, потому что на такие услуги немецкие агенты не годятся. Положение Германии самое отчаянное, вести теперь эту войну – дело безнадежное. Вот почему немцы говорят, что готовы отдать почти всю добычу, ибо они всё-таки стремятся при этом урвать кое-что...

Зал слушал внимательно, хотя не все лица выражали одобрение и понимание. Вроде бы речь о мире, а Ленин – против.

Ленин же продолжал:

– Несомненно, что когда английские и французские социал-шовинисты сказали, что они не идут на конференцию, – они уже всё знали: они пошли в своё министерство иностранных дел, и им там сказали: мы не хотим, чтобы вы туда шли... Отрицать то, что Боргбьерг – агент немецкого правительства, нельзя. Вот почему, товарищи, я думаю, что нам эту комедию надо разоблачать. Все эти съезды не что иное, как комедии, прикрывающие сделки за спиной народных масс...¹⁵⁹

Вот тебе и «пломбированный вагон»!

Вот тебе и «немецкий шпион»!

А ведь как удобно было бы укрыться за спиной Боргбьерга действительному агенту немцев...

Впоследствии отставные «социалистические» политики Февраля об истории с Боргбьергом вспоминать не любили, а если и вспоминали, то с явным намерением затемнить этот неприглядный для них эпизод. Так, уже знакомый нам бывший комиссар Временного правительства доцент Владимир-Владас Станкевич-Станка, покинувший Россию в 1919 году и с 1949 года живший в США, написал о Боргбьере следующее:

«Подлинное же мнение большинства германской социал-демократии привёз представитель датских социалистов Боргбьерг. Он появился как-то таинственно, произнёс небольшую (!? – С.К.) речь с явными недомолвками, потом на неделю куда-то ступешался. Потом появился опять и заявил, что может приблизительно изложить мнение германских социалистов. Но это мнение отнюдь не произвело впечатления ответного рукопожатия, а скорее, попытки спекулировать на русской революции»¹⁶⁰.

В общем, по Станкевичу выходило, что приезжала, мол, какая-то мелкая подозрительная «шущера», которую никто (и особенно «трудовики» во главе со Станкевичем-Станкой) всерьёз не воспринял.

А ведь пятидесятилетний Боргбьерг к тому времени был уже двадцать лет депутатом датского парламента, главным редактором центрального органа партии – газеты «Социал-демократ». К русскому Октябрю он отнёсся враждебно, в двадцатые и тридцатые годы занимал в королевском правительстве Дании посты министра социального обеспечения, а потом – обра-

¹⁵⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 405.

¹⁵⁹ Приведено по: Там же. Т. 31, с. 364–367.

¹⁶⁰ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 54.

зования. Поэтому тот же Станкевич говорил с ним в 1917 году «без дураков», прекрасно представляя себе немалые фактические полномочия датчанина.

Впрочем, прогерманская миссия Боргбьерга была обречена во «временном» Петрограде уже потому, что тон в мировой *буржуазной* политике задавал теперь Вашингтон, официально подключившийся к войне и подготавливавший поездки в Россию собственных полномочных эмиссаров типа летней миссии Элиху Рута. Ниже я познакомлю читателя с этой миссией, отсылая его за более подробными сведениями к, например, страницам с 312-й по 315-ю собственной своей книги «Россия и Япония: сравнить!»

Там же можно прочесть и о, например, некоей таинственной межсоюзнической конференции, проходившей в Петрограде в январе 1917 года. Полковник Хор обозвал конференцию «Ноевым ковчегом». Он считал: «Ни народ, ни правительство, ни император не хотели приезда союзной миссии... этой большой компании политиканов, военных и экспертов... Это было назойливостью в час испытаний их Родины»...

Английскую делегацию на январской конференции возглавлял лорд Альфред Мильнер, и вот как позднее оценил суть его миссии ирландский политик Гинелл: «Наши лидеры... послали лорда Мильнера в Петроград, чтобы подготовить революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице». Гинелл был тогда разгневан жестокой расправой лондонских лидеров с неудачным Ирландским национальным восстанием, поэтому и разоткровенничался, и верить ему мы тут просто обязаны.

Бьюкенен, Мильнер, Миллюков, Керенский, Станкевич – всё они, и многие другие были частицами одной и той же политической мозаики, но вот уж Ленина в эту мозаику пусть стариковы не «монтируют» – он ей был чужд и как политик, и как человек!

Впрочем, подробный анализ русского Февраля в *этом* разрезе уведёт нас слишком далеко, поэтому ограничимся, применительно к теме «Ленин – спаситель России», лишь мимолётным взглядом на важнейший – американский аспект тогдашней ситуации.

Глава 11. Российский Февраль и американский Апрель 1917 года

Весна и лето 1917-го оказались для России не только бурными, но и неоднозначными. Это плохо было понято многими в реальном масштабе времени, и мало кем верно понято по сей день, но во второй русской революции переплелись не только два очень разных внутренних фактора, о чём уже говорилось, но и несколько очень разных внешних тенденций, отражавших политические, экономические и геополитические интересы тех или иных мировых групп влияния, общим для которых было одно – стремление максимально обессилить Россию, а то и раздробить её.

При этом фактор Америки был объективно важнейшим уже потому, что Соединённые Штаты, формально не участвуя в войне до апреля 1917 года, были главными сценаристами и режиссёрами этой войны. Об этом подробно написано в моей книге «Политическая история Первой мировой», поэтому здесь лишь скажу, что основной причиной Первой мировой войны были не уже сформировавшиеся англо-германские противоречия, а потенциально обостряющиеся **американо-германские** противоречия по всему спектру важнейших мировых проблем.

Америке, а ещё точнее – наиболее космополитическим кругам Мировой Элиты, надо было руками русских обессилить немцев, руками немцев – русских, в целом руками европейцев обессилить Европу, чтобы подчинить её влиянию Америки, а заодно и Россию лишить перспектив суверенного развития. Добиться этого можно было, только развязав войну в Европе. Вот войну в Европе и развязали – в обеспечение интересов США.

А в апреле 1917 года Штаты «лично» пришли в Европу, формально – как её союзники, а на деле – как агрессоры. Мудрый Шарль-Морис Талейран за сто лет до этого предупреждал: «В тот день, когда Америка придёт в Европу, мир и безопасность будут из неё надолго изгнаны»!¹⁶¹

О том, как янки готовились к первому акту захвата господства над миром давно надо бы написать отдельную книгу, здесь же сообщу лишь, что уже в 1910 году в США началась работа по коренной реорганизации армии. Американский военно-морской флот, оснащённый новейшими линкорами, ещё ранее заявил претензии на мировое лидерство, а теперь наступало время для сухопутных вооружённых сил. В июне 1912 года особое совещание начальников отделов военного ведомства во главе с военным министром Стимсоном, и офицеров Генерального штаба во главе с генералом Вудом обсудило проект создания армии, «**способной противостоять армии любой европейской державы**»!¹⁶²

Зачем Америке была нужна такая армия, если сухопутная агрессия против США по сей день невозможна? Конечно же, мощная армия нужна была Штатам для **их собственной** будущей агрессии в Европу.

Знания одного этого факта достаточно для того, чтобы отправить в мусорную корзину все псевдоисторические опусы, уверяющие, что Америка-де «вынуждена» была вмешаться в европейский конфликт лишь после того, как возникла «угроза демократии в Европе».

В начале XX века нельзя было даже и помыслить о том, что какая-то европейская держава отправится через океан завоёвывать Соединённые Штаты. Зато вполне можно было представить себе такое развитие событий, когда армия Соединённых Штатов отправится за океан в Европу, чтобы в полном соответствии с давним прогнозом Талейрана, изгонять из Старого Света мир и безопасность.

¹⁶¹ Борисов Ю. В. Шарль-Морис Талейран. М.: Междунар. отношения, 1986. С. 51.

¹⁶² История Первой мировой войны 1914–1918. Т. 2, с. 301.

Собственно, так ведь и произошло!

Ленин понимал это и без Талейрана, но понимал и то, что влияние Америки в России не будет значащим только в том случае, если проамериканские политики будут изгнаны с арены российской политики. Таких политиков в России весной 1917 года хватало, о чём – ниже. И это было одной из проблем, не учитывать которые Ленин не мог.

Ниже приведён ряд конкретных иллюстраций на тему «русских» американских вождений...

С конца XIX века в Россию активно внедрялся французский, английский, бельгийский и германский капитал, а доля американского капитала оказывалась при делёжке российского «пирога» очень уж непропорциональной аппетитам США. Долее терпеть такую «несправедливость» капитал Америки, конечно же, не мог! И уже в 1912 году Америка по объёму своего экспорта в Россию – как сообщает историк-американист Р. Ш. Ганелин, оставила позади Англию и уступала лишь Германии¹⁶³.

К лету 1914 года в Россию ввозилось американских товаров более чем на 100 миллионов долларов в год, то есть – более чем на 200 миллионов рублей. Для сравнения – государственный бюджет Российской империи составлял в 1913 году 3 миллиарда 436 миллионов рублей.

В 1913 году по инициативе США в Москве была учреждена Русско-Американская торговая палата. А летом 1914 года – ещё до войны, русское правительство заявило об отказе продлевать русско-германский торговый договор, срок которого истекал в 1916 году. И сразу же – 23 июня 1914 года бывший американский посол в России Кертис Гульд, выступая в Бостонской торговой палате, предложил сделать Россию рынком для промышленности США, равным по своему значению Латинской Америке.

Сравнение было вполне «знаковым» – Америка возымела желание сделать из России одну огромную «банановую» республику, но – без бананов. Расчёт был, кроме прочего, на вытеснение с российского рынка немцев. И, зная это, нетрудно предположить, что уже одними этими планами Америки можно объяснить стремление США развязать мировую войну, хотя планами захвата российского рынка коварство Америки, конечно же, не ограничивалось.

Замечу в скобках, что Америке было не менее важно устранить Германию как конкурента не только на внешних рынках, включая латиноамериканский, но и на собственном внутреннем рынке, где германские производители завоёвывали всё более прочные позиции.

С началом войны США усилили свою экономическую экспансию в Россию, и вашингтонский агент российского министерства торговли и промышленности К. Ю. Медзыховский писал министру С. И. Тимашеву об «удивительном увлечении американцев целиком завоевать русский импортный рынок»!

¹⁶³ Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. 2014.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.